

ЖУРНАЛ «ЛЕХАИМ»

**ДЕКАБРЬ
2010**

**ХЕШВАН
5771**

№12(224)

ЖУРНАЛ «ЛЕХАИМ»: ВЫХОДНЫЕ ДАННЫЕ

ЛЕХАИМ 12/224

**Ежемесячный литературно-публицистический журнал
выходит с 1991 года**

**Главный редактор
Борух Горин**

**Административный директор
Яков Ратнер**

**Ответственный секретарь
Елена Калло**

**Художественный редактор
Евгения Черненькова**

**Выпускающие редакторы
Лариса Беспалова
Ишайя Гиссер
Галина Зеленина
Афанасий Мамедов
Ирена Подольская
Йеуда Рабейко
Михаил Эдельштейн**

**Помощник художественного редактора
Дмитрий Кобринский**

**Корректор
Виктория Рябцева**

**Авторы макета
Андрей Бондаренко
Дмитрий Черногаев**

**Переводчик
Юрий Табак (с. 7)**

**Художники
Павел Шевелев (с. 42, 44)
Александр Горнов (с. 72, 75, 77)
Яна Сметанина (с. 78, 80, 81)
Екатерина Муратова (с. 83, 84, 86, 88)**

**Фотографы
Вадим Бродский (с. 1, 39, 60, 61, 63, 64, 110, 116)
Yad Izhak Ben-Zvi (с. 6)
NASA (с. 8)
Из сборника «Диалог поколений...» (М., 2010) (с. 26, 27)
Фото из архива Анны Исаковой (с. 35–38)
Фото из семейного архива Михаила Агурского (с. 52)
Дани Махлис (с. 55, 59)**

Рони Ротем (с. 56)
Фото из семейного архива Амоса Оза (с. 57)
Тенно Соостер (с. 90)
Александра Литвина (с. 92)
Фото предоставлены проектом «Эшколот» (с. 111–114)
Гади Дагон (с. 117)
Григорий Хатин (с. 118, 120)
Jill Krementz (с. 125)

Фото предоставлены агентствами
Фото ИТАР-ТАСС (с. 18, 67, 69, 70, 95)
Fotobank (с. 53, 122, 124, 127)
РИА «Новости» (с. 121)

На обложке
Х Всероссийская конференция Бунда. Апрель 1917 года.
© *Русское общество друзей Еврейского университета в Иерусалиме*

Подписано в печать 15.11.10
Формат 60×90/8
Тираж 30 000 экз.

Объем 16 печ. л.
Цена договорная

ISSN 0869-5792

Журнал «Лехаим» зарегистрирован в Комитете РФ по печати,
регистрационный номер 01126 от 22.05.92

© *«Лехаим», 2010*

Адрес редакции: 127018,
Москва, 2-й Вышеславцев пер., 5а
Тел. (495) 710-88-03
E-mail: lechaim (собака) lechaim.ru
Internet: <http://www.lechaim.ru/>

За содержание рекламных материалов и кошерность рекламируемых
продуктов редакция ответственности не несет.

Отпечатано в ОАО «Можайский
полиграфический комбинат»
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93
Сайт: www.оаотрк.ru
Тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Довелось мне недавно побывать на двух разной представительности форумах и услышать две разные речи, удивительным образом пересекающиеся.

Первый оратор, широко известный еврейский общественный деятель, вице-президент Конференции президентов еврейских организаций США Малколм Хонлайн выступал в Берлине, на съезде Конференции президентов еврейских организаций Европы. Он посвятил свой спич концепции оптимизма-надежды в иудаизме. Объективно говоря, иудаизм не очень оптимистичная религия. Уже одного Екклесиаста хватило бы для того, чтобы убедиться в этом. Ведь оптимизм – это ничем не мотивированная убежденность в том, что все само собой как-нибудь сложится. Гашековский дружок Швейка Франтишек Шквор – типичный «ретроспективный» оптимист: «Пусть было, как было, – ведь как-нибудь да было! Никогда так не было, чтобы никак не было». Согласитесь, не очень еврейский подход. Другое дело – надежда. Делай, как надо, и будет, как должно быть. Не получилось один раз, пробуй еще и еще – получится. Г-н Хонлайн напомнил один из знаменитейших советов «Поучений отцов»: «Беги, как олень, чтобы исполнить волю твоего Отца на небесах». Красиво сказано, но если речь идет о скорости, то олень явно проигрывает, например, весьма часто поминаемой мудрецами по другим поводам пантере. Да, пантера бежит куда быстрее, но олень выносливее – пусть не так быстро, но дальше! Вот это и есть, по мнению Хонлайна, еврейский оптимизм: будущее будет лучше, если мы его сделаем лучше.

А препятствиями оленя не так-то легко остановить. Этому научил меня второй оратор – десятилетний Мойше Коэн, выступавший перед четырьмя тысячами посланников Любавичского Ребе на ежегодной конференции в Нью-Йорке. Мойше живет в Манчестере, он старший из шести детей в семье посланников Ребе в этот город. За 33 дня до конференции Эстер Коэн, мама Мойше, внезапно умерла. Шестеро детей осиротели. Эта трагедия поразила тысячи людей не только в Англии. И вот этот мальчик, первенец Эсти, поделился своим видением ситуации. Мама, сказал он, была со всеми окружающими солнечно-приветлива, встречала каждого с лучезарной улыбкой. Улыбаясь людям, как она, я продлеваю ее короткую жизнь. Ничто не сможет заставить меня перестать смотреть на мир с улыбкой и надеждой. Мойше проиллюстрировал свои слова чистой мальчишеской улыбкой. Улыбался, конечно, только он. Взрослые мужчины не скрывали слез. Но своими словами мальчик лучше убеленного сединами мудреца подарил нам урок еврейской надежды – на Г-спода и на себя.

Аיך אידע

Обратите внимание на существенный момент: этот вывод не зависит от того, насколько точны и полны наши научные знания; он выражает однозначную позицию современной науки: в принципе, нельзя научно доказать, что вокруг чего вращается – Земля вокруг Солнца или Солнце вокруг Земли.

И заметим, что каждый отдельный ученый, как и всякий человек, может придерживаться одного из двух альтернативных вариантов или же просто верить в один, а не в другой. Тем самым он выражает только личные предпочтения, которые у него есть. Но неверным было бы считать, что наука разрешила вопрос в пользу одной школы за счет другой.

Разумеется, есть ученые, которые выступали с подобными декларациями полвека назад, – что, по крайней мере, отчасти объясняет, почему учебники в начальной школе отражают эту устаревшую концепцию. Но удивительно вот что: современный студент университета, окончивший среднюю школу и поступивший в колледж, обязан иметь хотя бы некоторые представления о теории относительности! А он приписывает науке такой ненаучный и устаревший взгляд.

Суммируя вышесказанное, мы поймем со всей очевидностью: если некто заявляет, что можно быть ученым и утверждать, что Солнце вращается вокруг Земли, а другой утверждает, что наука отвергает такие представления (я подчеркиваю: «наука» – в отличие от «ученого», отдельного человека), то первый твердо опирается на фундамент современной науки, тогда как второй застрял в мире и эпохе Коперника.

Судя по Вашему письму, излишне останавливаться на той истине, что своей жизнью и повседневным поведением, своими конкретными действиями еврей должен осуществлять Волю своего Творца – Творца неба и земли: как учили наши мудрецы, самое главное – это поступки человека.

YÉÁÌ ÁÍ ÒÁÐÍ ÛÁ × ÁÑÒÈÖÛÌ ÀÒÁÐÈÈ

Í í áéááá ààò è Á-æííé

18 ò áááò à 5720 (18 ýí áááý 1960)

Получил Ваше письмо от 10 января, в котором Вы просите разъяснить ссылку на четыре основных элемента (йесодот), упомянутых в гл. 1 книги «Танья», и то, каким образом это количество совместимо с положениями современной химии, насчитывающей более сотни элементов.

Прежде чем ответить на Ваш вопрос, позвольте сделать пару поправок.

Прежде всего, первоначально утверждение о четырех элементах приводится в Мидраш раба Бемидбар, 14:12, затем (в гораздо более развернутом и детальном виде) – в Зоар, а уже потом разъясняется в различных каббалистических источниках.

Во-вторых, современная химия насчитывает значительно меньше сотни элементов – если вещество рассматривается в плане его базовых компонентов, то есть элементарных частиц. Ведь так называемые элементы сами состоят из атомов – мельчайших частиц, на которые можно разделить элемент и которые сохраняют его свойства и характеристики. Атомы, в свою очередь, делятся на еще более мелкие частицы – электроны, протоны, нейтроны.

Отсюда ответ на Ваш вопрос: перед обсуждением следует точно определить понятия. Как указано выше, так называемые «элементы» не являются основными составляющими вещества. Даже понятие «атом», под которым первоначально понималось нечто невидимое, в настоящее время может считаться архаизмом, поскольку подразумевает совершенно иное и используется только для удобства.

Подобно этому, когда мы говорим о некоем человеке как элементе общества, то вовсе не имеем в виду, что сам этот человек не представляет собой сложного образования.

На этот момент следует обращать внимание, когда мы говорим о понятии йесодот в Зоар, Мидраш раба, каббале и, конечно же, в Танье и других хабадских источниках. Оно не означает ничего неделимого или неизменного при обычных условиях.

Можно также отметить, что нет никакой иной школы, которая характеризует эти четыре йесодот – не в смысле их физических характеристик, а скорее качественно: «огонь» – как тепло и сухость, «воду» – как прохладу и влажность и т. д.

Надеюсь, что я ответил на Ваш вопрос. Если у Вас еще есть вопросы, пишите мне без колебаний.

ĀĀĀ Ī ĀŌĪĀBŌÑB Ī ĀĀĀÑĀ?

Ī Ī āēāñāàè Ā-æūē

22 èÿdà 5721 (8 ì àÿ 1961)

В письме от 24 апреля Вы пишете об очевидном противоречии между нынешними научными попытками освоить космос, в частности, достичь Луны, с положениями Торы о том, что Небеса принадлежат Б-гу, а землю Он отдал сынам и дочерям человеческим.

На самом деле никакого противоречия здесь нет, если рассматривать понятие «Земля» не в узком смысле (применительно только к нашему земному шару), а в ее подлинном смысле – то есть включающем атмосферу и всю материальную вселенную, в которой пребывает человечество. Не следует путать понятия «небеса» и «планеты». Звезды, планеты, луна и т. д. не относятся к «небесам», поскольку «небеса» – нечто духовное, тогда как планеты материальны и принадлежат материальной вселенной.

То, что Б-г сотворил так называемые небесные тела, дабы они послужили нашему миру, давали свет, тепло и энергию, разместил их на небесном своде на определенном расстоянии от земли, не препятствует попыткам человека что-то узнать о них. Подобным образом, когда в Торе говорится, что Б-г разместил Луну на небе, чтобы она освещала Землю, это не исключает возможности полета человека на Луну. Слова о том, что небеса принадлежат Б-гу и т. д., имеют следующий смысл: Б-г пребывает везде, включая небеса, человек же, помещенный в материальную вселенную, представляет собой ее часть и, следовательно, должен возделывать большую ее часть – пока продолжается жизнь на Земле. В нынешних научных экспериментах и свершениях нет ничего такого, что противоречило бы Торе, да и не может быть таких противоречий, ибо Тора есть Истина.

Судя по тому, что Вы пишете, и по Вашему прошлому опыту, я убежден: Ваша повседневная жизнь строго соответствует Торе, которую называют Торой жизни, и требованиям мицвот, которые надлежит соблюдать евреям, что Вы уверенно продвигаетесь по этому пути, в соответствии с принципом: все, что исходит от Всевышнего, должно совершенствоваться.

יְיָ בְרַא אֶת הַיּוֹם

Само время также сотворено. До Творения никакого времени не существовало.

Эта мысль выражена в рассуждениях Алтер Ребе – в Шаар а-криат Шма, от имени Магида из Межерича. Некоторые [\[1\]](#) высказывали сомнения в правильности данного положения, ссылаясь на ряд утверждений наших мудрецов:

а) «Рабби Йеуда сказал от имени рабби Шимона: это (стих “и был вечер, и было утро: день один”) учит нас, что порядок времени существовал заранее» (Берешит раба, 3, на Берешит, 1:5).

б) «Тора существовала две тысячи лет до мира» (Псахим, 54а, Шаар а-криат Шма, с. 150).

Однако в этом вопросе хасидут следует мнению Рамбама (Море невухим, 11:30) о том, что время есть сотворенная сущность. Его взгляды разделяют многие великие еврейские мудрецы, среди них рабби Саадья Гаон (Эмунот ве-деот, Маамар 3, ве-а-Райя а-далед), Рашба (Шаалот у-тшувот 1, 418), Рама Ми-Панау (Асара маамарот, Маамар Эйм Коль Хай, т. 1, гл. 16), рабби Овадья Сфорно и т. д. См. подробнее обо всем этом в Шомер Эмуним [\[2\]](#).

אֵיךְ הָיָה הַיּוֹם בְּרֵאשִׁית?

На более глубоком уровне мы можем разрешить это противоречие следующим образом.

Время рассматривается в двух аспектах:

а) как измеряемое время, мерой которого служит движение;

б) как сам поток времени.

Этот второй аспект еврейские философы (Море невухим, II, 13) называют «количеством времени», или «формой времени»; «время, которое невозможно измерить».

Они учат, что только измеряемое время может быть «сотворено», поток же времени не есть «творение». Истина, однако, состоит в том, что даже этот поток был сотворен, как объясняет Цемах Цедек в Дерех мицвотеха, и о чем несколько раз упоминается в Сефер Асара маамарот.

^[1] ***Рабби Ицхак-Айзек из Жидачева в начале его книги Ве-Асе Тов.***

^[2] ***Рабби Йосеф Иргас, Викуах шени, Маамар 17.***

СЛОВО РАВИНА

× *ÁÑÒÍ ÛÉ ÁÈÇÍ ÁÑ - ÎÁÍÀ ÈÇ ÎÑÍ ÎÁ ÁÁÐÛ*

ÁáðÈ Èáçáð

Ðáèì áá ðáññèáçíááò íáì, ÷òí, èíáá ÷áèíáè ÷íñèá ðñíáà èç ÿòíá ÷ èðá ÷ ðáññèááò ÷áðáá Áññèè Ñáèèè, áì ó çáááðòññ òðè áñíðñá. Áòíðè áñíðñ áááè èè òù ÷ ðèòñáá Î áøèáðá? Ððáðèè: ó-èè èè òù ðñòò? Á ñáì ùè ÷áðáè: ÷áñíí èè òù ÷ ðñáááè è ÷èèáè?

Со вторым и третьим вопросами все понятно: это основы нашей религии, Б-г спрашивает, честно ли человек выполнял свои обязанности как соблюдающий еврей. А при чем тут купля-продажа – проблема бизнеса, а вовсе не веры? И ведь это самый первый, то есть самый главный вопрос, который ставит Б-г перед человеком на суде!

С бизнесом вообще все очень не просто. Верующий человек не может не задаться вопросом, зачем вообще Б-г велел человеку заниматься бизнесом и иметь всю связанную с этим головную боль? Ведь Б-г всемогущ, почему Он не позволил нам получить хотя бы элементарные потребности без забот? Тогда бы у человека было больше времени, чтобы учить Тору, молиться, вести духовную жизнь...

Но если бы Б-г все нам дал – человеку не надо было бы Его искать! А ведь главная цель человека в этом мире – найти Б-га, Б-жье присутствие во всем. Не только в святых делах, но и в делах светских; не только в синагоге или в книгах Торы, но и в офисе, в конторских книгах! Отсюда важность бизнеса для человека. И отсюда сугубая важность честного бизнеса. Когда человек читает Тору или молится в синагоге, вопрос честности перед ним не встает вообще: невозможно «нечестно учить Тору» или «нечестно ждать Машиаха». А в бизнесе человек должен противостоять дурному началу: выбирая честный бизнес, он не только проявляет лучшее, что в нем есть, но и отбрасывает худшее. Он поднимается вверх через испытание – а это очень важно для развития человеческой природы.

Всякий бизнесмен проходит испытание честностью. В Талмуде есть история: вор, идя на кражу, просит Б-га дать ему помощь и успех! Многие смеются: как же он не соображает, что нельзя рассчитывать на помощь с небес, если делаешь заведомо несправедливое дело, нарушаешь одну из Десяти заповедей?! Но, как всякая талмудическая история, она имеет глубокий смысл. По сути, вор просит Б-га, не веря в Б-жье правду: обращаясь за помощью к Б-гу, он обманывает самого себя! А подобные случаи возможны и в делах, с точки зрения человеческого закона абсолютно легальных. Например, человек утром собирается в синагогу, но тут вспоминает, что у него назначена важная деловая встреча. Он идет на встречу вместо молитвы. По сути, этот бизнесмен так же обманывает себя, как вор из талмудической притчи: ведь невозможно добиться успеха, не понимая, что успех приходит только от Б-га!

Это и есть определяющее условие честного бизнеса. Честный бизнес – это гораздо больше, чем просто «не обманывать других». Это еще и «не обманывать себя», что куда более трудно. И главное – «не пытаться обманывать Б-га». Вор, о котором идет речь в Талмуде, знает, что он преступник, что он поступает плохо, что заслуживает наказания и обязательно его получит, когда попадется; поэтому у него есть в жизни шанс исправиться – хотя бы просто из страха. У нечестного бизнесмена ситуация более тяжелая: он обманывает партнера или покупателя, но при этом старается делать это без формального нарушения закона. Далеко не обязательно, что суд его накажет. При этом он сам подыскивает себе оправдания – ведь недаром говорится, что «человек всегда близок к самому себе». И у него нет шанса исправиться: он убедил себя, что делает все правильно, что закон будет на его стороне.

Но достаточно ли просто соблюдать закон, чтобы быть честным в бизнесе? Конечно, нет: кроме закона человеческого, надо еще быть честным относительно Закона, который положен нам свыше и находит свое отражение в моральных ценностях. Честный бизнесмен – это тот, кто понимает, что все его успехи от Б-га и прибыль он может получить тоже только от Б-га. А несправедливая прибыль все равно пользы не принесет.

Рассказывают, что как-то раз к раввину пришел торговец мясом и попросил разрешить его сомнение насчет кошерности купленной им партии говядины. Раввин рассмотрел дело и постановил, что мясо некошерное. Торговец понес крупный убыток, но был рад, что не совершил греха и не продал

единоверцам мясо, запрещенное в пищу. Через некоторое время тот же купец пришел на раввинский суд: другой еврей требовал с него возмещения убытков. Раввин рассмотрел и это дело и постановил: мясник должен заплатить. Тот страшно разозлился и ушел, ругая всех и вся. Присутствовавшие на суде удивлялись такой реакции: честный торговец, согласился нести большие убытки из-за некошерного мяса, а тут речь идет о сравнительно небольшой сумме, – а он так злится! Раввин объяснил, в чем проблема: в первый раз человек просто потерял, это нормальный риск бизнесмена, а во второй ему приходится не просто заплатить, но, прежде всего, признать свою неправоту перед другим человеком. Это куда более трудное испытание, его-то торговец и не выдержал.

Бизнес – это не просто занятие, это соревнование, а в соревновании главное – выиграть. Человек занимается бизнесом не только для того, чтобы разбогатеть. Куда важнее денег успех: успех «доказывает» человеку, что он умнее, лучше, энергичнее его коллег по бизнесу. Но это «доказательство» будет мнимым (и, соответственно, сам успех – преходящим), если человек хоть на минуту забудет, что на самом деле он все получил от Б-га. Б-г внутри бизнеса, и любой твой заработок – благодаря Ему.

Есть такая пословица: бизнес – как сосуд: если он чистый, то и еда из этого сосуда чистая. То есть если бизнес честный, то и деньги, которые человек заработал благодаря этому бизнесу, честные. От нас зависит, сможем ли мы приготовить правильный сосуд для принятия Б-жественного благословения.

СУДЬБА МЕНОРЫ

Áááí éé Éááéí

Níáááí í Óáéí ááá, í ðááí éé Óáí óéá áúé áñóáí íáááí á íáí ýóú í «÷óáá ñ í áñéí », éí óí ðáá í ðéçí óéí á Óááí á ñááó í ñéá óíá, éáé Óááí í áé áúáééé áááéíá é éó áááéñééó ñáçí ééíá éç Éááíáééí á Íáááááá Óááí íí, Í áéáááé ááóééé çááá-úí óááí íáíé ñáí éñáá-íéé, íáááéí íáóéé ééóúí íááíéúóíé ñááá ñ íáíéááóíáí íúí í áñéíí, éí óí ðááá áááóééí áú óíéúéí í á íáéí ááíú Óááí í áé ááá áá ááóééé áíçáá-úí í áí íóá, é í ðéçí óéí ÷óáí - í áñéá áááóééí í á áñááí ú áí áé í áí ááááí íááí áí ááí éý, á çá ýóí áááí ý áááé ááí áéé éçáí óí áéóú í íááá-éñóíá í áñéí.

Однако что за светильник стоял в это время в Храме и какова была его дальнейшая судьба?

В соответствии с Торой, первая менора была изготовлена вскоре после Исхода из Египта для переносного святилища – скинии. Светильник был выкован цельным из таланта (33–36 кг) золота и состоял из центрального ствола с основанием и шести отходящих от ствола ветвей – по три справа и слева. Каждая из ветвей членилась двумя и завершалась тремя «бокальчиками» (гвиним) с изображениями завязи («кафтор») миндалевидного плода и цветка («перях»). На стволе «бокальчики» помещались сверху и ниже, под тремя разветвлениями. Горелки были съемными, но неясно, служили ими верхние «бокальчики» или особые лампадки («нерот»).

Воздвигнув в Иерусалиме Храм, царь Шломо (Соломон) перенес туда все храмовые сосуды, включая, конечно, и светильник. Помимо меноры Моше, Шломо поместил в святилище еще десять золотых светильников, расставив их вдоль северной и южной сторон зала – с каждой стороны по пять штук:

É ñáááé Óéíí í ááá ááúé, éí óí ðááá á óááí á Á-ñ íáá: <...> ñááóééúí ééé - í ýóú íí í ááááá ñóí ðááí ó é ýóú íí éáááá ñóí ðááí ó, í ðááí çááí éí í óáááéáí éáí óááí á, éç ÷éñóíáá çíéí óá, é óááí óú, é éáí í ááéé, é úéí óú éç çíéí óá; é áéááá, é í íáéé, é ÷áóé, é éí óéé, é éááééúí éóú éç ÷éñóíáá çíéí óá.

(Í éááéí I, 7:49)

Согласно Талмуду (Менахот, 98а), эта работа почти истощила царскую казну, поскольку для каждого светильника Шломо брал тысячу талантов золота и очищал его в горниле, пока вес слитка не уменьшался до предписанного Алахой одного таланта.

После того как Иерусалим захватила армия вавилонского царя Невухаднецара (Навуходоносора), менора, судя по всему, разделила судьбу всей прочей храмовой утвари, доставшейся победителям в качестве трофеев. По крайней мере, одна менора фигурирует в перечне вавилонской добычи, составленном очевидцем трагедии пророком Ирмеяу (Ирмеяу, 52:18-20).

Разрешив евреям вернуться на родину и восстановить Храм, персидский царь Кореш (Кир) повелел выдать из казны уцелевшие храмовые сосуды. Евреям вернули «золотых тридцать, блюд серебряных тысяча, ножей двадцать девять, чаш золотых тридцать, чаш серебряных двойных четыреста десять, других сосудов тысяча: всех сосудов, золотых и серебряных, пять тысяч четыреста» (Эзра, 1:8-10). Как видим, меноры в списке возвращенной утвари не оказалось, и для Второго храма ее пришлось изготовить заново.

Апокрифическая книга Бен-Сиры («Премудрость Иисуса, сына Сирахова»), написанная около 200 года до н. э., сравнивает добродетельную жену с «золотым светильником, сияющим на святом свещнике», то есть с менорой. Это привело исследователей к выводу, что в это время в Храме уже была золотая менора – правда, в отличие от Храма Шломо, всего одна. Именно эту менору захватили войска сирийского царя Антиоха Эпифана, возвращавшиеся из похода против Египта:

Какова была дальнейшая судьба меноры? Достоверно об этом ничего неизвестно. Скорее всего, она стала добычей вестготов Аллариха, захвативших Рим в 410 году, или вандалов, овладевших Вечным городом в 455 году. Во втором случае возможны два варианта. Как пишет византийский историк Прокопий Кейсарийский, один из кораблей, отправленных вандалами из Италии, утонул по пути в Карфаген, вместе с грузом статуй и других сокровищ (Война с вандалами, 1:5). Если менора была на этом корабле, значит, она покоится на дне Средиземного моря. Если же нет, то светильник попал в Карфаген, столицу королевства вандалов, и оставался там до 534 года, когда город захватила византийская армия под командованием полководца Юстиниана Велизария, и все сокровища вандалов были переправлены в Константинополь, во дворец византийских императоров.

По словам Прокопия Кейсарийского, в столице Византии Велизария встретили с триумфом: по улицам города пронесли захваченные трофеи, в том числе «иудейские сокровища, которые наряду с многим другим после взятия Иерусалима привез в Рим Тит, сын Веспасиана» (Война с вандалами, 2:9). Возможно, среди этих сокровищ была и менора. Впрочем, если верить Прокопию, в Константинополе трофеи Веспасиана не задержались:

Ὁσαύτα εἰς ἐπιπέδῳ ἐοικῶς ἱερὸδοτῆος ἐστὶν ὅτι ἐξ ἀνατολικῆς ἀνατολῆς: «Ἴτα ἐπελάτῳ, ἰα νῆαυιὸ ἰῖ ἀνατολὴ γοῦ ἀντὶ ἀ ὀαδῆρι ἀνὸθα Ἀεγαί ὀεε. Ἰα ἰῖεἀνατολῆ ἐὶ ἰαδῆεὸνῳ ἰε ἀ ἐαῖνι - ἐαῖ ἐῖῖ ἰ ἀνὸα, ἐδῖ ἀ ὀῖα, ἐαῖα ἰ ἰῖα ἀεῖα ἰαγαῖ ἐὸ ἰῖ ἀνὸεε ἐαῖεῖεε ὀαδῖ Νῆεῖ ἰῖ. Ἰῖ γοῖ ὀ ε Ἀεγαῖεὸ ἰαδῆεὸε ὀαδῖαῖ δει ἐγῖ, ε ὀαῖαδῖ δει ἡεῖα ἀεῖεῖ ἰαδῆεῖε ἰαδῆεῖε ἀνὸθα ἰε ἀνὸθα ἰε. Ἰα γοῖ ἀντὶ ἀεῖεῖεῖ ἀνὸθα ἰε γοῖ, ἰῖ ἀνὸθα ὀεῖεῖ ε ἰαῖ ἰ ἰοῖ δαεῖ ἀν γοῦ ἀντὶ ἀ ὀεῖεῖεῖ ἀ ὀαῖ ἰ ἀ Ἐαδῖεῖε ἰ ἀ

(Ἀῖεῖα ἰ ἀνὸθα ἰε, 2:9)

Существует, однако, еще одна версия, неподтвержденная источниками, но тем не менее довольно популярная: менора осталась в Константинополе, где и пробыла до 1204 года, когда столицу Византии захватили крестоносцы. После этого светильник якобы переправили в Рим и поместили в папскую сокровищницу.

В январе 1996 года в Риме побывал Шимон Шитрит, тогдашний министр по делам религии Израиля. В программу его визита, кроме встреч с официальными лицами Италии, было включено посещение Ватикана и даже личная аудиенция у папы Иоанна Павла II. Во время встречи, при обсуждении сверхделикатного вопроса о поездке главы Римско-католической церкви в Израиль, израильский министр вдруг резко сменил тему и заявил верховному понтифику, что, по имеющимся у израильского правительства сведениям, знаменитая золотая менора не пропала, а хранится в подвалах Ватикана и «возвращение реликвии (или хотя бы прояснение ее судьбы) было бы очень важно для отношений между еврейским народом и католическим миром». Далее министр добавил, что предположения правительства Израиля исходят из выводов и изысканий специалистов из Флорентийского университета.

В начале 2002 года этот вопрос вновь был поднят официальными израильскими лицами, на сей раз Иной Метцгером и Шломо Амаром, главными раввинами Израиля, получившими аудиенцию у главы Римско-католической церкви Иоанна Павла II. Помимо прочего, раввины спросили и о судьбе меноры, заявив, что, по одной из существующих версий, она может находиться в папской сокровищнице. Ватикан официально ответил на это, что золотая менора давно утеряна. Однако, как грустно прокомментировал эти заверения главный сефардский раввин Шломо Амар, «мое сердце подсказывает мне, что это неправда».

Еще одно предположение о судьбе меноры сделал писатель Стефан Цвейг в романе «Погребенный светильник» (в рус. переводе: издательства «Текст», «Книжники», 2010): византийцы якобы отправили в Иерусалим не храмовый семисвечник, а его копию, сделанную придворным евреем-ювелиром. Саму же менору евреи тайно переправили в Яффо и предали земле, где она до сих пор ждет грядущего Избавления.

Кстати, похожая легенда есть и в традиционных еврейских источниках: непосредственно перед разрушением Первого храма войсками Вавилона все священные предметы – менора, Арон а-кодеш (ковчег) и другие погрузились в недра Храмовой горы, где и будут находиться вплоть до восстановления Храма.

Правда, как мы уже сказали, пророк называет менору среди добычи, захваченной вавилонянами. Однако следует помнить, что в библейские времена «менорой» могли назвать не только храмовый семисвечник, но и любой другой светильник. К примеру, во II книге Царств (Млахим II, 4:10)

«менорой» назван светильник в доме простого горожанина. Так что теоретически нельзя исключить, что, когда будет возведен Третий храм, его вновь украсит семисвечник, изготовленный во времена Моше.

БРАТСКАЯ НЕНАВИСТЬ

Adua I'enu ai

«Aaa i'iaaa auoeé dyai ec cai ee, iaei - i eoa, aduae - oadi'iaeéa Aia:aea i'iaaa i aei ioee:aeeni adua io adua, a eiaa auoiee e daiaae, iaei i'eduey' auoenioe eeioae, a aduae - eiep:cai e» (Aadaoeo daaa, 63).

Yna e Baeia - aaei'edraua e aaeio'edraua aduo'y. Eo ioio'aeey e ioio'aeey eo i'oi' ea - aeaeo'aeu'ia m:aoaiea adao'oa e aduae. Noia'oa, iaeiaeia i'edrauaea e, oai ia i'iaa' aaei'ay' eiaa e iaia'ae'ou' Oaeia i'edraua:ea oaeia e :a'oa ia'aoiaei i'edrauae'edraua e im' p'eeou' eia:a'io'aei'ay' ead'ea i eda' a'io' o'au'ia

Aai i'ie'ae'ey' Ynaa

Вот избранные места из комментария Раши на книгу Берешит, где он следует традиции талмудического мидраша. Обратите внимание на то, что великий мастер толкования Писания по его простому смыслу – пшату – ни в одном из приведенных нами комментариев не следует простому смыслу стиха. Читая эти комментарии, не забывайте вместо «Эсав» подставлять «идумеи».

Yna - ae'ea:

«Edam' ue». Yo' i' a'iae' oia', :oi' i' a'ua' ca' ei' au'ny' edra'i' d'ee'oe' ai.

(Aadaoeo, 25:25; Aadaoeo daaa, 63:8)

«A i' o'ae». O'io'ae ae'ae'ou' eae' p'ea' i: «e'at' o'io'ae' au'oa i' y' io' ae'eo'».

(E'di' ay' 4:31; Aadaoeo, 25:28; Aaa' a'io' da, 16a)

Этот фрагмент, на странное обоснование которого указывают даже комментаторы Талмуда, вызывает законный вопрос. Ведь в книге Ирмею глагол «устать» относится к жертве убийц, не к самому убийце! Как же можно из сопоставления слов «усталый» в двух книгах Танаха делать вывод о характере Эсава? Перед нами хороший пример асмахты – «вчитывания» внешней, заранее известной информации в текст. Мы знаем, что идумеи – убийцы, значит, их праотец тоже был убийцей, а обоснование этого мы, если нужно, найдем в Торе. Этот мидраш параллелен известной агаде из Сифрей, приводящей ту же идею и опирающейся на другой стих Писания: «Когда Всевышний решил дать Тору Израилю, Он сказал о ней не только Израилю, но всем народам. Вначале Он приблизился к потомкам Эсава и спросил: “Примете Тору?” А они спросили: “Что в ней написано?” Он сказал им: “Не убивать”. Они ответили: “Владыка Вселенной, но суть нашего отца в том, что он убийца, как сказано ему: „мечом твоим ты будешь жить“ (Берешит, 27:40). Мы не можем принять Тору»» (Сифрей к Дварим, 33:6).

Эсав – грабитель:

«I'ae'ae'ou' aia'u:e, i'deia'no'e». xoi' i'ca:a'ao' aii'ie'ed'ae'ui'ia' p'ea' «i'deia'no'e»? A'ne' ia' i'ae'ao' aia'u:e, i'deia'no'e ec' i'ad'ae'ae' i'ia'.

(Aadaoeo, 27:5; Aadaoeo daaa, 98:4)

Эсав – идолопоклонник:

«E' au'io'ie... e' no'ae' Yna...» I'ie'a' au'ee' i'ae'ui' e' au'ou' e, i'ie' ia' da'ni'ic'aa'ee'ni' i' eo' i'no'oe'ae', e' i'ee'oi' ia' i'ada'uae' im'ia'ia' ae'ei' ae'y' ia' oi', eae'ie' o' i'eo' i'oa' E'iaa' ae' ei' em'ie'ie'ei'ni' o'deia'ao'ou' eao', i'ae' i'aid'aa'ee' no'iu' n'ie' e' a'ia' ai' o'ae'y', a' aduae' i'aid'aa'ee' no'iu' n'ie' e' e'ie'ie'ie'ie'io'aa'

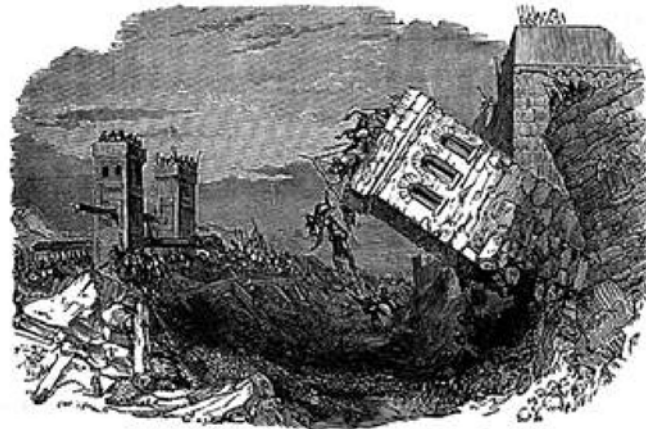
(Áððáðò, 25:27; Áððáðò ðááá, 63:10)

*«Ùáá í áðáðáðáá». Í ðéíéúé ðéúáíéá ðáððáéíðí í áðáí óáí è, Ñáéíá í íáú áé:
«Ýòíò í á:áðéáíé í á çáðéúéááò òíá, ÷òíáú í ðéííðéòíáéðòáú Ñáýòíí á áéááðéíááí Íí».*

(Áððáðò, 25:31; Áððáðò ðááá, 63:13)

*«È í ðáí áðáá Ýíá». Í éñáíéá ðéúáðéúíðóááò í áá í á:áðéáíðé, í òíí, ÷òí íí
í ðáí áðááðéúéáíéáí Ááçáíðóáí á*

(Áððáðò, 25:32)

Разрушение одной из башен цитадели Антония. Иллюстрация из книги
«Падение Иерусалима и завоевание Иудеи римлянами».

Лондон.

1870 год

Согласно Раши, Яков счел Эсава нечестивым, поэтому взял у него первородство. А Эсав, отдав первородство, и проявил нечестие. Заколдованный круг своего рода. Обратите внимание на то, что до этого в книге Берешит не назван ни один плохой поступок Эсава, он лишь нейтрально характеризуется как «полевой человек, охотник». Предвзятое мнение Якова предшествует первому поступку Эсава, о котором вообще говорит Писание, и предположение Якова подтверждается фактами!

Эсав сластолюбив:

*«Í áéí í áðáðóú ðáíéó ááò áé». Á áá áúéá Áéíá? Í í ðéúóáé áá á ðíí áúé è çáí áð, ÷òíáú Ýíáá
áá í á í ðéí áðéé»*

(Áððáðò, 32:22; Áððáðò ðááá, 76:9)

*«Í í áí óáé Èíðó ñ Ñáðáéúð». Áí áðá ðéó:áýó í áò áðé í íáðí áééè í áðáá ááòíí è; ÷òí áé áí
Ñáðáéé, òí Èíðó í íáí óáé í ðáá í áð. Í í ííáí áé: «Í í ý í áòú í ðáéðáíí á áéáíí. Éáé áú òíò
í á:áðéáíé í á í ðéí áðéé áá! Ñòáí ó áé á ý í ðáá í áð, çáðéí í á è í íí áóáð áí ó ðáííí í ò ðáòú áá».*

(Áððáðò, 33:7; Áððáðò ðááá, 78:10)

Эсав – обманщик:

«Ναῖουτεὶ ἀ δειῖα». Οἱ ἀεὶ ἰτεὶ ἀουὲ ἰαὶ ἀί οὐδὲ ἡαῖαῖ ἰοῦα ἀπὸ αὶ ἐ ἡαῖεὶ ἐ. Ἡ δαοεεαεὶ ὁ ἰαῖα: «Ἰ οαῖ, εαε ἰοαεῖρὸ ἀαῖοεῖο ἰὸ ἡεε ἐ ἡεῖι ὑ?» (ἰδὲ ἰοῖι ἰαῖ, οἱ ἐς ἰεὸ ἀαῖοεῖῦ ἰα ἀἰαεῖρὸ). Ἀ ἰοαῖ αῖ αῖ ἀε, οἱ ἰ ἰ δαῖ ἰηὸ ἰ ἡεῖ ἰεῖ ἰαὸ ἰαῖαε.

(Αἰαοεὸ, 25:27; Αἰαοεὸ δαῖα, 63:10)

Итак, Эсав – то есть Эдом – грабитель, убийца, идолопоклонник, лицемер. Однако он все же человек, а любому человеку доступно раскаяние. Любому – но не Эсаву: «В грядущем мире Эсав обернется в талит и сядет с праведниками в раю, а Всевышний выволочет его оттуда» (Иерусалимский Талмуд, Недарим, 3:8).

Но почему? Разве у Эсава нет Б-жественной души? Разве его, как и Яакова, не опекает Всевышний? Некоторые мидраши отвечают на этот вопрос отрицательно. Как мы помним, после бегства Яакова от Лавана и перед его встречей с Эсавом с ним ночью боролся некто (Берешит, 32:25-33). Мидраши (Шир а-ширим раба, 3:3 и др.) не сомневаются в том, что это был ангел-хранитель Эсава. Яакову нужно было победить его, прежде чем встретиться с живым Эсавом. Согласно Хулин 91б, это вполне положительный ангел, он даже должен был в это утро петь хвалу перед Престолом Славы. Но не все так просто. Мидраш Танхума (Варшавское издание, Ваишлах, 8) отождествляет боровшегося у реки Ябок с Яаковом ангела-хранителя Эсава... с Самаэлем, то есть с самим сатаной! Дальше демонизировать некуда. Понятно, что если мы рассматриваем Эсава так, то не только о его гиюре, но даже о примирении с его существованием речи быть не может.

Однако в нашем мире правит зло, царствует Эсав, и праотцу Яакову приходилось посылать ему подарки. Зачем же задаривать злого брата, если ты уже победил само Зло в ночном поединке? Этот вопрос рассматривается в комментарии «Сифтей коен» на книгу Берешит (32:14):

Мидраш Пиркей де-рабби Элиэзер, 36, говорит: «И отделил Яаков десятину от своего имущества, что нажил в Падан-Араме, и послал Эсаву». Зачем посылать ему десятину? Дело в том, что Яаков послал Эсаву животных с ущербом. Ведь Эсав, как сын Ицхака, обладает силой святости, но он ущербен. Поэтому ущербная десятина, также обладающая святостью, должна была помочь ослабить силы нечистоты.

Попытаемся понять логику этого комментария. Яаков – воплощение святости, его поступки – архетип всех еврейских действий, описанных Торой: так, Яаков отделяет десятину от своего скота (см. Ваикра, 27:32). Эсав, сын тех же родителей, что и Яаков, тоже обладает святостью. Поэтому он имеет право принимать десятину, ведь ее нужно «посвящать Г-споду» (Ваикра, 27:32). Вместе с тем Эсав – воплощение зла, средоточие всего дурного, что было в генах Ицхака и Ривки; он оставил брату Яакову лишь «чистый материал». Негоже отдавать ущербному десятину: ведь святые дары только укрепят силы зла, которые персонифицирует Эсав. Что же делать? Отделить ущербную десятину! Тогда и заповедь отделения будет Яаковом соблюдена, и десятина попадет к тому, кто имеет право ее принимать, и силы зла, потребив ущербное, не укрепятся, но лишь ослабнут.

Αἰαῖ αἰα-αῖεεὶ οῦαὶ. Ἰ αὶ ἀ ἐς ἀαῖρὸ, αἰῖτεῖα ἰ ὑὸ Ἀεῖαῖτε ἰ εδῖαε ἀ ἰεδῖαῖ ἰηὸ ὑὸ ἰ ἡοῖ ἀ, ἡεαδεεῖτε εῖεῖε, ἡη ἡαῖ ἰε ἀ ἰαδῖα ἡαῖ VI ἡεα ἡ ἰ. ἡ ἰ ἀ ἰαῖ ἡη ἡεῖ берегу Лукании.

1770-е годы

Yāri è Dèi

И наконец, мы можем приступить к ответу на вопрос: почему нынешнее изгнание называется эдомским? Ведь народа идумеев давно не существует, они ассимилировались, находясь среди греков, римлян, арабов, и, как отдельный народ, ушли с исторической сцены. Последнее упоминание Идумеи как географического региона относится к IV веку н. э., оно засвидетельствовано у отца церкви Иеронима. В мире уже две тысячи лет нет ни одного идумея. Только мы склоняем это имя во всех падежах по любому поводу. Почему?

Предполагалось, что мудрецы Мишны и мидрашей называют Римскую империю Эдомом из-за того, что идумеи занимали ведущие должности в управлении провинцией Иудея. Но это мнение не подтверждается фактами. Идумеянин Ирод тоже не был римским губернатором: он и его потомки были царями в различных областях Земли Израиля, хотя и дружественными Риму.

Возможно, разгадка кроется – как ни странно – в форме букв еврейского алфавита. Представьте себе, что вам нужно обругать этих подлых римлян, жестоких и корыстолюбивых, без жалости убивающих, грабящих и насилующих. Открыто сделать это совершенно невозможно. Даже неодобрительный отзыв рава Шимона бар Йохая о целях римского благоустройства городов вызвал смертный приговор:

Сидели как-то рав Йеуда, рав Йосе и рав Шимон, и был с ними Йеуда бен Герим (то есть Йеуда, потомок прозелитов).

Рав Йеуда начал говорить:

– Сколь прекрасны дела римлян! Устроили рынки, возвели мосты, построили бани.

Рав Йосе промолчал. Рав Шимон бар Йохай ответил:

– Все, что они сделали, сделали только для себя. Рынки – разводить там блудниц, бани – нежиться, мосты – взимать пошлину.

יְהוֹשֻׁעַ עֲלִיאָא אֲרִי אָדַעִי עַד צְרִיבְתֵי יוֹסֵי יְהוֹשֻׁעַ, עַד נְבִיאֵי יִישׁוּעַ עֲלִיאָא וְיִישׁוּעַ יְהוֹשֻׁעַ. נְעֻצְתֵי דְעִי עֲלִיאָא «עֲלִיאָא, עִיּוֹדוֹתֵי יְהוֹשֻׁעַ יְהוֹשֻׁעַ דְּעִי, אֲלִיאָא אֲרִיאָא, עִיּוֹא, עִיּוֹדוֹתֵי יִישׁוּעַ, אֲלִיאָא עֲלִיאָא אֲרִיאָא, דְּעִי יִישׁוּעַ, עִיּוֹדוֹתֵי יְהוֹשֻׁעַ דְּעִי, אֲלִיאָא עֲלִיאָא».

(Qāāā, 33ā)

Вам необходимо прибегнуть к эзопову языку. Как же назвать Рим, чтобы и похоже было, и адресат не догадался? Введем дополнительное условие: иносказательное наименование должно быть укоренено в еврейской традиции. Ведь мудрецы эпохи Мишны считали явление осмысленным только тогда, когда находили его в священных текстах. Тора описывает все сущее, и более того – только Тора описывает все сущее. То, чего нет в Торе, не существует или, по крайней мере, не представляет интереса. Давайте подумаем: на что в языке Торы похоже название их столицы Rome? Роми... арами... Может быть, назовем их арамейцами? Исраэль Юваль в исследовании «Два народа в утробе твоей» высказал предположение, что фраза из Пасхальной агады «арами овед ави» была выбрана для начала долгого рассказа о египетских казнях потому, что слово «арами» похоже на «роми». Таким образом, говоря «Лаван хотел уничтожить всех», мудрецы Мишны имели в виду современные им римские преследования. В некоторых изданиях мидраша, цитируемого в комментарии Рамбана, приведенном далее, также написано «арами» вместо «роми». Но такой способ шифровки несовершенен – точнее, слишком совершенен. Арамейцев нет на Ближнем Востоке уже многие сотни лет, а вместе с тем арамейский язык является разговорным для нас, евреев эпохи Мишны. Если мы скажем «ах эти подлые арамеи!», слушающие нас евреи либо не поймут, чем древние арамеи заслужили наше негодование, либо изумятся: ведь арамеями можно назвать и нас – по языку!

Надо выбрать наименование с заранее заданной отрицательной коннотацией и в то же время актуальное. Обратите внимание на то, что буквы «реш» и «далет» очень похожи, и если заменить одну на другую, то из «арами» получится «эдоми». Эдом – вот подходящее имя! Идумеев мы ненавидим, и если мы будем их ругать, это не вызовет подозрений. Они приложили руку – то есть меч – к разрушению Второго

храма. Эдом означает «красный», что символизирует кровь, обильно проливаемую римлянами. Так – по мнению историков – семитский народ, живший в районе города Мареша, дал имя самому продолжительному из еврейских изгнаний.

Поскольку мы сумели привязать нынешнюю геополитическую ситуацию к сказанному в Писании, в наших руках оказался ключ к пониманию реальности. Чтобы понять, что замышляют римляне, надо внимательно изучить то, что замышлял их духовный предок. Так пишет Рамбан в своем комментарии на Берешит, 33:15:

«И сказал Эсав: так приставлю к тебе из народа, который у меня. Но он сказал: к чему это? Лишь бы нашел я милость в глазах господина моего» (33:15). Имеется в виду, что Яаков не желал ни общества Эсава, ни его дружбы. И наши мудрецы (Берешит раба, 78:15) видели в этом совет: «Рабейну Йеуда а-Наси [в другой версии: рабби Янай], когда ездил к властителю в Рим, перечитывал эту главу и не брал с собой римлян [в некоторых версиях – арамеев] для охраны в пути. Однажды он не заглянул в эту главу и взял с собой римлян, и не успели они доехать до Акко, как продал страж его коня, то есть забрал все, что у него было». Потому что из традиции знали мудрецы, что эта глава («Вашилах») – глава об изгнании. Когда наш учитель прибывал ко двору царей «Эдома» по делам общины, он перечитывал эту главу, чтобы следовать совету мудрого предка, к которому обращаются поколения и учатся на его примере, и не принимал царевых людей к себе в стражи, ибо те не стремятся сблизиться с тобой, кроме как для собственной выгоды, и имущество человека для них словно бы ничье.

Теперь дело за малым. Надо найти в Торе и мидрашах подтверждения родства Эсава с жителями Апеннинского полуострова. И такие намеки находятся. Ицхак благословляет Эсава: «На тучной земле будет твое проживание». Мидраш Берешит раба (67:6) поясняет: «На тучной земле будет твое проживание» – это «греческая Италия». Имеется в виду южное побережье «Итальянского сапога», где находились греческие колонии. Эти места славились своим плодородием и богатством, именно там жили сибариты – население богатейшего города Сибарис. Таким образом, Эсав владеет не только горами Сеир. Его отец Ицхак благословил его на владение Южной Италией. Согласно мидрашу, уже тогда, за полторы тысячи лет до появления римлян в Палестине, возникла связь Эсава и тех мест, которые впоследствии войдут в состав Римской империи.

Другой мидраш (Йсламдену, Батей мидрашот, 109) находит и более прозрачную связь: «Царство Римское основал Цефо, сын Элифаза, сына Эсава». Римская традиция считала основателями Вечного города братьев Ромула и Рема, поэт Вергилий – Энея, бежавшего из разрушенной Трои, еврейский же мидраш византийского времени находит праотца римлян в Торе.

Дополнительный предлог для отождествления римлян с нашим братом Эсавом появился в IV веке, когда христианство стало государственной религией Римской империи. Теперь римляне называли себя *verus Israel* – истинным Израилем. Рассуждая логически, если, по их мнению, мы, то есть Яаков, сын Ицхака и Ривки, – не истинный Израиль, то кто же истинный? Другой сын Ицхака и Ривки, не так ли? Значит, они, христиане, – Эсав. Но сложную тему отношений иудаизма и раннего христианства мы здесь обсуждать не будем.

Yāî è Èçðàèèÿ - àðàòîèèè ñðç?

Отождествление Эдома с Римом, как и любая аллегория, неоднозначно. Называя римлян Эдомом, мы переносим на него все их пороки. Но точно так же мы можем перенести на римлян черты характера и факты жизни исторического Эдома. Если Эсав – брат Яакова, то нет ли сущностного предопределения, позволяющего римлянам проявить братские чувства к иудеям?

Ученики еврейских мудрецов, читая рассказы об Эсаве в Пятикнижии, привычно подставляли «римляне» вместо «Эсав». И проблемой для них были те отрывки, где Эсав-Эдом проявляет, казалось бы, истинно братские чувства. Не временна ли, не случайна ли нынешняя ненависть римлян к нам и не выдает ли Тора истинные намерения «нового Эсава» – соединиться с нами в братской любви? А изучив события, изложенные в Торе, мы можем научиться вести себя и в современных условиях. Так пишет Рамбан: «Намек для поколений: все, что случилось с нашим праотцем и с его братом Эсавом, всегда будет случаться с нами и с сынами Эсава» (Рамбан на Берешит, 32:4).

Особенно интересен поцелуй Эсава. «И побежал Эсав к нему навстречу, и обнял его, и пал на шею его, и целовал его, и они плакали» (Берешит, 33:4). Мудрецы обращают внимание на то, что слова «ва-

ишшакеу» («и целовал его») в свитке Торы отмечены надстрочными точками, очень редкими в тексте. Это один из способов выделения фрагмента. Но что сообщает нам это выделение? Вот мнение мидраша Авот де-рабби Натан:

«И целовал его» – необычные знаки. Может быть, это был поцелуй любви! Рабби Шимон бен Эльзар говорит: но ведь все свои прежние деяния он совершал из ненависти? Кроме этого, которое он совершил из любви.

А вот вариант этого толкования в Сифре, Беаалотха, 69 к Бемидбар, 9:10:

Некоторые толкуют наличие надстрочных знаков как указание на то, что не от всего сердца он целовал. А рабби Шимон бен Йохай сказал: «Общеизвестна истина, что Эсав ненавидит Якова. Однако в тот момент в нем пробудилось милосердие, и он поцеловал Якова от всего сердца».

Итак, есть шанс на любовь. В римлянах присутствует человеческая искра, и хотя мы отождествляем их с Эдомом, чей ангел-хранитель – сам враг рода человеческого, милосердие иногда стучится в их сердца. Рав Шимшон-Рефаэль Гирш в своем комментарии к Торе (Берешит, 33:4) с прекрасной наивностью середины XIX века проповедует:

Слова «и они плакали» со всей определенностью свидетельствует о том, что перед нами – проявление настоящего, чистого человеческого чувства. Бывает, что человек целует кого-то, но сердце его в этом не участвует. Но слезы, внезапно прорвавшиеся в такие мгновения, – они, несомненно, исходят из глубины сердца. Поцелуй и слезы показывают, что и Эсав – потомок праотца нашего Авраама, что он не только охотник-дикарь – ведь иначе он не достиг бы столь высоких степеней власти и не остался бы в памяти человечества. Одной только силы меча, одного лишь голого насилия для этого недостаточно. Эсав постепенно складывает оружие и все больше проникается духом человеколюбия. И не кто иной, как Яков дает Эсаву возможность доказать, что принцип гуманности тому не чужд. Когда сильный уважает права сильного – это только разумно; но когда сильный – Эсав, – отбросив меч, бросается на шею слабому Якову, тогда мы видим, что и в нем возобладала правда и человечность.

Сразу виден наследник эпохи Просвещения, живущий в самой интеллигентной, самой толерантной, самой гуманной стране Европы – Германии. Вершины науки, искусства и философии, достигнутые лучшими умами Германии, равенство прав, которого удостоились евреи, позволяют строить самые радужные перспективы братского союза германского меча и еврейского духа... О дальнейшем лучше промолчать.

Но не только рава Гирша пленяла перспектива преодоления вековой розни и распри. Даже Нецив из Воложина, рав Нафтали-Цви-Йеуда Берлин, в своем комментарии к Торе «Аамек давар» (Берешит, 33:4), написанном в конце XIX века в мрачной царской России, выражает парадоксальную идею:

«И они плакали». Плакали они оба – это учит нас, что и в Якове пробудилась на миг любовь к Эсаву. И так будет во всех поколениях: в тот час, когда в потомках Эсавы пробуждается чистое желание признать сынов Израиля и их достоинства, – тогда и в нас пробуждается потребность признать Эсаву братом. Так рабби Йеуда а-Наси поистине любил Антонина – и тому много других примеров.

Оказывается, и мы можем и должны возлюбить современный Эдом. Если они докажут искренность своих чувств, мы тоже перестанем сдерживаться и поймем, что довольно отгораживаться от братьев. А порой инициатива в признании братства Эсавы и Якова принадлежит и евреям. Так, когда римляне замыслили издать очередной антиеврейский указ, «поехала делегация мудрецов в Рим, вышла на площадь и стала кричать: “Разве мы не братья? Разве не одна мать родила нас? Разве не один отец у нас? Почему же вы ненавидите нас?”» (Рош а-Шана, 19а, Таанит, 18а).

К сожалению, не всегда наша инициатива встречает понимание. Посланцы Якова в мидраше говорят ему:

«Мы пришли к твоему брату, к Эсаву» (Берешит, 32:7). Мы пришли к тому, о ком ты говорил: «Он брат мой». Однако он относится к тебе не как брат, а как преступный Эсав; он по-прежнему ненавидит тебя.

(Берешит раба, 75:7)

Натолкнувшись на отказ признавать евреев братьями, встретив ненависть вместо понимания, мудрецы мидраша вынуждены переосмыслить и поцелуй Эсава. Если римляне отказывают нам в дружбе, значит, и Эсав не собирался целовать Якова. Что же он хотел с ним сделать?

«И целовал его» (Берешит, 33:4) – над буквами стоят точки. Сказал рабби Шимон бен Элиэзер: «Во всяком месте в Писании, где ты находишь, что написано больше, чем отмечено точками, – ты толкуешь то, что написано, но не отмечено; там, где точек больше, чем написанного, – ты толкуешь точки. Здесь отмеченного и неотмеченного поровну – это значит, что Эсав в тот час проникся милосердием и поцеловал его от всего сердца». Сказал ему рабби Янай: «Если так, то зачем вообще стоят точки над словом “и целовал его”? Чтобы научить, что он хотел не поцеловать (“ленашко”), а укусить (“леношхо”); но сделалась шея Якова как мрамор, и притупились зубы этого злодея. А что же значит “и они плакали”? Один плачет о своей шее, а другой плачет о своих зубах».

(Берешит раба, 78:4)

В более позднем мидраше эта тема раскрыта шире и красочнее:

Когда Яков шел, направляясь в Кнаан, пришел к нему Эсав с горы Сеир, кипя гневом и замышляя погубить его, как сказано: «Замышляет нечестивец злое против праведника и скрежещет на него зубами своими» (Тешилм, 37:12). Сказал Эсав: «Не буду я убивать брата моего Якова луком и стрелами, умерщвлю его своими устами и высосу его кровь» – как сказано: «И побежал Эсав ему навстречу, и обнял его, и бросился на шею ему, и целовал его. И они плакали». Читай не «и целовал его», а «и укусил его»; но стала шея Якова как слоновая кость. Как увидел Эсав, что не удастся ему желаемое, – стал он злиться и скрежещать зубами, как сказано: «Нечестивец увидит и разгневается, зубами скрежещать будет и истает» (Тешилм, 11:10).

(Пиркей де-рабби Элиэзер)

Судьба народа идумеев волнует сейчас только историков. Но евреи по-прежнему считают себя в эдомском изгнании: ведь европейский мир основан на религиозном и юридическом наследии Римской империи, на ее церковных и законодательных кодексах. Именно римская цивилизация сформировала современный «свободный западный мир», и в Риме на «святом престоле» сидит папа, претендующий на главенство над всеми христианами Земли. А у ворот Рима-Эдома среди нищих сидит Машиах и на вопрос «Когда ты придешь?» отвечает: «Сегодня, если вы послушаетесь голоса Всевышнего» (Сангедрин, 98а).

יָא נֹוֹי עֹוֹי דְיִאָאֵאֹוּנְבִי יָאָ עִי אִי × עֵאֹוּעֵי עֵב

Борис Клин

В самый разгар противостояния представители традиционных российских конфессий еще посылали «сигналы» поддержки городскому голове Юрию Лужкову. Может, делали они это не столь явно, как мастера культуры, все равно вполне ясно и однозначно. От мастеров культуры, честно говоря, ничего другого, кроме хорошо рассчитанного холуйства, никто давно не ждет. А вот религиозные деятели, которым, кажется, уж сам Б-г велел вести себя иначе, напрасно разменивают свой авторитет на столичную недвижимость.

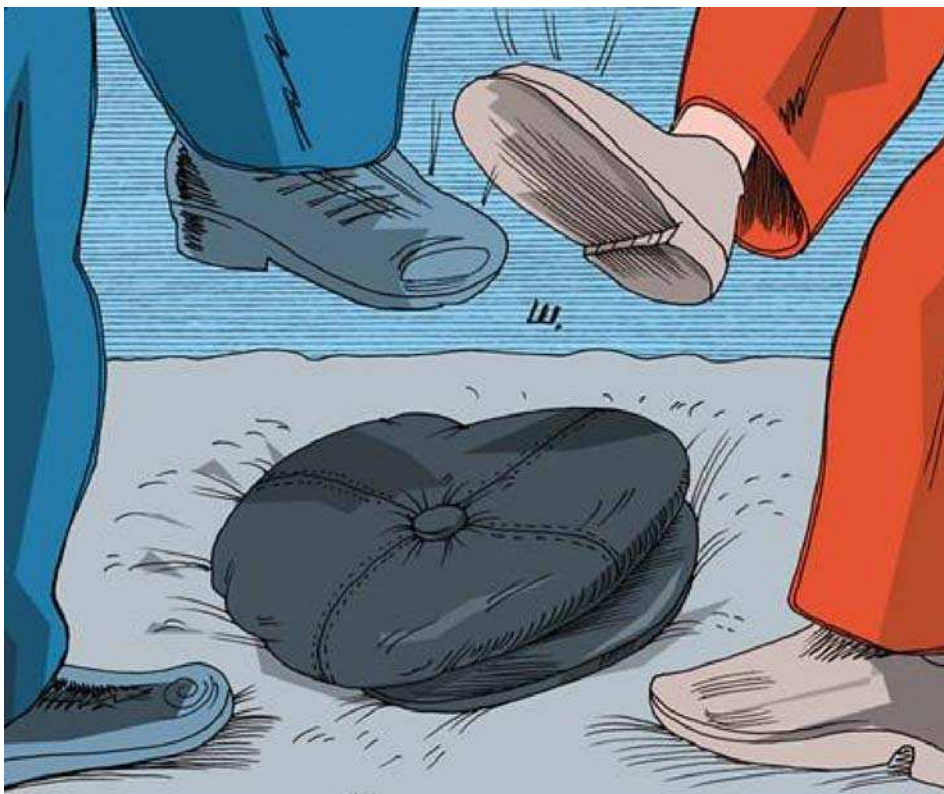

Юрий Лужков былую популярность утратил задолго до позорной отставки. И надо быть слепцом, чтобы не видеть чудовищные пробки, издевательства над людьми в виде «выборочного капитального ремонта», бесконечные конфликты горожан, вызванных «точной застройкой», более походившей на ковровые бомбежки, низкий уровень медицинского обслуживания. Здравый смысл отказал московским чиновникам настолько, что прошлой осенью они попытались отнять знаменитые «лужковские надбавки» у части стариков, и лишь скандал, поднятый в СМИ, вынудил бывшего мэра отказаться от этой варварской акции. Список претензий к мэру можно продолжать довольно долго, и, боюсь, он занял бы весь объем журнала, и хватило бы еще на пару номеров. А религиозные деятели – православные, мусульмане, иудеи – продолжали славить Юрия Лужкова. Более того, даже после президентского указа они настойчиво выражали ему свою благодарность. Правда, последнее, по мнению политтехнологов, уже было связано не столько с личностью Лужкова, сколько с посланием его преемнику, мол, «пусть знает, мы верны до конца»...

Бывший мэром действительно для оживления религиозной жизни сделал немало. При нем построен новый громадный кафедральный православный собор и восстановлено множество других храмов. И евреям грех жаловаться – при Лужкове появился Московский еврейский общинный центр, отреставрирована за счет городского бюджета хоральная синагога. Лужков исправно давал разрешения на установку Ханукии в центре столицы, и сам принимал участие в зажигании огней на ней. За это-то его и благодарили и священники, и раввины.

Но эти благодарности свидетельствовали, прежде всего, о беспринципности религиозных деятелей, а вовсе не об отдании должного многолетнему руководителю города. Из славословий в адрес Лужкова следовало, что и для раввинов, и для священников, и для православных общественных деятелей, и для активистов еврейской общины куда важнее здания религиозного назначения, храмы, синагоги, чем безудержный рост цен на жилье, нехватка детских садов, дикие очереди в поликлиниках и недостаток врачей в них. Условия лечения в больницах, нормальная работа транспорта и жилищно-коммунального хозяйства, разумная политика в области городской застройки – словом, все, что составляет жизнь горожан, в том числе и верующих, религиозных деятелей не волновало. Для них оказалось самым важным решение их, сугубо узких корпоративных проблем.

Хочу пояснить, что проблема не в том, что была оказана поддержка непопулярному политику. Я вовсе не считаю, что поддерживать следует исключительно политиков популярных. Просто обращаю внимание на систему приоритетов, возникшую в том числе и в еврейских религиозных общинах (как и в других общинах нашей страны). А система эта порочная, ибо на первое место ставит не человека, к тому же маленького, бедного, больного, незащищенного перед властями, а строительство культовых сооружений.

Юрий Лужков был ценен религиозными лидерами, он получил почти все ордена Русской православной церкви, в 2003-м – орден «Аль-Фахр» от Совета муфтиев России. В 2006 году он чуть не стал лауреатом премии ФЕОР «Человек года». То есть, информация о его победе в номинации «Государственный деятель» уже было разошлась (ее и сейчас можно найти в Интернете), однако ни сам Юрий Михайлович, ни его помощники по неизвестным причинам за статуэткой не явились. Но евреи на него не обиделись. Лужков вообще казался непогрешимым.

За все эти годы ни один религиозный деятель не сказал прямо, ясно и однозначно ни слова о том, что Москва при правлении Лужкова превратилась в город, неудобный для жизни, что столичное правительство допускает серьезные ошибки. Нет, лишь явно чрезмерные и неуместные благодарности.

Такой подход не только сыграл дурную шутку с самим Лужковым, поскольку давал основания увериться в собственной непогрешимости, но и подрывал авторитет лидеров религиозных общин.

На церемонии вступления в должность нового мэра присутствовали представители всех конфессий. Полагаю, никто из них особенно не задумывался о том, как выглядит их участие в этом мероприятии с точки зрения людей, находившихся по другую сторону телеэкранов. Им, религиозным лидерам, придется с новым мэром решать множество вопросов, и они явились засвидетельствовать ему свое почтение. А вот большинство людей воспринимают их присутствие там как благословение и одобрение

всего того, что задумал новый мэр. А все ли он хорошо задумал? А что у него получится? Не знает никто. Известно лишь, что мэр Собянин готов сотрудничать со всеми традиционными конфессиями. То есть о строительстве зданий религиозного назначения его гости могут не беспокоиться. Но мне странно, что они совсем не беспокоятся о наполнении этих зданий. А оно зависит от способности священнослужителя говорить правду правителям и не пугать свое облачение с фрактом официанта.

Гробница Рахели.

Из книги «Мир еврейской почтовой открытки».

Начало XX века

Духовная культура нашего мира, возникшая и расцветшая в давние, не различимые взглядом времена, принадлежит поровну всем живущим ныне людям-человекам. Делить ее на части и, как тьном, огораживать правом собственности – все равно что делить динозавров на стада и отары и приватизировать их. Памятники материальной культуры, в которых нашла олицетворение духовная мощь наших праотцев и праmaterей, – дело другое. Могила Рахели и гробница над ней – один из таких памятников, наиболее почитаемых евреями вот уже почти четыре тысячи лет.

Отдаленное прошлое человечества, в том числе и библейское, составлено и сплетено из благоуханных историй, которые частью наших современников воспринимаются как непреложный самодостаточный факт, а другой частью – как сладкий лепет ребенка на рассвете жизни. Древняя история, эта важная, фундаментальная часть общей культуры, является нынче предметом манипуляций политиканов и политизированных, зачастую продажных чиновников, поставивших своей целью во имя сегодняшних быстротекущих интересов исказить далекое и близкое прошлое тех или иных народов, стереть и вымарать его фрагменты. Прошлое – единственное, чем мы всецело и неколебимо владеем, – становится, стало быть, предметом политического торга и базарной купли-продажи.

А теперь обратимся к нашему прошлому: мы увидим свет того дня, когда праотец наш Яков по каменистой горной дороге подходил к городу Бейт-Лехем – со всем своим скарбом, с чадами и домочадцами, с баранами и козлами, с жеребцами и кобылицами. Рачительный хозяин, отец двенадцати сыновей – основоположников двенадцати колен Израилевых, Яков больше всего на свете любил жену свою Рахель, младшую дочь лукавого Лавана. В получасе пути от Бейт-Лехема пришло Рахели время родить на свет дитя, и Яков приказал своим людям остановиться и разбить бивак у дороги. И изнемогла Рахель от родовой муки, и умерла в кочевом шатре, произведя на свет Биньямина, что в переводе с древнееврейского (Бен-Ямин) означает «сын любимейшей». Здесь, у дороги, не доходя Бейт-Лехема, Яков похоронил свою Рахель и оплакал ее. И, свернув бивак, двинулся дальше по пути еврейской истории. До появления ислама с его мечетями и муэдзинами на минаретах оставалось еще две с половиной тысячи лет.

Родовая гробница «первого еврея» праотца Авраама и его семьи расположена в двух переходах от Бейт-Лехема, в пещере Махпела, в Хевроне. Общеизвестно просвещенному миру, что эту двойную пещеру, и поле при пещере, и дуб, что на том поле, праотец Авраам купил у хетта Эфрона в вечное владение за четыреста шекелей серебром. Первой в семейной усыпальнице была похоронена жена Авраама Сара. Гробница Махпела стала местом паломничества и молитвенного поклонения, по сути дела, со дня своего

основания и остается святым местом по нынешний день: евреи усматривают в склепе, где погребены наши прауродители, мистическую основу, связующее звено с перволюдьми – Адамом и Хавой.

В византийские времена, в VI веке, в Махпеле, в погребальном зале Ицхака и Ривки была устроена церковь – но продержалась она там недолго: арабские завоеватели-мусульмане, захватив Хеврон и Пещеру Патриархов, перестроили церковь в мечеть; по углам сооружения, обновленного при Ироде Великом, а то и ранее, появились минареты. Буйный мамлюкский султан Бейбарс запретил евреям молиться в усыпальнице, и доступ к могилам предков был для нас открыт лишь семьсот лет спустя, после Шестидневной войны.

Не возьмусь утверждать, что интерес арабов к пещере Махпела напрочь лишен оснований: основание есть, и оно довольно-таки весомо. И арабы, и евреи согласно сходятся в том, что от Исмаила (Ишмаэля) – сына Авраама и рабыни-египтянки Агари – пошло в рост все арабское племя. Как и в том, что, руководствуясь не вполне просветленными обстоятельствами, Авраам отправил от себя египтянку с сыном в дикую долину Фарран. «С дитятком отпустил Агарь», – читаем в гениальной «Поэме горы» Марины Цветаевой. «Дитятке», правда, в тот день было уже тринадцать лет от роду, но от этого долина Фарран не становится ничуть привлекательней для путника. Я проходил в этой долине армейскую службу и могу засвидетельствовать: более безжизненного местечка я и в глаза не видывал. Редкие местные жители и кочевые бедуины утверждают, что в «вади Фарран» дожди не выпадают никогда – ни капли. Эти жуткие природные тяготы не помешали, однако, Агари с Исмаилом чудесным образом добраться до более подходящих для жизни мест и там обустроиться. Хочу надеяться, что благополучный исход «отпущенных» был обусловлен заботой и помощью Авраама.

Все эти подробности не препятствуют арабам преданно почитать Авраама-Ибрагима и, возможно, видеть в нем не столько «первого еврея», сколько «первого араба». Евреи едва ли готовы согласиться с таким экстравагантным утверждением, но и отмахнуться от него, как от назойливой мухи, никак нельзя: Исмаил и его многочисленное потомство приходится нам дальней родней, родственниками второго круга; и когда мы не совсем точно называем арабов «кузенами», в этом названии все же заложено рациональное зерно.

Принимая свои резолюции на 185-й сессии, чиновники ЮНЕСКО руководствовались, однако, никак не культурными доводами и не знанием исторических основ. Их вело политико-географическое чутье: и Махпелу, и могилу Рахели следует раз и навсегда объявить мечетями, потому что они расположены на территории, переданных Иерусалимом Рамалле и с недавних пор контролируемых властями Палестинской автономии. И пусть никто не удивится, обнаружив в один прекрасный день минарет, пристроенный к еврейской святыне – могиле Рахели: у мусульман есть опыт на этот счет, они вон какие минареты прищандорили к собору Св. Софии в Стамбуле! Чиновникам ЮНЕСКО хорошо известна формула «два государства для двух народов». Им также известно, что арабов много, а евреев мало и что у арабов есть нефть, а у евреев ее нет. И отсюда проистекает само собою, что одно государство – Израиль – самое подходящее место для синагог, а другое – арабское – просто замечательное место для мечетей. Каждому свое. Есть вопросы? Нет вопросов.

Ну а раз вопросов нет, Израиль может в одностороннем порядке объявить христианские церкви в Иерусалиме синагогами, тем более что Иисус из Назарета даже в глазах иноверцев являлся евреем по материнской линии; это ни у кого не вызывает сомнений.

Но есть и другое решение. Не желая мириться со смехотворными резолюциями ЮНЕСКО, Израиль отзывает своего посла Нимрода Баркана из этой политизированной организации и прерывает сотрудничество с ней до лучших времен. Вот только когда они наступят?

ЗАГАДКА КАТАЛОНСКОГО АТЛАСА

Ι ΘΑΕΙ Α Ι ΥΘΕΑΙ ΕΒ ΑΑΕΕΙ ΕΡΑ ΘΕΑΑΙ ΕΕΙ ΑΑ

Ααααα αδ Εεε-ααεεε

Γαίτ ες αααίυθ αεβā Εαθαείίεε - εβαεί αγ Ναεύααίθρι Ααεε οθεα α αδθααίι μθία, ετθιθθβ ιγάρθ α αα θαίιι Θεαααα Ιθαααα αα, Ιαθαοίαει Ιθιθααεουγγ α Αεθίθ (α αα Ιεθαθθίιθθγθ - θθαε -ααε Ια οαθαίίυθ εσεοθθιθθ Ιθεγθ), -θιθι, Ιθιαεγγαεεθιι Ιαααθαείίε θαεε - Ιθιθα-ίίε Ιαθθίεεθ, -θι Ιθεθί οαίαα εαθιθ, ααθι Ιθιθγθα, θθρυεαγθ θιέυαθ ε αεεα, αεαίθ εαε Ια εααίε, - Ιθρεοεθιι Ιαεθαοαίιι ο θυεεθι Ιθθθ Ιθθθθιθιθι ο Υεθαεαί, ε Ιαθραεουγγ α θυαίιθ Ιθθθθαίθθαθ θθαί ααεθιθθ οεθ-αε ααθαεθιθ εααθθαεα

Ι ο-ίε ετεμθθθ Ια οθαα αίθα Εαθαείίεεθ αοεαθ μθ δααα Ιθ Ιθεθθθθθθθ Εθθι.

Ααααα ε Εααα Εθαεαθ

1375 αα

Евреи покинули эти места много веков назад, однако интерес местных жителей к бывшим соседям высок – это объясняет наличие Музея еврейского квартала и то, что жироны охотно возводят свои родословные к знаменитым горожанам еврейского происхождения.

В музее собраны обломки каменных надгробий с надписями на иврите. Каталонцы использовали их на протяжении веков в качестве строительного материала для новых домов. Примерно так же христиане поступили с материалом еврейской Библии. «Им проще простить христианство Иуде, чем иудейство Христу», – написал однажды поэт Виктор Коркия.

В музее внимание привлекла огромная карта, размером во всю стену. Этот Каталонский атлас оказался одной из загадок мировой картографии. Вершина каталонской картографической школы, атлас был изготовлен в 1375 году Авраамом Крескесом и его сыном Йеудой по заказу арагонского короля Хуана I и впоследствии подарен им своему племяннику, взошедшему на французский трон. В силу последнего обстоятельства оригинал атласа хранится в Национальной библиотеке Франции в Париже, а в Жироне выставлена его репродукция. Кроме того, что атлас поразил приближенными к современным контурами морей и полуостровов, он весь был испещрен пучками каких-то линий. И очень заинтересовал пучок линий, который находился справа от острова Крым на территории нынешнего Краснодарского края или – учитывая приблизительность карты – Ставрополя. Никто из работников музея не смог ответить на вопрос о его происхождении, то есть к какому географическому пункту он привязан.

Спустя какое-то время, разбирая фотографии, я вернулся к этому вопросу. Пришлось ознакомиться с историей картографии. Если резюмировать изыскания, то Каталонский атлас относится к так

называемым портуланам: связному собранию небольших карт, чьи координатные базисы как раз и обозначались этими таинственными пучками линий. Линии эти называются локсодромами (навигационными кривыми, пересекающими все меридианы под постоянным углом), числом 32 или 16, – они соответствовали компасным румбам и использовались мореплавателями для привязки к реальным навигационным путям.

Одна из загадок портуланов – отсутствие их эволюции на протяжении XIV и XV веков, – что говорит в пользу существования какого-то одного эталонного прообраза. Портулан Пири-ре́йса, средневековый шедевр картографии, созданный в Константинополе в начале XVI века, превосходил на порядок по точности все существовавшие до него карты мира. В силу кривизны Земли портуланы мало были пригодны для путешествия через океан, однако прекрасно работали при каботажном плавании.

Увы, все это не отвечает на вопрос: какая именно точка справа от Крымского полуострова на Каталонском атласе была выбрана в качестве опорной для навигационного пучка локсодром. Обращение за помощью к специалистам не помогло идентифицировать связанный с этой точкой населенный пункт. Но спустя какое-то время возникла не догадка, а некая свободная ассоциация, которая не дала ответа на вопрос, но зато помогла сделать смелое предположение в хлебниковедении.

Дело вот в чем. Велимира Хлебникова с юности интересовала идентификация дельты Волги с дельтой Нила. Река, собирающая в свое лоно и в линзу Каспийского моря (единственного моря на планете, чьи берега хранят все мировые религии) свет Земли Русской, река, вдоль берегов которой распространялась культура, а торговый путь вел на Восток, связывалась великим русским поэтом с Нилом. История этого сравнения – предмет отдельного исследования, учитывая существование из книги путевых размышлений, посетивших Василия Васильевича Розанова во время его плавания по Волге, озаглавленных «Русский Нил».

Моряною в Астраханской губернии зовется ветер с моря, что нагоняет волны со взморья в плавни, затопляет замешкавшегося врага и делает проходимыми банки, россыпи, косы. Существует моряна и в дельте Нила. Именно ею некоторые ученые объясняют чудо рассечения вод – при Исходе.

Хлебников, чья первая научная работа была посвящена фонетическому транскрибированию голосов птиц, населяющих Астраханский заповедник, который был создан его отцом, считал, что дельта Волги, речная страна со всем ее кормовым изобилием – рыб, птиц, дичи, – неотличима от дельты Нила и это позволяет сделать серьезные выводы. Поэт искал различные подступы к этой метафоре в течение всей жизни. Его перу принадлежит рассказ «Ка», где развивается тема божественного двойничества на фоне пребывания в дельтах двух великих рек. Поэт считал, что где-то в дельте Нила находится двойник его души. (Андрей Платонов был убежден, что стал писателем только после того, как увидел ночью за письменным столом своего двойника; тогда он работал над «Епифанскими шлюзами».)

И вот после того, как обнаружилась таинственная точка на Каталонском атласе, пришла мысль об осмысленности картографического преобразования, при котором дельта Нила переходит в дельту Волги. Для этого следует вычислить координаты пересечения медиан двух треугольников, обозначающих дельты великих рек. Это преобразование состоит из двух отражений – от меридиана и параллели, которые пересекаются в центре симметрии, каковой приходится на горную местность в Восточной Анатолии, поразительно близко к истоку Евфрата.

Нетрудно убедиться, что это картографическое преобразование переводит Москву в окрестности Мекки (и наоборот), Рим – в окрестности Кабула, а остров Ашур-Аде в Каспийском море, на котором Хлебников планировал устроить резиденцию Председателей Земного Шара, – к берегам Пелопоннеса. В целом происходит отчетливая замена центров Запада на центры Востока, вырисовывается объединение веток различных цивилизаций. Это преобразование четко атрибутируется Хлебниковым, ибо именно он мечтал о таком экуменическом единении и, в частности, будучи русским поэтом, искал осуществления своей пророческой миссии внутри исламской традиции во время своего анабазиса в составе агитотдела Персармии, выполнявшей установку Троцкого о розжиге искры мировой революции на территории Гиляна, северной иранской провинции.

При таком «хлебниковском» картографическом преобразовании Иерусалим переходит как раз в ту таинственную область на Каталонском атласе, которая содержит неведомый узел пучка локсодром, который нам никак не удавалось идентифицировать. Координаты отраженного Иерусалима приходятся примерно на середину Маныча – цепи соленых озер, геологического наследия пролива, который в доисторические времена соединял Каспийское море с Черным. Вновь подчеркну, что разгадка этого узла на

Каталонском атласе так не отыскивается, но размышления над ней приводят к интересному картографическому преобразованию, которое находит свое развитие в следующем.

Хлебников всю жизнь работал над «Досками судьбы» – книгой, чья идея наследует старинному калмыцкому гаданию по бараньей лопатке, которое уходит корнями в буддийские традиции. Особенно интенсивно поэт работал над ней во время своего пребывания в Персии, которая интересовала его с юных лет как некий исход из реальности в райские наделы свободы и живого религиозного чувства, где возможно полное осуществление его футуристического предназначения. В «Досках судьбы» Хлебников с помощью степеней 2 и 3 пытался вывести Формулу Времени и связать ею значимые исторические события. В этой связи его интересовала исламская традиция, согласно которой исламский мессия – мехди – явится в мир Повелителем времени.

Оперирование степенями 2 и 3 и попытки с их помощью провести калибровку новейшей хронологии соответствуют описанному выше картографическому преобразованию не времени событий, а мест событий, согласно которому все числовые калибровки (градусы, минуты, секунды) координат происходят в системе кратности $6 = 2 \times 3$, $36(0) = 22 \times 32(0)$.

16 января 1922 года в Москве, за полгода до смерти, Хлебников записал в «Досках судьбы»:

*xèñò úá çàéíí ú áðáí áí é
ì ííþ í áéááí ú 20 ááá,

éí ááá ý æéé á Ááéó á ñò ðáí á í áý,

á áúñéíí çááí èè ì í ðñéíáí í áúáæéò èý,
áí áñò á

c [óóáí æí ééí] Áí áðí é í áñéí.

<...>

Óóáí æí éé, í á: ááæéé éáí è ò ú Éí éóí áá,

í áí æé ááí í í áú éáí èè ì áí ý
èç çáéáí í áí éóí éá

áí ñéá Ýòí áú éí òí ðí ó áé í ðéí á ò í é,
áí áðí é í áááæ áí é

áéý í éú áó ááí é ì á ò áðé éó áðáí áí é,
á í áááí ì óþ

ñò ðáí á B òí ò áé í áé ò è ééþ =
é = áñí ì ÷ áé í áá: áñò áá...

Áç áóéá, áé áñí ú é ì éð, í áðáí éþ áé

ðí æ ááí éý, ðááí í ááé ñò áé á

æéçí ú, í ááí, çáí í áý éí ðá

Ðááéú, ñò ðáí ú ó áðá, ó áá 317*

Там же мы находим:

*Áç áóéá, áé áñí ú é ì éð, í áðáí éþ áé

ðí æ ááí éý, ðááí í ááé ñò áé á

æéçí ú, í ááí, çáí í áý éí ðá

Ðááéú, ñò ðáí ú ó áðá, ó áá 317*

«Струны шара» – как раз и есть наши локсодромы, меридианы и параллели. Вышеизложенное предположение провоцирует проанализировать материал «Досок судьбы» с точки зрения картографических преобразований, попробовать найти в их материале пространственные соответствия. Но и без того уже

сейчас можно предложить ключ к структуре мышления Велимира Хлебникова, основанный на описанном картографическом преобразовании относительно центра симметрии дельт двух великих рек. Этот русский поэт, как никто другой из современников, находился на острие луча времени, проникавшего в XX век, высвечивая его апокалипсические битвы и с ними – великие научные открытия, революционное развитие научной мысли.

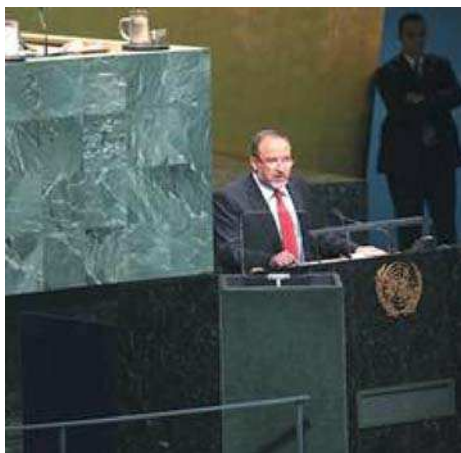
Объединение пространства и времени должно было неизбежно повлиять на мировидение Хлебникова, учившегося математике в Казанском университете, ректором которого некогда был Николай Иванович Лобачевский, автор «Пангеометрии», предвестницы математического аппарата Общей теории относительности. К тому же Хлебников – Председатель Земного Шара. И вправе поступать с земным шаром, по крайней мере с его поверхностью, как угодно. Таким образом, нам представляется закономерным в изучении структур мышления Хлебникова наконец породнить время с пространством, так как XX век, мышление новой эпохи находилось на кончике пера Велимира Хлебникова, этого великого объединителя, примирителя религий и цивилизаций, сторон света и времен.

Разведывая структуру исторического времени, он прощупывал структуру пространства.

ЭФФЕКТ ЛИБЕРМАНА

Ἀλλὰ ἐὶ ἀδέεσθ

*Νῆαυ δᾶ-ῦ ἰὰ Ἀαὶ ἀδαεῦ ἰε Ἀππᾶ ἀεῖα Ἰ Ἰ Ἰ 28 ἡαὶ οὔαδῦ 2010 ἡᾶᾶ ἐφθαεεῦηεεε ἀεοᾶ-ἰ δᾶῖ ἡηδ
ε ἰ εἰεπὸδ εἰ ἡὸ δᾶἰ ἰ ὠ ἀεε Ἀεεᾶἰδ Ἐεεᾶἰδ ἰε ἡεἰἰ-εεε ὠεὸ αὸ ἰε εφ ἰ δᾶ δᾶεᾶ Ἐεεεᾶῦδ: «...ε ἰ ἀδᾶεφὸ
ἰ ᾶ-ε ἡᾶε ἰ ᾶ ἰ δᾶεᾶ ε εἰ ἡῦ ἡᾶε - ἰ ᾶ ἡᾶἰ ὠ; ἰ ᾶ ἰ ἡᾶεἰ ἀὸ ἰ ᾶ δᾶ ἰ ᾶ ἰ ᾶ δᾶ ἰ ᾶ-ᾶ, ε ἰ ᾶ ἀᾶᾶᾶ ἀἰεᾶ ὠ-εὸ ἡῦ
ἡᾶᾶᾶᾶᾶ». Ὑὸ ἰ ἡἰεἰ ἡεἰ ἡὸ ᾶᾶ ἰ ἰ ᾶ ὠ ᾶ ᾶ δᾶε ᾶᾶ ἰ εᾶ, εἰ ὠ ἰ δᾶ ἰ ᾶ ἰ ᾶ ἡᾶεἰ ᾶ ὠ ἰ δᾶε ᾶᾶ ἰ ἰ ἰ ἡεᾶ ἡἰ ἰ δᾶ ἰ
δᾶ ἡἰ ᾶ-ᾶᾶ ἰ εε.*

Выступление израильского вице-премьера и министра иностранных дел Авигдора

Либермана на Генеральной Ассамблее ООН.

28 сентября 2010 года

Речь министра произвела фурор как среди противников Израиля, так и среди его редующих сторонников. От Либермана ждали «гладкой» речи, обточенной и отшлифованной спичрайтерами, камуфлирующей зияющие пробелы и изъяны в переговорном процессе между израильтянами и палестинцами, – а услышали то, что не готовы были выслушать и что нарушает дипломатический этикет, заведенный в ООН: правду. Эту речь будут вспоминать и приводить в пример, на нее будут ссылаться на протяжении долгого времени – во всяком случае, до того часа, когда получит разрешение арабо-израильский конфликт, наиболее затяжной и один из наиболее взрывоопасных международных конфликтов нашего времени.

Арабо-еврейский конфликт возник около века назад – с активизацией сионистских устремлений в Европе и царской России и началом организованного возвращения евреев на историческую родину. Существует и иная версия: ссора имеет куда более глубокие корни, она вспыхнула три с половиной тысячи лет назад, во времена праотца нашего Авраама, когда он, в силу существенных обстоятельств, «отправил от себя» свою рабыню и наложницу египтянку Агарь с их общим сыном-первенцем Ишмаэлем (Исмаилом). Впоследствии этот Ишмаэль стал основоположником арабского племени, в то время как долгожданный Ицхак, сын Авраама от его жены Сары, наследовал отцу и, в определенной степени в ущерб и убыток первородному сыну Агари, стал одним из трех основателей и основоположников еврейского народа. Увлекательная версия, таящая в себе мощный заряд для размышлений, – но мы все же остановимся на первой.

Итак, очередное обострение неугасающего конфликта последовало после окончания победоносной Шестидневной войны, когда, после разгрома армий арабской коалиции, Израиль объединил Иерусалим, завоевал и взял под контроль Иудею, Самарию, Синай и Голанские высоты. Арабских легионеров из оккупированной части израильской столицы выбил командующий Центральным военным округом генерал Узи Наркис, к Стене Плача и Храмовой горе первыми пробились десантники генерала

Моты Гура. Израильской армией в ходе войны командовал начальник Генерального штаба генерал-лейтенант Ицхак Рабин.

Важно подчеркнуть, что начиная с 1949 года и до самого последнего времени военно-политическое руководство Израиля твердо придерживалось концепции «завоеванные территории в обмен на мир». В позолоченной рамке этой формулы умещались и стратегия, и надежда. После окончания Шестидневной войны самый знаменитый в те дни израильтянин Моше Даян рекомендовал своим коллегам в правительстве спокойно сидеть у телефона и ждать звонка от разгромленных арабов: позвонят и попросят вернуть им территории взамен на мирный договор. Но телефон молчал... И тогда, отчасти для того, чтобы расшевелить арабов и подтолкнуть их к мирному диалогу, решили понемногу заселять территории – строить поселения за «зеленой чертой».

Один из молодых боевых генералов, подающий блестящие надежды разведчик и аналитик Рехавам Зеэви, по прозвищу Ганди (через год после Шестидневной войны он сменил Узи Наркиса на посту командующего Центральным военным округом), предостерегает соотечественников, охваченных эйфорией победы: коренные жители завоеванных территорий повиснут гирей на ногах Израиля, между победителями и побежденными возникнет антагонизм, а затем и ненависть, которая перейдет в организованное сопротивление. Еврейский дом должен оставаться национальным государством, и миллионы арабов на его территории послужат дестабилизирующим фактором. Поэтому, предлагал Ганди, на части завоеванных земель нужно основать палестинское государство Ишмаэль – по имени того сыночка, которого вместе с мамой праотец наш Авраам отпустил от своих шатров... Такое экстравагантное предложение не нашло понимания и поддержки среди социалистов-консерваторов, стоявших во главе страны. Не пришлось по вкусу политическому руководству и другая идея Ганди: полюбовное, на добровольной основе, с щедрой компенсацией за утраченное имущество и причиненные неудобства переселение палестинских арабов из Иудеи и Самарии в страны арабского же мира.

Самой убедительной иллюстрацией к формуле «территории в обмен на мир» послужило возвращение Египту полуострова Синай в обмен на мирный договор и установление дипломатических отношений с Израилем в полном объеме. На том «мирный обмен» и закончился: никто по этому поводу больше никому не звонил. Строительство на территориях продолжалось и набирало обороты. Застреленный в октябре 1991 года палестинским террористом в коридоре иерусалимской гостиницы, Ганди успел убедиться в правоте своего предвидения: конфликт между евреями и арабами разгорался, неприязнь перешла в ненависть, ненависть – в интифаду. Рабин приказал ломать бунтовщикам кости. Мятеж удалось подавить, но время, строго говоря, работало против нас.

А идея Ганди о палестинском государственном образовании под названием Ишмаэль – идея, в свое время, под сокрушительной сенью победы, не допускавшая отлагательства, – дала всходы, и довольно-таки бритвенные, десять лет спустя. В сентябре 1978 года, на первом саммите в Кемп-Дэвиде, в составе Картер–Бегин–Садат впервые открыто, хотя и вскользь, прозвучало словосочетание «Палестинская автономия». Эта тема получила дальнейшее развитие через тринадцать лет, в октябре 1991-го, на Мадридской конференции. И только железобетонное упорство израильского премьер-министра Ицхака Шамира отвело угрозу скоропалительных решений.

В своей речи на Ассамблее ООН министр Либерман вспоминает израильских премьер-министров, последовательно выступавших за мирное решение израильско-палестинского спора и способствовавших поискам мира: Ицхака Рабина, Шимона Переса, Биньямина Нетаньяху, Эхуда Барака, Ариэля Шарона, Эхуда Ольмерта. Этот перечень – не соблюдение дворцового этикета, не дипломатический прием: каждый из названных политиков действовал на мирном поле в силу своих возможностей, в рамках своих убеждений. Самым масштабным, самым мощным из них был, разумеется, Ицхак Рабин.

Ицхак Рабин. 1992 год

Если учесть крупнейшие события последнего времени – болезненное крушение коммунистической утопии, разгул терроризма, прежде всего радикально-исламского, – становится объяснимой тенденция мира к политическому поправению как здоровая реакция на происходящее. Не миновал сдвиг вправо и социалистический, с коммунистическими вкраплениями Израиль. В 1977 году власть социалистов-сионистов рухнула, премьер-министром стал лидер правой партии «Херут» («Свобода») Менахем Бегин – последователь Владимира-Зеева Жаботинского. Левые ушли в оппозицию.

Ситуация на политической карте Израиля изменилась самым кардинальным образом. Сохранилась лишь основополагающая конструкция «левые–правые», повернутая на 180 градусов: если при социалистах «левые» были очень хорошими, а «правые» – очень плохими, то теперь, при Бегине, «правые» стали просто замечательными, а «левые» – ужасными и кошмарными. Время шло, верховная власть переходила из рук в руки – от правых к левым и наоборот. Переговоры с палестинцами тащились через пень-колоду. Летом 1992 года Ицхак Рабин вернулся к власти, во второй раз возглавив кабинет министров. На «левака» Рабина радикальная правая пропаганда не замедлила свалить все мыслимые и немыслимые грехи; дело дошло до того, что прославленный генерал Рабин на листовках и плакатах был изображен в форме офицера СС.

Но все дело в том, что Рабин не был «леваком»! Он был центристом, иногда переходя на позиции правее центра. После реорганизации армии в середине 1950-х высшее армейское руководство, прежде всего начальники Генерального штаба, по определению не могли быть «леваками». И то, что все они – не исключая и Ганди – в свое время были в той или иной степени связаны с кибуцным движением, не меняет сути дела. Времена меняются, и люди меняются вместе с временами. Нынче находятся любители обвинить Эхуда Барака в том, что он вывел армию из Ливана, Арика Шарона – за уход из Газы, Ицхака Рабина – за его причастность к соглашениям Осло. Как будто кто-нибудь может сказать, в каком бы мы сегодня были состоянии, не произойди все то, что произошло! Соглашения Осло не были для Рабина идеальными, но по тем временам были оптимальными: наши уступки выглядели куда более скромными, чем те, которые нависают над нами сегодня, а о разделе Иерусалима речь вообще не заходила. Склонный говорить правду, какой бы резкой она ни казалась, Рабин во всеуслышание назвал одного из ответственных «архитекторов» Осло, идеологического левака Йоси Бейлина, «пуделем Переса», и прозвище намертво приклеилось к этому политику.

Министр Либерман внимательно изучал наследие выдающихся политических деятелей Израиля и многому у них научился. У Рабина он учился жесткости и насущной необходимости говорить правду там, где ее не хотят слышать и залепляют уши воском. Неординарное мышление Рехавама Ганди, этого отважного человека чести и, по его собственным словам, «палестинца в седьмом поколении», послужило Авиغدору Либерману богатой пищей для размышлений. Предложение о «добровольном переселении палестинцев», воспринятое политическими противниками Ганди как завуалированный трансфер, министр Либерман довел до логического и исторического завершения и ознакомил с ним своих слушателей в ООН:

«...Основополагающим принципом, – сказал министр, – является не формула “территории в обмен на мир”, а обмен территориями, населенными этническими меньшинствами. Позвольте мне прояснить свою позицию: я говорю не о трансфере населения, а об изменении границ, адекватно отражающем демографические реалии.

Дамы и господа, это отнюдь не экстравагантная точка зрения, и она намного менее противоречива, чем утверждают некоторые. На самом деле несоответствие между границами и распределением этнических групп является наилучшим рецептом для продолжения конфликта, и этот факт признан академическим миром».

Таким образом, в наиболее острой части своего выступления министр Либерман призвал к мирному решению палестино-израильского противостояния, основанному на конкретных, взаимоприемлемых шагах, а не на красивых мифических предположениях и зыбких сроках. Либерман сказал правду, которая многим в зале ООН была известна, но которую никто не решался озвучить.

Теперь заявка на продвижение вперед сделана. Колеса событий, похоже, завертелись.

люди поддержат наш фонд, то мы продолжим нашу издательскую деятельность. На мой взгляд, вслед за документами Бунда должны быть изданы материалы «Поалей Цион», других еврейских политических партий и обязательно общественных организаций – ОПЕ, ОРТ, ОЗЕ и так далее.

– Эта книга была издана «в отместку» Ленину и коммунистам?

– Книга издана, конечно, не для того, чтобы уязвить покойника. Тем более что, если бы он воскрес, издание документов Бунда было бы далеко не первым в списке его огорчений. Том рассчитан в первую очередь на живых – на историков. Конечно, мне было бы куда приятнее сказать, что он не только для узких специалистов. Хотя тексты, опубликованные в книге, написаны понятным языком, все-таки эта книга для историков. И для истории. Готовилась она достаточно быстро для такого рода изданий. Основные документы Бунда находились в бывшем Центральном партийном архиве, но, кроме того, документы выявлялись и в других архивохранилищах и библиотеках. На данный момент это самая полная публикация документов Бунда, или так называемого «русского Бунда»: опубликованы материалы только на русском языке. Притом что в фонде Бунда есть материалы на идише, немецком, польском и других языках. Однако основным «партийным» языком бундовцев в Российской империи все-таки был русский. Хотя «еврейская улица» говорила, конечно, на идише.

– То, что тринадцать евреев решили провести I съезд Бунда в Йом Кипур, – случайность или они этим хотели что-то сказать?

– Не думаю, что это была какая-то демонстрация в пику Г-споду Б-гу. Может, то была такая своеобразная форма поста. Бунд ведь был секулярной, атеистической партией. Думаю, что отношение к субботе у каждого члена партии было свое, а степень богоборчества зависела от конкретной ситуации.

– Говорят, основание Бунда не обошлось без помощи товарища Плеханова, помогали и Аксельрод, и Вера Засулич, и другие основоположники русского марксизма. Правда ли это? Когда Плеханов уже не скрывал своего негодования по поводу «националистических проявлений» бундовцев?

– Знаете, я все-таки не историк партии... я имею в виду коммунистической... Мне, честно говоря, неизвестны такие детали. Тут можно говорить о бесспорном идейном влиянии первых русских марксистов. Плеханов был таким божком первых русских социал-демократов. Но когда они познакомилась с ним как с человеком, выяснилось, что и на солнце бывают пятна. Что касается второй части вопроса, то Плеханов начал негодовать, когда дело шло уже ко II съезду РСДРП. Ну а впоследствии и вовсе высказывался в таком духе, что «бундовец – это сионист, который боится, что его укачает во время переезда в Палестину». Его с удовольствием цитировал Сталин: «Товарищ Плеханов был тысячу раз прав, говоря, что Бунд “приспосабливает социализм к национализму”». Замечу, что борьба российских социал-демократов против бундовского сепаратизма в начале века выглядела довольно забавно, учитывая то обстоятельство, что Бунд тогда превосходил по численности российскую социал-демократию. Летом 1904 года Бунд насчитывал около 23 тысяч членов, в 1905–1907 годах – около 34 тысяч. Для сравнения: вся Российская социал-демократическая рабочая партия в начале 1905 года насчитывала приблизительно 8400 членов. Бунд стал частью РСДРП, но если сравнить эту часть с другими частями, она была больше, причем временами в два-три раза. Но тут надо иметь в виду не очень строгую партийную дисциплину. В ту пору записаться в партию и выйти из нее было проще. В 1908–1910 годах, когда революционные настроения резко пошли на спад, численность Бунда упала до 2 тысяч. Это касалось не только Бунда, это касалось всех радикальных партий. Появляются Дума, относительная свобода печати. Появляются легальные формы выражения социального протеста, политических мнений. Естественно, крайние партии начинают терять своих приверженцев. Сочетание такого пряника и кнута привело к фактическому распаду революционных партий, и если мы говорим о Ленине и его соратниках, то это была кучка эмигрантов, о чем-то спорящая в Париже. И если бы не европейская катастрофа – первая мировая война, не было бы никакой революции и товарищ Ленин проходил бы в качестве примечания в учебнике истории.

Í È ÁÁÐÁΒÌ, Í È ÐÀÇÍ ÎÑ×ÈÈÀÌ Í È ÖÖÛ

ÁΓδεν ΆΓεεεί, ίάο:ί úé δάάάεοίδ «Í íεεò.δó»

– Нужна ли российским евреям сегодня партия образца Бунда или же им вполне хватает ФЕОР с Берлом Лазаром?

– Политическая система современной России строится не вокруг партий, политика живет не там. Содержательные вопросы всерьез обсуждаются и решаются за их пределами. Механизм партий используется либо для оформления принятых решений, либо для того, чтобы условно обозначать какие-то сегменты в рамках политического спектра. На данный момент бессмысленно думать о партиях как об инструменте влияния на ситуацию в стране – хоть евреям, хоть разносчикам пиццы. Совершенно другой вопрос – нужны ли вообще «национальные» партии. Логика бундовцев была в том, что для них защита интересов еврейского трудящегося никогда не должна уйти на второй план, – в отличие от общероссийских партий, которые, по их мнению, этими интересами могли бы поступиться как менее значимыми. Здесь они оказались и правы, и неправы. Правы, потому что большевики на определенных этапах позволяли себе жертвовать интересами евреев – вспомним разные антисемитские кампании советского времени. Неправы, потому что интересами остальных они жертвовали с не меньшей готовностью. А еще потому, что деятельность «национальных» партий этому никак не могла бы помешать. Хотя бы в силу однопартийности советской системы. Нет сомнений в том, что нужны организации, защищающие общие интересы любой группы, а каждый из нас – зона пересечения множества групп. Это, конечно, относится и к евреям – в любом понимании этого слова. Есть интерес общий не только для тех, кто себя идентифицирует в этом качестве, но даже и для тех, кто всего лишь воспринимается окружающими как еврей, – это сохранение гражданского равноправия, отсутствие каких бы то ни было форм угроз, дискриминации, притеснений по «национальному» признаку. Этой цели могут служить как разные общинные структуры, включая упомянутую вами ФЕОР, так и правозащитные организации широкого профиля. Есть другие типы интересов – менее «универсальные», но тоже важные – поддержка развития образования и научных исследований в области иудаики, еврейской культуры и так далее. Организация этой сферы – более специфическая зона ответственности «национальных» структур.

– Название книги связано с датами. Чем обусловлен выбор именно этого временного промежутка?

– Насколько я понимаю, эта замечательная серия изданий «РОССПЭНа» в архивной части базируется в первую очередь на тех документах, которые отложились в российских хранилищах. В данном случае – на фонде 271 РГАСПИ. Даты основной массы документов там – 1894–1921 годы. В 1921 году юридически закончилось существование Бунда в Советской России – ЦК Бунда принял решение о самороспуске. На территориях, которые не входили в состав СССР, деятельность Бунда продолжалась, но документы о деятельности Бунда за пределами СССР находятся, думаю, в основном не там. Целевая аудитория издания – это, вероятно, студенты, которые смогут работать с уже подобранными в рамках книг этой серии источниками по отечественной политической истории рубежа XIX–XX веков, а также исследователи, для которых история, идеология Бунда окажутся интересным, но не центральным сюжетом собственных занятий. Работы же по истории еврейского социал-демократического движения должны будут, конечно, опираться и на это издание, но не смогут ограничиваться ни им, ни этими хронологическими рамками.

– Каким было отношение Бунда к иудаизму и сионизму?

– Бунд – органическая часть социал-демократического движения. Поэтому ничего хорошего в отношении религии или опирающегося на нее социального порядка там не могло быть. Бундовцы не были, конечно, ассимиляторами – они не отрекались от своего еврейства, выступая за национально-культурную автономию, за развитие образования и культуры на идише. Что же касается сионизма, то он представлял враждебное, конкурирующее течение, в том числе в социалистическом движении. Это были две принципиально разные установки. Одна – строить справедливое, новое общество на нынешней земле для уже живущего на ней человека, вместе с соседями-единомышленниками, сосуществуя с ними на принципах своего рода автономизма. Другая – строить нового человека на старо-новой, возрождаемо-создаваемой земле Эрец-Исраэль. Первая утопия гораздо более приземлена, вторая – более национал-романтична. Что не помешало реализоваться именно второй. Хотя, как это всегда случается с утопиями – в существенно измененном виде. Остатки вражды между этими течениями мы видим как в деятельности Евсекций в СССР (заметную часть в них составляли бывшие бундовцы), боровшихся с ивритом и остатками традиционного социального порядка, так и в определенном антиидишизме на ранних этапах истории Израиля.

– Кто финансировал Бунд и случалось ли так, что деньги шли в казну противоборствующих еврейских партий из одних и тех же источников?

– Никогда этим вопросом не занимался, но источники финансирования – всегда материя темная. Особенно для подпольных и полуподпольных организаций. Конечно, среди людей с радикальными взглядами были и выходцы из зажиточных семей. Некоторые из них сохранили какой-то доступ к семейным ресурсам. Но если подтекст вопроса – предположение, что наиболее богатые семейства хотели расшатать систему, то оно выглядит несколько комично. Тем, кто делает бизнес, меньше всего нужны революционные преобразования. Не вызывает доверия и идея, что эти семейства клали яйца в разные корзины, чтобы хеджировать риски. Но совершенно нормальная ситуация, когда одни члены семейства могли сочувствовать бундовцам, другие – сионистам, а третьи – надеяться на продолжение существующего порядка вещей. Не менее реалистично выглядит и ситуация, когда деньги давались на, скажем, культурные проекты без внимательного анализа их связей с теми или иными идеологическими течениями. Вообще, конспирология – одна из самых бессмысленных интеллектуальных отмычек. Анализ ресурсных потоков в политической борьбе может помочь понять какие-то особенности социального устройства, систему ценностей / интересов доноров и реципиентов этих потоков, иногда – локальные флуктуации в позициях и механике, но никак не природу политических движений или сущностные механизмы их деятельности.

«ΔΕΛΕΘΑΒ ΝΟΪ ΑΔΙ ΑΕΪ ΑΕΑ»

Вот некая Еврейская еврейская

– Выход книги «Бунд. Документы и материалы 1894–1921» является большим событием или эта книга была рассчитана изначально на узкую аудиторию, в основном на специалистов?

– «Желтая суперобложка» – обычно так называют серию «Документальное наследие» политических партий, которая несколько лет назад стала лауреатом Госпремии по науке и технике, и после этого вышло еще энное количество томов, я затрудняюсь точно сказать, сколько именно. В них представлен широкий спектр наследия российских политических партий самых разных ориентаций: от крайне правых

черносотенцев до ультралевых анархистов. Как я понимаю, эта книга стоит немного особняком в серии как посвященная национальной партии, потому что все прежние тома относятся именно к общероссийским партиям. Что касается аудитории, думаю, что эта книга не для массовой, широкой аудитории, но в то же время я бы не относил ее к исследованиям, интересным лишь узким специалистам. Книги этой серии поступают (это обычная практика рассылок) в российские университеты и в ведущие библиотеки. Они охотно приобретаются зарубежными университетами и научными центрами. Это важно, особенно для провинциальной аудитории, у которой нет возможности копаться в московских архивах. И конечно же, вся эта серия и данная книга в частности будут востребованы определенной частью политизированного сообщества и журналистами, которые тоже не пойдут искать в архивах, но отсюда почерпнут интересные их идеологемы и мифологемы, смогут сверить устоявшиеся стереотипы с первоисточниками.

– Нашел в Интернете: «Троцкий выражал взгляды Бунда, от которого отпочковались все революционные партии и который дал 90% всех революционных лидеров».

– Как эксперт по политической истории XX века, отвечу одним словом: полная галиматья. Да тут и антисемитский душок, но еще больше – полное невежество. Троцкий никогда никакого отношения к Бунду не имел. Выходцев из Бунда, которые бы как личности сложились в других политических партиях, можно пересчитать по пальцам. К примеру, Мартов имел недолгое отношение к Бунду в Вильно, хотя Цедербаум к этому времени был уже сложившимся социал-демократом. Когда он оказался в ссылке, он, естественно, работал с той средой, которая там была. А дальше путь Мартова расходился с идеологией Бунда. Мог бы еще назвать эсера-максималиста Аарона Зверина, который тоже далеко отошел от бундовских и вообще от марксистских установок. Если отвлечься от этой утрированной, грубой постановки вопроса и порассуждать, насколько действительно был весом процент евреев в российском революционном движении и в российских политических партиях, то тут, несомненно, имеется определенная дифференциация. В одних партиях он был высоким – особенно на начальном этапе создания РСДРП. Процент евреев в руководстве был достаточно велик и в дальнейшем, когда в Центральном Комитете начались фракционные расколы. Но применительно к комитетам вне черт оседлости, где-нибудь на Урале или в Поволжье, это не было нормой. Да и само российское еврейство не было явлением однозначным, и если для одних фигур решение еврейского вопроса наряду с общими революционными вопросами имело принципиальное значение, то для других, скажем для того же Троцкого, абсолютно никакого значения не имело. Что касается другой массовой партии – эсеров, то хотя и там присутствовало определенное количество евреев в руководстве партии, в основном это были ассимилированные евреи, для них еврейский вопрос тоже не играл никакого значения. Хотя случались и исключения, такие, например, как Исаак Штейнберг, который был верующим человеком и стал одним из создателей Всемирного еврейского конгресса. Но опять-таки повторяюсь: ни о каких 90% речи быть не может. Право, для меня как истинно русского человека это было бы даже оскорбительно!

– Как Бунд вписывался в другие еврейские организации, вообще в контекст бурной российской политики начала XX века?

– Здесь надо отметить, что в различные периоды своего существования эта организация проводила достаточно полярные тактические линии и даже политические курсы. Если, скажем, в период первой революции 1905–1907 годов по своей тактике Бунд был нацелен на вооруженное восстание, то есть стоял ближе к большевикам, то в дальнейшем была четкая трансформация Бунда в сторону меньшевиков. Хотя в самом Бунде тоже не было единства мнений: одни склонялись к меньшевикам-партийцам, выступавшим за сохранение социал-демократов в качестве нелегальных партий, другие поддерживали меньшевиков-ликвидаторов, выступавших за превращение социал-демократов в абсолютно легальное движение. В 1917 году лидеры Бунда, каким, к примеру, являлся Михаил Исаакович Либер, шли на самом правом фланге меньшевизма. Возникла даже такая карикатурная присказка Демьяна Бедного, начавшая гулять по газетным публикациям. Она объединяла имена лидеров правых меньшевиков и эсеров: «ГоцЛиберДан». Бунд, как наиболее крупная политическая организация, рассматривал себя в еврейском партийном движении в роли главенствующей партии, каковой он, в сущности, и был, по крайней мере по численности. Бундовцы могли найти общий язык с «поалеиционистами», но не с примыкавшими к кадетам членами Еврейской Народной партии во главе с Семеном Дубновым. Конкурентами Бунда были сионисты, особенно не социалистической ориентации, и неонародническая СЕРП (Социалистическая Еврейская рабочая партия во главе с Марком Ратнером). Конечно, бундовцы входили в единое сообщество со всеми остальными социалистами и в период советских репрессий, когда они вместе отбывали срок в тюрьмах и ссылках.

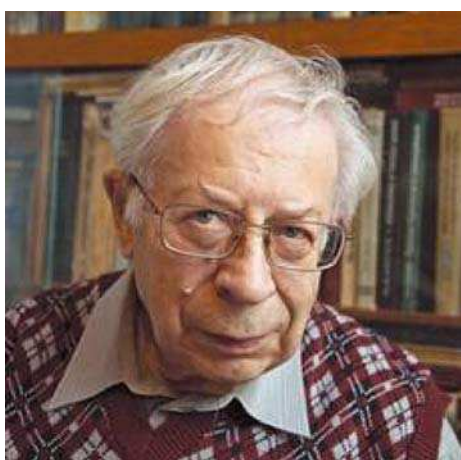
– Как долго оглядывался «Альгеймайнер-Юдише-Арбайтер-Бунд» на «Альгеймайнер-Дойтшер-Арбайтер-Бунд» времен Лассала, который действовал в эпоху, по словам одного из

основоположников Бунда Абрама Яковлевича Мутника (кличка Глеб), «когда германский пролетариат ставил себе задачи, аналогичные с российским революционным движением»?

– На следствии по делу декабристов подследственный Василий Львович Давыдов, подтрунивая над следователями, замечательно ответил: «Не к немецкому “Тугенбунду”, а просто к бунту я принадлежал». Бунд вовсе не на «Альгеймайнер-Дойтшер-Арбайтер-Бунд» оглядывался, он тоже к русскому бунту принадлежал. Но и здесь, конечно же, надо понимать, что все было в достаточной степени дифференцировано. С одной стороны, многие бундовцы оказались на самом-самом умеренно-социалистическом фланге, поддерживали Временное правительство, лозунг войны до победы и так далее. Но были же и очень левые бундовцы, которые потом раскололи Бунд, образовав Еврейский Коммунистический Союз Украины (Комфарбанд), и вот эти-то как раз принадлежали к русскому или к украинскому бунту.

ΑΟΙÄ - ÎÐÄÄÎ ÈÇÀÖÈÈΒ ÎÀÖÈÎ ÎÀËÛÎÄΒ

ÈÏÄÄÈ ÐÎÇÎÎ ÀÄËÛÎ ÈÏÎÎÐÈÈ, ÎÄÈÎ ÈÇ ÎÏÎÄÄÈ ÀÄÄÄÈ ÈÎÈÄÈ

– Бунд сыграл важную роль в революции 1905 года, а каково было его влияние на революцию 1917 года?

– Бунд был радикальной социал-демократической организацией, объединявшей еврейских рабочих. Автономной частью РСДРП. Среди еврейских организаций России Бунд находился на левом фланге. Когда в РСДРП образовались два течения, две фракции – большевики и меньшевики, Бунд должен был решать, на чью сторону встать. Тактика Бунда в ходе революции 1905 года почти во всем совпадала с большевистской. Бунд ориентировался на крайние формы борьбы – всеобщую стачку и вооруженное восстание. Отказывался от каких-либо соглашений с еврейскими и не еврейскими политическими организациями. Бойкотировал выборы в первую Государственную думу. К 1917 году положение изменилось, большевики и меньшевики окончательно разошлись, оформились в две отдельные партии. Бунд стал частью партии меньшевиков. В меньшевистском руководстве играли видную роль такие лидеры Бунда, как Абрамович, Либер, Эрлих... Бунд поддержал Временное правительство, отменившее все законы и распоряжения царского времени, ограничивавшие евреев в правах. Был категорически против установки Ленина на развязывание так называемой социалистической революции. Когда большевики захватили власть, Бунд осудил Октябрьский переворот и создание однопартийного правительства из одних большевиков. Правда, левые меньшевики во главе с Мартовым, а с ними и Бунд не были последовательными: критиковали красный террор, но были за отпор белогвардейцам. Когда в ходе войны войска белогвардейцев начали приближаться к Москве, Бунд объявил мобилизацию своих членов в Красную Армию. Они сражались и на Южном, и на Польском фронтах. Но в годы Гражданской войны часть бундовцев вышла из партии. А в начале 1920 года, после погромов на Украине, произошли перемены в настроении еврейского населения и, естественно, в настроениях членов Бунда тоже. Конференция Бунда приняла решение о вступлении Бунда в РКП (б), то есть о самоликвидации. Коммунистов, бывших бундовцев, это не спасло в годы сталинского террора.

– Известно, что бундовцы ставили классовые интересы выше национальных. Солженицын в книге «Двести лет вместе» пишет о расправах евреев-рабочих над фабрикантами-

евреями. Можно ли доверять Солженицыну, отношение которого к евреям назовем специфическим, и какую роль в этих погромах играли бундовцы?

– Солженицын в данном случае фиксирует реальный факт. Бунд, как и другие социал-демократы, следовал марксистскому учению о непримиримости классовых противоречий. Еврейские фабриканты в глазах сторонников Бунда были такими же классовыми врагами, как и любые другие капиталисты. Никакой солидарности всех евреев Бунд не признавал. По мнению Семена Дубнова, бундовцы, или бундисты, были фанатиками марксизма, разрушающими единство народа. Один из современников, посетивший в те годы Вильну, центр Бунда, наблюдал там среди бундовцев безграничную ненависть к существующему строю, вызывавшую одновременно взрывы самопожертвования и нетерпимость к инакомыслящим. Тут Бунд не отличался от других революционных партий.

– Что значила для бундовцев «национально-культурная автономия»? Какие еще еврейские партии, кроме Бунда, стояли на позициях автономии евреев в странах их проживания?

– Бунд не мог игнорировать национальную специфику той среды, которая составляла его опору – язык, психологию, исторические традиции. Он по-своему реагировал на антисемитизм и политику дискриминации еврейского населения России. Не мог он не считаться и с еврейскими погромами (кишиневским 1903 года и особенно погромами 1905–1906 годов). Бунд ответил на это созданием отрядов самообороны. Между тем лидеры РСДРП инкриминировали Бунду национализм. В этом проявлялась характерная и для большевиков, и для меньшевиков недооценка национального вопроса. Они были уверены, что еврейский вопрос будет сразу и навсегда решен в результате свержения самодержавия. Не Ленин, не Мартов, лидер меньшевиков, не считали евреев нацией. Так же как, впрочем, и Маркс. На обвинение в национализме лидеры Бунда отвечали: Бунд организация не националистическая, а национальная. Они решили, что общая программа РСДРП, которую они признавали, должна быть дополнена собственной национальной программой. Такой программой явилась программа национально-культурной автономии. Она была заимствована у австрийских социал-демократов и принята VI съездом Бунда в октябре 1905 года. Согласно этой программе, из ведения центральной государственной власти изымались функции, касающиеся культуры евреев, и передавались учреждениям, избранному еврейским населением.

– Жаботинский писал: «Наша еврейская затрата на дело обновления России не была соразмерна ни с нашими интересами, ни с нашим значением, ни с нашими силами <...> мы заплатили больше, непомерно, безумно больше того, что могли заплатить, и того, что стоило заплатить...» Эти слова можно отнести и в адрес Бунда?

– Было ли несоразмерным, то есть чрезмерным, участие евреев в русской революции? Предъявлять претензии ушедшим поколениям – бессмысленно. Нужно понять, в силу каких причин они действовали так, а не иначе. Нужно знать, каким было это участие. Евреи примыкали к разным партиям. Соотношение между ними менялось. Бунд в пору своих наибольших успехов – в 1906 году – насчитывал около 34 тысяч членов, а в 1917 году – за список Бунда голосовала 31 тысяча избирателей. Значительно меньше, чем за блок религиозных партий и сионистов, за которых проголосовало свыше 400 тысяч. А между тем накануне первой мировой войны еврейское население России составляло около 7 миллионов человек. Если же говорить об общероссийских революционных партиях, то евреев было больше среди меньшевиков. Сравнительно умеренной фракции, по сравнению с большевиками. Но и те и другие чувствовали себя и вели себя как интернационалисты. Еврейство как таковое было им чуждо. Это относится и к Троцкому – второму человеку у большевиков, и к Мартову, самому популярному из меньшевиков. Так что, во-первых, нужно различать участие в революционном движении и сочувствие ему, которое тоже не было всеобщим, и, во-вторых, считаться с тем, что социалистические идеи в то время были распространены во всем мире, не только в России.

Эта книга о Бунде, конечно, помимо всего прочего, «партийно-исторического», еще и книга о вековых чаяниях угнетенного народа, о том, какими путями-дорогами пробивался он к заветной мечте. Какая из них оказалась истинной, и по выходу этой книги неясно. Но на вопрос: «Нужна ли сегодня партия еврею?» – ответить, пожалуй, можно: пока что нет.

ЧИТАЕМ АГАТУ КРИСТИ

Ī ēōāēē Āīdāēēē

Āāōā Ēēēōē - īāī ēē īāī ūō īīīōēyōīūō ēī āī Ōō āēā, āā :ōī ōāī Ōō āēē - āīēē ēīōīdēē :āēīāā:āīōāā, nōīēō dyaīī ū Āīī ādīī. Ī īāē nēūōāēē «āīī», ōēēūū ū īī āī dīī āīāī īī īōdāēē «āīī», ō īāī ēōāā āīēūōā :ēōāōāēāē, :āī ō Ōīēnōīā ē Āīnōīāāēīā, āī āīōā āyōūō, Āēāēēp :ēōāēī ēōāā ī āīūōā īāīāā :āī «Ōāēēīōāī ā Āīnōī:īīī yēīī dāīī» - ōē āī āyēīī nēō:āā ā Dīīēē. Yōīē īīāīūp Āāōā Ēēēōē ēīīīēēīīī āū nōī āāāōōōū ēāō: ōīōīōēē īīāīā :ōīāū āā āūā dāē āīīīī ēēōū Āā ēōī āā ēāāīāē? Āōōā āā īīōāāēāīīī īāīāēēēā īdāō ā ēāāōīīē ēēdā ē n:āīōēēāī ēēāēēāēā ōēāīūy. Āāī āōāōō īīī ēēōū :āōāē nōī āāāōōōū ēāō īīīēā dīāēāāīēy? Ī īāēāō āūōū īāīēīēūēī :āēīāē. Yōī ā ēō:ōāīī nēō:āā Ā īīā ā ēāēāīī āīī ā Āāēā ō ēūōyī ē :ēē:āē - Ōāīīō Ōpō:āā ē īēī īā īdēōāē, ā Āāōā Ēēēōē īdēōēā

Два главных, кочующих из романа в роман героя Агаты Кристи остро противопоставлены. Антиподы. Мисс Марпл, англичанка до мозга костей, пожилая сельская дама, склонная (правда жизни) к легкой ксенофобии, и нарочитый, карикатурный иностранец Эркюль Пуаро, по первому взгляду вызывающий у людей коренной национальности чувства превосходства, презрения, раздражения. Что, впрочем, идет ему только на пользу.

В произведениях Агаты Кристи бегают множество оживляющих повествование разнообразных иностранцев, она манипулирует готовыми, простыми, легко узнаваемыми национальными клише.

Итальянцы разговорчивы и сильно жестикулируют.

Англичане, напротив, сдержанны и неразговорчивы.

Американцы вульгарны, как им и положено, если смотреть из Лондона.

И так далее. Можете продолжить этот ряд самостоятельно – наверняка совпадете с Агатой Кристи.

Русские. Русские прекрасны и загадочны. Само собой, женщины: такое впечатление, что о существовании русских мужчин она не осведомлена. Или они ей совершенно неинтересны. Не могу не согласиться с Агатой Кристи: на мой вкус, русские мужчины русским женщинам уступают. В общем и целом. Хотя бывают впечатляющие исключения. У Эркюля Пуаро был роман с русской – не то графиней, не то княгиней. Русская красавица смотрится рядом с этим усатым коротышкой, как Натали рядом с Пушкиным.

Евреев, понятно, тоже хватает. Вот некий доктор Розен из тайной полиции Германии времен Веймарской республики: «Это был крупный мужчина с красивой головой и очень сочным голосом, а его национальность выдавала лишь легкая гортанность звуков» («Цветы смерти»). Красивая голова и гортанность звуков никакого отношения к делу не имеют, но зато помогают оживить представление. Таких Розенов у Агаты Кристи пруд пруди.

Уже в первом романе Агаты Кристи («Таинственное происшествие в Стайлз») возникает маленький, смешной, гениальный иностранец Эркюль Пуаро и сколь прекрасная, столь и загадочная русская.

– Мой отец англичанин, а мать – русская.

– А, теперь понятно!

– Что понятно? – резко спросила Мэри.

– Понятно, почему в вашем облике чувствуется что-то нездешнее, что-то отстраненное и необычное.

– Мать считалась красавицей <...>

В общем, нам, читателям, как и Гастингсу, все понятно.

А у этой русско-английской красавицы роман с одним отталкивающим типом. У него большая черная борода, и он специалист по ядам («один из самых крупных в мире»). Семейная сцена: Джон и Мэри.

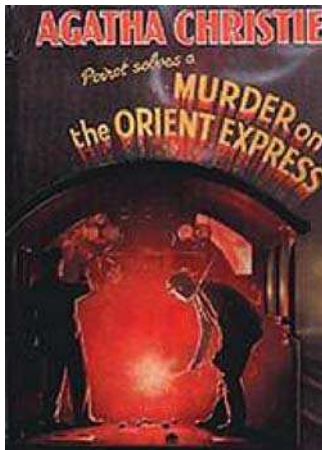

Иллюстрация на суперобложке первого британского издания романа

Агаты Кристи «Убийство в Восточном экспрессе».

Издательство «Collins Crime Club».

1934 год

– Я сыт по горло этим типом. К тому же он польский еврей!

– Примесь еврейской крови еще не самая плохая вещь. Во всяком случае, она мне нравится больше, чем чистая кровь, текущая в жилах породистых англосаксов и делающих их, – она многозначительно посмотрела на Джона, – вялыми тупицами...

Польский еврей! Ужас! Но оказывается, бывают на свете вещи еще хуже. Спасибо, Мэри! К нашему (читательскому) удовольствию, роман с гадким евреем оказывается мнимым: загадочная русская женщина просто хотела разжечь ревность своего породистого и вяловатого Джона.

В отличие от гортанных звуков доктора Розена, яды и борода доктора Бауэрстайна в романе вполне функциональны. В конце концов сей доктор оказывается немецким шпионом (дело происходит во время первой мировой войны). Эркуль Пуаро с его широким взглядом на вещи видит в ядовитом докторе образец национального патриотизма. Само собой, Гастингс с его британской ограниченностью, фронтовыми подвигами, ранами и правь, Британия, морями не в состоянии разделить точку зрения безродного (бельгийского) космополита.

Первая мировая!

Патриот Германии – еврей!

В нашем контексте стоит, наверное, упомянуть «Свидание со смертью», где дело происходит в прекрасной подмандатной Палестине, в том числе и в Иерусалиме – не в Западном, не в Восточном – просто в Иерусалиме. Роман замечателен тем, что герои Агаты Кристи умудрились не встретить ни одного еврея – во всяком случае, заслуживающего упоминания. Арабы – да, есть, очень хорошие: услужливые и знающие свое место туземцы. Куда они только все такие хорошие подевались?

Так, теперь перейдем к «Убийству в Восточном экспрессе» – самому, наверное, знаменитому роману Агаты Кристи. Классика. Эмблема всего творчества Агаты Кристи. По разнообразию национальных типов – на первом месте. С точки зрения еврейского сюжета произведение исключительно интересное.

Вот фигуранты дела в порядке допроса их Эркюлем Пуаро. Я привожу некоторые взаимные национальные характеристики, которые никак нельзя назвать политкорректными, – впрочем, в те времена о политкорректности известно не было. Совершенно неважно, действительно ли эти люди думают то, что говорят, или морочат голову великому сыщику, – важно, что они воспроизводят общее мнение. Агата Кристи попадает, как всегда, в точку.

Проводник спальных вагонов француз Пьер Мишель.

Секретарь Рэтчета американец Гектор Маккуин: «Мне, как правило, не очень-то по душе англичане».

Лакей Рэтчета Эдуард Генри Мастермэн. Вот как характеризует его один из персонажей: «Он англичанин и, по его собственным словам, “с кем попало не якшается”. Он невысокого мнения об американцах и вовсе низкого о представителях других национальностей».

Пожилая американка миссис Хаббард. Недалекая, суетливая, самодовольная женщина. Комический персонаж в трагической ситуации.

Шведка Грета Ольсон, не имеющая ничего общего с застрявшей у меня в памяти Региной Ольсен.

Русская княгиня Наталья Драгомирова. По моему разумению, фамилия скорее болгарская. Княгиня безобразна – оборотная стороны красоты. Но полна властного шарма, загадочна и выразительна. Портрет старухи апеллирует к великой русской литературе. Игра на узнаваемость – постоянный прием автора.

Граф и графиня Андриени. Венгры.

Полковник Арбэтнот. Понятно, что англичанин. Офицер с индийским послужным списком, настоящий *rukka sahib* – из персонажей, кочующих из одного произведения Агаты Кристи в другой. Полон британской спеси и национального высокомерия.

Мистер Хардман. Понятно, что американец. Почти карикатурный клишированный типаж. Безвкусно одетый, жующий жвачку. С грубым, правда и добродушным, лицом. Итальянцы для него – «итальяшки».

Итальянец Антонио Фоскарелли. Как и подобает клишированным итальянцам, веселый, общительный, несдержанный: «Неприятная нация – англичане. Такие необщительные».

Мисс Дебенхэм. Понятно, что англичанка. Английские девушки и молодые женщины, сдержанные и в то же время полные обаяния, – любимые персонажи Агаты Кристи.

Горничная фрейлейн Хильдегарда Шмидт. Немка.

К этому интернациональному обществу надо присовокупить еще одного бельгийца, мсье Бука, директора Международной компании спальных вагонов; грека, доктора Константина; и, наконец, еще одного американца, мистера Рэтчета, заколотого в поезде.

И это не считая офицеров французского гарнизона в Сирии, упомянутых просто так – как некий пролог – и уж совсем не имеющих отношения к делу.

Мсье Бук об итальянцах: «Итальянцы вечно хватаются за нож. К тому же они все вруны. Я не люблю итальянцев».

Возникает естественный вопрос: при чем тут евреи и где тут обещанный еврейский интерес?

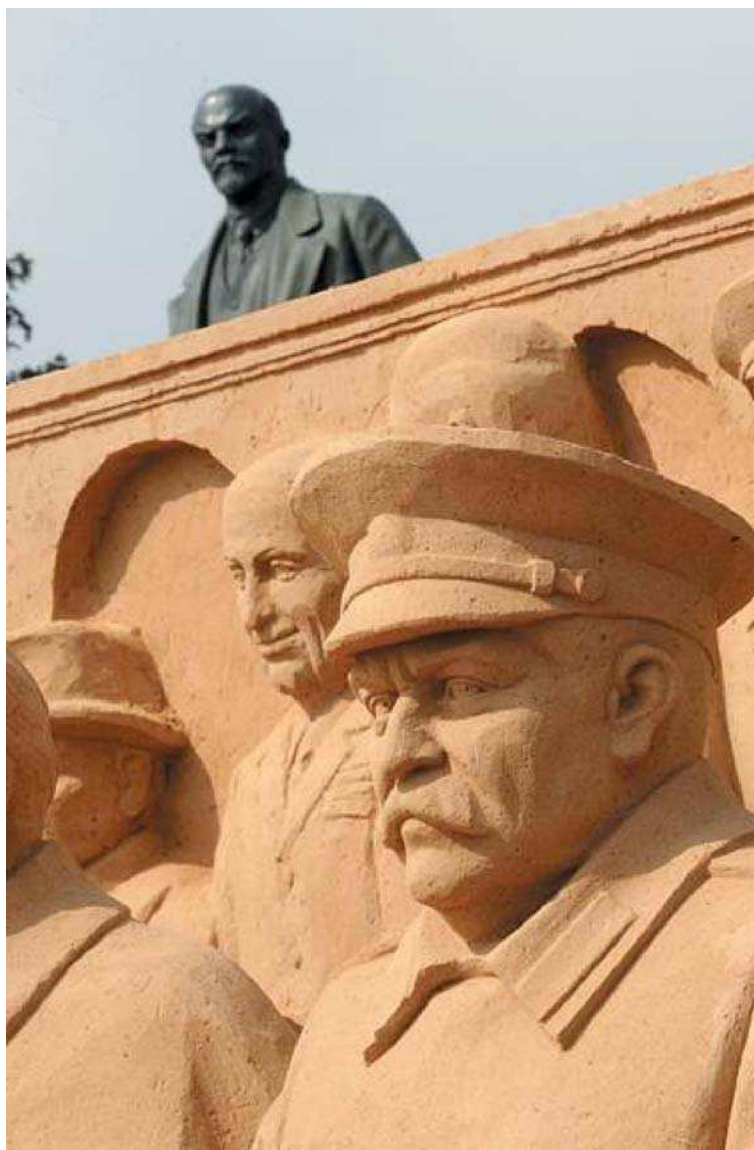
ЛЕХАИМ ДЕКАБРЬ 2010 ХЕШВАН 5771 – 12(224)

ВРЕМЯ И (КАК БЫ) ЛЕНИН

Аדי'ת די'א'ת'א

горит бессмысленно звезда
она одна без дна
вбегает мертвый господин
и молча удаляет время

А. Введенский

Я с самыми благородными целями утешаю друга, которого несколько недель назад бросила девушка.

– Ты же на коленях перед ней ползал?

– Вот я ей и говорю: «Анжела, я же перед тобой на коленях ползаю!» А она мне: «Ага. Только ты, скотина, в свободное время ползаешь в постели к другим бабам»...

– Подожди, – робко спрашиваю я, – но у нее, кажется, были поводы?

– Подумаешь, поводы! Она была совершенно не обязана ими пользоваться...

Дело житейское. Кого из нас не бросали бабы... за дело? Мы сидим у него дома. Пьем.

Вася напивается и хочет вернуть время назад. Я понимаю. Сам бы вернул себе кое-что, если б мог.

Вызвали на всякий случай подруг. Поставили красивую музыку, зажгли огромную пыльную ароматизированную индийскую свечу. Свеча горит, музыка играет, мы напиваемся, ждем девушек, обсуждая, что ворюги нам милей, чем кровопийцы, и что продажная любовь чище и благородней семейной ненависти.

Хорошо. Звонят подруги, я спускаюсь в подъезд, расплачиваюсь, поднимаю их в квартиру.

Девочки, здарсьте, а вы откуда, из Самары, из Костромы, а, да? из Ростова и Харькова, ну, как всегда, не угадали, садитесь, что будете пить и проч.

У нас происходит серьезный разговор по душам, в котором мне особенно нравится, как тонко и естественно девушки относятся друг к другу:

«Ну, вот представь себе, что ты вдруг стала вдвое красивей, чем ты есть на самом деле...»

И тут Вася, уже серьезно нажравшись, берет со стола индийскую свечу, держит ее в руке, как стакан, встает, смотрит пьяным взглядом на сидящих девиц, переводит взгляд на пламя, говорит тихо и твердо: «За присутствующих здесь дам» – и с гусарским отчаянием выпивает раскаленный воск. Визг. Писк. «Скорая помощь». Вася мужественно держится за грудь. Больно.

Сижу в «скорой помощи», рядом с водителем. Вася лежит сзади. Над ним, как священник над умирающим, склонился фельдшер. Едем в Склиф. Меня укачивает, я высовываюсь в окно, поворачиваю голову изо всех сил, смотрю на звезды, которых в городе почти не видно, и думаю: ну вот что, блин, за фуфло, наша дрянная жизнь?..

А мне в ответ (ну как бы во внутренний слух): «Да ладно, не торопись!»

И я понимаю, что это говорит сам себе наш водитель.

– Да нет, – говорю я. – Давайте уж поскорей. Другу плохо.

При этом едем мы довольно бодро. Без сирены, но с мигалкой.

– А... – говорит водитель. – Да это я не вам. Это я ему.

– Кому ему?

– Ленину.

– Кому-кому?

– Да вот только что проехали памятник. Ленину.

Я понимаю, что выпил, и поэтому не все понимаю.

– А куда... ему... «не торопиться»? Он же вроде все успел? И при чем тут вообще Ленин?

– Видите ли, – вдруг включается водитель (нашел слушателя), – мы же его совсем не знаем. А ведь он нами до сих пор управляет.

– Чего? Мужик, ты о чем? (У меня даже похмелье начинает проходить.)

– Ну, вот взять Сталина. Про него все ясно. Диктатор, император, пройдет по трупам, своего добьется. И патриот. И боится предателей. Сталин – он понятный. И Гитлер понятный. И Черчилль там... Ну, вся эта компания...

– А Ленин чего?

– Вообще ничего. Он вроде Иисуса Христа. Одна легенда. Мы его не знаем. Октябрятская звездочка. Живее всех живых. Самый человечный человек. Вождь. Ну, тоже, понятно, пройдет по трупам. Но это у нас в стране каждый второй такой. Трупододец. Хоть соседа моего взять, хоть родную дочь. Цель оправдывает средства. Этим не удивишь. А Ленин – он сплошной миф. Я же в молодости работал в музее Ленина... Знаю кое-что про это...

– Кем работал?

– Шофером-экспедитором.

Я задумался. Что я такого знаю про Ленина-человека? Пишет плохо, но страстно. Думает сбивчиво, но уперто. Догматичен. Очень ревнив. Особенно к политическим соседям социалистам-коммунистам. Ненавидит их со всей силы. Но это нормально. Для фанатов «ЦСКА» главные враги – фанаты «Зенита». А не «Барселоны» или «Ливерпуля». Хотя казалось бы? И общая сборная (все равно приходится и за Кержакова болеть, и за Акинфеева), и общий клубный рейтинг... А что еще я знаю про Ленина? А еще я знаю анекдоты. Ленин обходит охрану Кремля: «Товагищ кгасноагмеец! Сколько дней не ели?» – «Семь, Владимир Ильич!» – «Немедленно спать!»

Или: «Владимир Ильич! А где вы купили эту жилетку?» «Эту?» – Левая рука берется за верхнюю пуговицу жилетки. Держится. Вспоминается. Пауза. Вспомнил. Поднимает голову и правая рука взлетает вперед и вверх: «Там!»

И еще история, как он с каким-то старым большевиком-партийцем переходил в Шушенском (или в Швейцарии) какой-то горный перевал, и в самом красивом месте, в самой крутой точке с самым офигенным видом, где они остановились передохнуть и отдышаться, сказал: «Как же достали меня эти меньшевики, эх, знали бы вы, батенька! Как достали!»

Вроде бы Ленин – ничтожество. И философ никакой, и революционный теоретик так себе... А поди ж ты! Такую страну взял под контроль... И как взял. С последующим обожествлением. Ну а вот все эти пламенные революционеры вокруг, во главе с Троцким, – они-то что в нем нашли? Может, он что-то такое специальное чуял? Когда идти в атаку, когда наоборот. Когда пропаганда, когда молчание? Когда размежеваться, когда объединиться? Ну, была у человека такая вот чуйка... Знать, когда-что-чем пахнет... Статьи писал ужасным языком. Бедным, резонерским, нервным, часто просто истерическим. Вот странно: пафос есть, а все равно нудно и вяло. Но зато много. Если на вес – ПСС центнера на полтора потянет.

– Ну, хорошо, – говорю, – не знаем мы его совсем, ну и ладно. Подумаешь. Во многом знании много печали. Что ж теперь...

Шофер не успевает ответить, потому что мы уже подъехали. Я иду сдавать моего бедного друга в приемный покой. Его принимают, раздевают и готовят к гастроскопии. Я выхожу покурить.

Шофер тут же, на крыльце. Тоже курит. Видит меня и продолжает тему:

– Ходила у нас в музее про Ленина одна легенда. Даже не про Ленина, а про его памятники.

Я осторожно киваю, выражая готовность потратить некоторое время на выслушивание легенды. Делать-то мне пока нечего...

– Ну, че за легенда?

– Легенда такая. Наши большевицкие вожди были, как известно, в основном из евреев. И Троцкий, и Каменев, и Зиновьев, и Свердлов, и Урицкий, и кого только не было... Правильно?

– Допустим. Хотя...

– А что допускать? Так и было. Не то чтобы я против евреев, просто правда есть правда. Там и Бунд родственный был РСДРП. И даже те, кто не очень евреи, ну, вроде Сталина там или Дзержинского, и те, сами понимаете, этим еврейским духом заражались. С кем поведешься, как говорится. Согласны?

– Ну и что из этого?

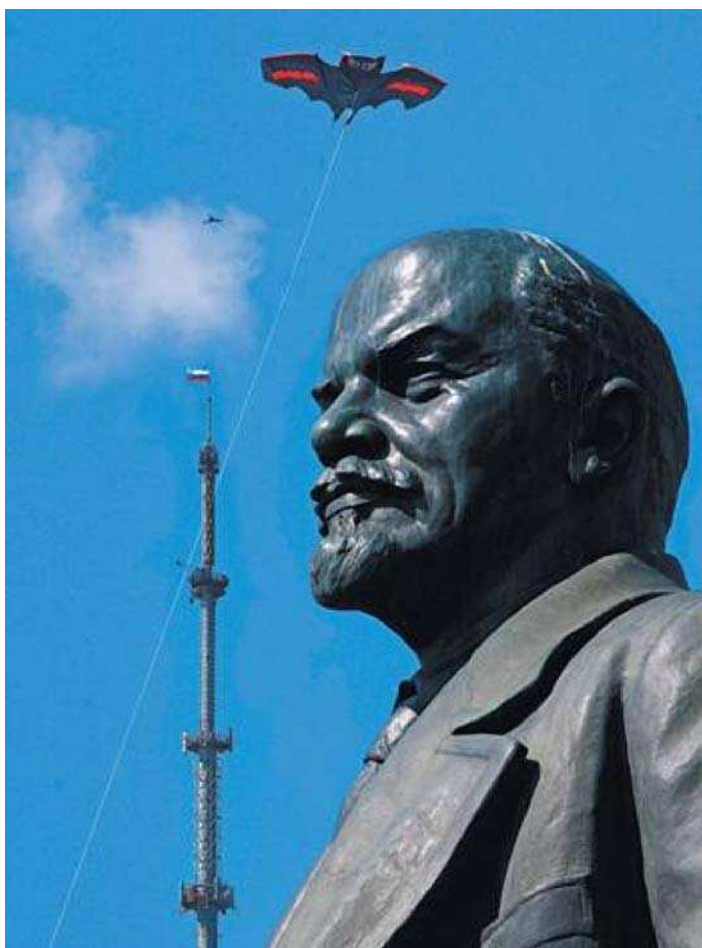
– А то, что у евреев – каббала.

– Что? Не понял. При чем тут каббала? Эти все революционеры были атеисты до мозга костей. И от своего еврейства категорически отказались в самой жесткой форме. И синагоги закрывали точно так же, как церкви.

– Отказались. Но мозги-то не переделаешь. Тем более за одно поколение. Понимаете, прадеды, деды и отцы этих еврейских революционеров были талмудисты и каббалисты. Они это сознание передали своим внукам. Внуки отказались от каббалы и Талмуда, сбрили пейсы, начали есть свинину и работать по субботам. Они порвали со своими предками – и придумали новый Талмуд. Весь марксизм – чистое талмудическое начетничество. И создали новую каббалу. Но это еще ладно. Они начали колдовать! Особенно после смерти Ленина.

Может, большевики, конечно, и начали колдовать, но я лично начал от этого уставать. А делать-то было нечего, друг лежал с гастроэнтероскопом внутри.

– А как колдовали большевики?

– Памятниками. Памятниками Ленину. Понимаете, каждый памятник – это своего рода голем.

История еврейского красного колдовства в изложении Бывшего Экспедитора выглядела заманчиво и довольно оригинально.

Тезисы:

1. Ленин – еврей на четверть, но пропитался еврейским духом на все 100%.
2. Еще при его жизни, после первого инсульта, некоторая часть большевистского истеблишмента решила канонизировать Ленина после смерти. В основном с пиаровскими (пропагандистскими) целями, но и из глубокого уважения к Ленину в том числе.
3. Моему собеседнику неизвестно, какому именно раввину-талмудисту-расстриге-революционеру пришла в голову идея усилить эффект канонизации через некоторые специальные тайные сакральные действия. В любом случае соратники (включая, кстати, Сталина, который был чуть ли не единственный нееврей в тусовке) эту идею поддержали.
4. Основная концепция пиаровская: Ленин жив. Основная тайная: Ленин воскреснет. Поэтому Мавзолей, мумификация и все дела.
5. Для облегчения процесса воскрешения по контролируемой территории необходимо расставлять памятники-големы. В специальных местах, рассчитанных по специальным принципам. Сами принципы мой собеседник не знает, но это должно быть место, равноудаленное от границ города (очень сложная математика, если памятников было несколько), вокруг него на значительном расстоянии не должно быть никаких сооружений, прежде всего церквей (вероятно, и синагог, но какие синагоги в центре города?).

6. В основание памятника замуровывалась специальная капсула со специальным текстом. Капсула должна быть из чистого золота, с толщиной стенок не менее 5 мм или больше. Текст внутри наносится вытравливанием на золотую фольгу в свитке.

На этом месте я закашлялся...

– Длинный текст? А капсула тяжелая?

– Не знаю... – растерялся шофер. – Мне показывали под большим секретом деревянный прототип этой капсулы. Он был в форме снаряда.

– Большого?

– Да нет... С ладонь размером.

Я попытался рассчитать в уме, много ли там золота. Если длина снаряда 20 см, диаметр, для простоты, примем за 5, то, раскатав капсулу, получим прямоугольник 20 на 15, т. е. 300 см². Если толщина стенки 0,5 см, то объем – около 150 кубиков. Плотность золота около 20 г/см³, значит, весит такая капсула 3 кг. А стоит по нынешним временам – за 30 штук долларов. Не считая фольги с заклинанием и коллекционной ценности. Ммм...

– И что, под каждым памятником?

– Да нет, конечно! Не под каждым. В Москве, я слышал, таких много, штук, может, десять было. А в провинциальных городах – по одному. В областных центрах, может, по два. Или по три. В Питере вроде не то шесть, не то семь...

– Так памятников-то больше...

– Настоящих, действующих – мало. Остальные для маскировки. Как, знаете, деревянные муляжи на аэродромах...

– Знаю. Но Настоящих Памятников по СССР штук сто наберется?

– Ну, наверное... Но еще же соцстраны... Даже в Калькутте есть памятник. Да что Калькутта! В Нью-Йорке есть! На Хьюстон-стрит. Больше того. Есть памятник в Антарктиде. На Полюсе недоступности.

– Я понимаю, что их немало... А сколько людей про это знало?

– Мало. Все генсеки, но даже не все члены Политбюро. Рабочие, которые монтировали памятник, ничего не знали. Им говорили (тоже, кстати, под серьезную подписку о неразглашении), что там в капсуле послание к потомкам. И не говорили, разумеется, что капсула золотая. Ее красили в темно-ржавый цвет. Монтажники думали, что капсула железная.

– Дела... А что за текст-то внутри? Правда послание к потомкам?

– Вот это-то самый главный секрет и есть.

– И вы не знаете?

– Ну, так, по слухам... текст, который умеет останавливать время. А еще возвращать его назад.

– Это как?

– Не знаю.

– А на каком хоть языке?

– Говорили, что на русском и на эсперанто. Но другой человек сказал, что на иврите. Каббала же...

– Ого! Круто... А когда памятники начали сносить, никто ничего не понял, не заметил?

– В смысле, не нашел капсулу? Ну, конечно! Какой-то ржавый кусок металла замурован в бетон. Кого это заинтересует? Только вот именно из-за сноса памятников тогда, в начале девяностых, у нас сейчас такое и творится...

– Что творится?

– Нарушилась отстроенная энергетика. Ну и, само собой, вера в Ленина прошла.

Я внимательно посмотрел на шофера. Объяснение тому, что народ потерял веру в Ленина и поэтому довел страну до того, где она сейчас...

Я не успел ничего додумать, потому что из дверей приемного отделения показался Вася. Живой-здоровый. Уже одетый. «Ну че, как ты?» – «Нормально. Еще немного жжет, но доктор сказал, что так и надо. Будет дня три неприятно». – «А что он еще сказал?» – «Сказал, чтоб я больше свечей не пил, а ставил их в церкви почаще...» – «Понятно. Церкви – это прекрасно. Как, впрочем, пагоды, костелы, мечети и синагоги. Там везде свечи. Вася, ты представляешь! Тут такая новая религия открылась!» – «Какая?» – «Ленинизм!!!» – «Новая?!» – «Ну да... Или у нас есть золото миллионов, не соврать бы, на пятьдесят-сто, или новая религия».

Я огляделся. Экспедитор незаметно исчез. Я изложил Васе суть вопроса, пока мы ловили такси. Такси ловится, нас везет старый таджик на полуразрушенной «пятерке», и Вася шепотом, чтобы таджик нас не услышал:

– Слушай, а вдруг того... эти заклинания... ну, и вправду работают?

Я (радостно):

– Я же говорю – или у нас новая религия, или тонны золота!

– Да, – задумывается протрезвевший Вася. – Но скорее всего, у нас ни того ни другого. Не верю я в сказки шофера «скорой помощи». Надо лучше Анжеле позвонить, извиниться. Что, сейчас поздно уже?

– Поздно, Вася, не то слово. Сейчас рано. Четыре утра.

– Ну, значит, завтра.

– И что, мы даже ни один памятник не раздолбаем, чтобы это все проверить?!

– Так опасно ведь. Ну его на фиг, чужие памятники трогать... Время останавливать...

Я опять задумался. Он же только что хотел его вернуть? Но как? Как с помощью каких-то заклинаний остановить или вернуть время?

– Вася! Идея! Назначай Анжеле свидание у памятника Ленину. У Настоящего Памятника. Заодно и проверим, как он работает... Нужен какой-нибудь побольше. Чтоб площадь была вокруг. И где-нибудь в центре.

На следующий вечер Вася звонит мне и говорит загадочным голосом:

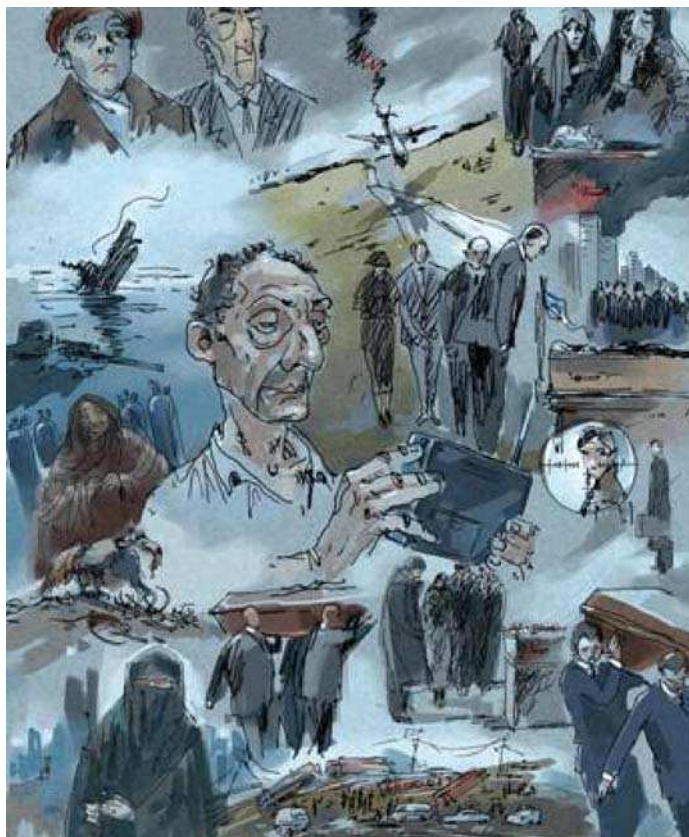
– Мы помирились.

– Где?

– На Октябрьской.

КОРЛЬ НОРВЕГИИ

אי ייִֿט

И был в нашем кибуце Икхат один человек, Цви Провизор, холостяк, невысокого роста, вечно моргающий, и лет ему было пятьдесят пять, примерно.

Любил он сообщать плохие известия: землетрясения, авиакатастрофы, дома, рухнувшие вместе со всеми своими обитателями, пожары, наводнения. С раннего утра он торопился прежде всех прочесть газету, прослушивал все сводки новостей с тем, чтобы мог он появиться на пороге столовой и огорошить тебя известием о том, что двести пятьдесят шахтеров завалены в одной из китайских шахт без всякой надежды на спасение, или поведать о шторме в Карибском море, перевернувшем паром, и все шестьсот его пассажиров отправились на дно. Он тщательно просматривал траурные объявления и о смерти известных людей узнавал раньше всех, именно он ставил об этом в известность весь кибуц. Однажды утром он остановил меня на дорожке, неподалеку от амбулатории:

– Слышал ты о таком писателе – Виславский?

– Да, слышал. А что?

– Он умер.

– Сожалею о его смерти.

– Писатели тоже умирают....

В другой раз он поймал меня, когда я дежурил в кибуцной столовой:

– Я видел траурное объявление, извещающее о смерти твоего дедушки...

- Да.
- И три года тому назад у тебя тоже умер дедушка.
- Да.
- Стало быть, это последний...

Цви Провизор работал один, благоустривая территорию кибуца, занимаясь ее озеленением. Каждое утро он обычно вставал в пять часов, запускал поливальные устройства, разрыхлял почву цветочных грядок, высаживал рассаду, подрезал, окапывал, поливал, подстригал лужайки с помощью тарахтящей газонокосилки, опрыскивал, борясь с тлей, вносил органические и химические удобрения. На пояском ремне у него всегда висел транзисторный радиоприемник, снабжавший Цви потоком новостей, из которого он черпал свои неиссякающие ужасные вести:

- Ты слышал? Колоссальная резня в Анголе.

Или:

- Умер министр по делам религий. Об этом сообщили десять минут тому назад.

Члены кибуца старались избегать его. В кибуцной столовой по возможности воздерживались от того, чтобы попасть с ним за один стол. Летними вечерами сидел он в одиночестве на зеленой скамейке у нижнего края огромной лужайки перед столовой, глядя, как по траве взапуски носятся дети. Вечерний ветерок раздувал его рубашку, осушая пот. Над кронами высоких кипарисов взошла и засияла красная луна, предвещавшая знойную, душную погоду. Цви Провизор обратился к женщине, сидевшей в одиночестве на соседней скамейке, ее звали Лона Бланк, и заметил с грустью в голосе:

- Вы слышали? В Испании сгорел сиротский приют и восемьдесят сироток задохнулись от дыма.

Лона, вдова, учительница в местной школе, около сорока лет, утерла платочком пот со лба и сказала:

- Это страшно, ужасно...
- Удалось спасти только троих, но и те в тяжелом состоянии.

Цви у нас очень уважали, ценил его преданность делу озеленения и благоустройства: за двадцать два года его жизни в кибуце в трудовой книжке не было ни единой записи о болезни, по причине которой он мог бы пропустить по крайней мере один рабочий день. Благодаря его трудам и заботам вся территория кибуца цвела и благоухала, радуя взгляд своей зеленью. На каждом свободном клочке земли он высаживал сезонные цветы. Там и тут строил оградки из камня, за которыми выращивал кактусы невиданных сортов. На разных участках территории кибуца возвел он деревянные беседки, стены которых увиты виноградными лозами. Перед столовой соорудил он журчащий фонтан, в котором были и золотые рыбки, и разнообразные водоросли. Несомненно, ему присуще было чувство истинной красоты, и мы умели оценить это.

Но за спиной все прозывали его «Ангел смерти», сплетничали, что, мол, нет у него и никогда не было никакого интереса к женскому полу, да и, по сути, к мужчинам тоже.

Был у нас Рони Шиндлин, молодой парень, на удивление умевший подражать Цви, и все мы прямо со смеху покатывались. В послеполуденные часы, когда члены кибуца – каждый со своей семьей – сидели на верандах своих домов либо на зеленых лужайках перед фасадом, пили кофе, играли с детьми, – Цви Провизор, бывало, отправлялся в клуб, где читал газеты в обществе пяти-шести мужчин, не имевших собственной семьи, как и он, пожирателей прессы, неудержимых спорщиков, стареющих холостяков, разведенных, вдовцов. Реувка (Реувен) Рот, маленький, лысый, с большими, как у летучей мыши, ушами, ворчал в своем углу, что операции возмездия, проводимые спецподразделениями Армии обороны против террористов, никак не разрывают порочного круга взаимного кровопролития, потому что месть влечет за собою только месть и возмездие ведет к новому возмездию. Но тут же другие налетали на него с криками:

– Что ты такое говоришь?! Нельзя им молча спускать все с рук, ибо воздержание от ответных действий, наша пассивность только поощряют наглость арабов.

Цви Провизор, поморгав глазами, бывало, замечал:

– В конце концов все это приведет к войне... Это должно вылиться в страшную войну.

И Иммануил Глозман, заика, распалялся:

– В-в-война. Оч-чень х-хорошо. Мы по-победим, и за-захватим у них все, до самой Иордании.

Реувка Рот размышлял вслух:

– Бен-Гурион отличный шахматист. Всегда видит на пять ходов вперед. Но в том-то и дело, что у него все всегда достигается силой.

На это Цви Провизор с грустью замечал:

– Если проиграем – придут арабы и сотрут нас с лица земли. А если победим, то появятся русские и забросают нас бомбами.

Иммануил Глозман уговаривал:

– Х-хватит, х-хватит, друзья. Тихо. Дайте с-спо-койно почитать газет-ту.

Но Цви, выждав несколько минут, сообщил всем:

– Слыхали? Вот здесь написано, что король Норвегии заболел раком. И у нас глава регионального совета тоже болен раком.

Рони Шиндлин, шутник и балагур, встретив Цви у сапожной мастерской или у склада, где хранилась одежда, спрашивал его с насмешкой:

– Ну, Ангел смерти? Какой самолет разбился сегодня?

Между Цви Провизором и Лоной Бланк как-то само собой вошло в привычку обмениваться мыслями под вечер. Он сидел на правом конце левой скамейки, стоявшей у края лужайки, а она сидела рядом, на левом конце правой скамейки. Он, бывало, разговаривая с нею, моргал глазами, а она мяла в своих пальцах платочек. Было на ней симпатичное, летнее, легкое платье со шлеечками. Она хвалила его работу по озеленению, сказала, что благодаря Цви «мы все живем здесь в цветущем, зеленом оазисе, под сенью плодоносящего фруктового сада, среди грядок с распускающимися цветами»...

Была в ней некая склонность к словам торжественным, высоким. Она преподавала в школе, учила третьеклассников, отлично делала тонкие зарисовки карандашом, и ее работы висели на стенах в некоторых наших маленьких квартирках. Лицо у нее круглое, улыбчивое, ресницы длинные, но шея немного морщинистая, ноги очень тонкие, а груди почти нет. Муж ее погиб на границе с Газой несколько лет тому назад, во время своей резервной службы в Армии обороны, а детей у них не было. У нас она, несомненно, считалась личностью положительной, с достоинством несла постигшее ее несчастье, вложив всю душу свою в педагогическую работу.

Цви говорил с ней о разновидностях роз, а она кивала головой, словно с восторгом соглашалась с каждым его словом. Затем он подробно разъяснил весь ужас нашествия саранчи, навалившейся на Судан...

Лона сказала:

– Вы необычайно чувствительный человек.

Цви поморгал глазами и произнес:

– И без саранчи у них совсем немного зелени, там, в Судане.

Лона сказала:

– Почему вы принимаете так близко к сердцу все несчастья мира?

А Цви ей ответил:

– Зажмурить глаза при виде всех жестокостей жизни – это, по-моему, и глупость, и грех. Сделать мы можем совсем немного. Так, уж, по крайней мере, хотя бы сказать...

В один из летних вечеров Лона пригласила его к себе в комнату на чашечку кофе со льдом и мороженым. Он пришел в одежде, которую носил по вечерам, – длинные брюки цвета хаки и голубая рубашка с коротким рукавом; однако в восемь часов он, попросив прощения, прослушал сводку последних известий. На стенах комнаты висели несколько ее карандашных зарисовок в простых рамках. На этих рисунках изображены были мечтательные девушки, пейзажи со скалистыми холмами, оливковые деревья. Под окном стояла двуспальная кровать, на ней покрывало с вышитыми подушечками в восточном стиле. На белой этажерке выстроились книги, расположенные «по росту» – сначала художественные альбомы с работами Ван Гога, Сезанна, Гогена, затем 15-томный Танах с комментариями Умберто Кассуто, а далее – серия романов, изданная «Народной библиотекой». В центре комнаты размещался круглый кофейный столик, рядом с которым стояли простые стулья. На кружевной скатерти, покрывавшей стол, сервированы были два прибора для кофе с пирожным.

Цви Провизор сказал:

– Приятно тут у вас.

И добавил:

– Чисто. Устроено.

Лона Бланк, смутившись, произнесла:

– Спасибо. Я рада.

Но никакой радости не было в ее голосе, а только напряженность, смешанная со смущением.

Потом они пили кофе и ели пирожные, говорили о деревьях, декоративных и плодовых, обсуждали проблемы дисциплины в классе в наши времена, когда все дозволено, говорили о перелетных птицах.

Цви, поморгав глазами, сообщил:

– В Хиросиме, прочитал я в газетах, десять лет после бомбардировки все еще нет никаких птиц...

Лона отозвалась:

– Все горести мира вы берете на свои плечи.

И еще сказала:

– На низкой веточке под моим окном я позавчера видела удода.

Так начали они встречаться в вечерние часы. Бывало, сидели они на скамейке в одном из красивых зеленых уголков, под сенью ветвистой, густой бугенвиллеи, беседовали или пили кофе в комнате Лоны. Он возвращался с работы в четыре, мылся в душе, причесывался перед зеркалом, надевал отутюженные брюки цвета хаки с голубой рубашкой и отправлялся к ней. Иногда он приносил ей рассадку

сезонных цветов, высаживая их в крошечном палисаднике перед ее входной дверью. Однажды он принес ей том избранных стихотворений Яакова Фихмана. Она дала ему коржики с маком в кулёчке, а еще рисунок карандашом, где изображены были два кипариса и скамейка. Но уже в восемь или в половине девятого они расставались, и Цви возвращался в свою аскетичную комнату холостяка, где всегда стоял густой, дремучий запах холостяцкой жизни.

Рони Шиндлин, остряк и балагур, сказал в кибуцной столовой, что Ангел смерти накинута на Черную вдову. В клубе, где после полудня читались газеты, к Цви обратился Реувка (Реувен) Рот и сказал с симпатией, в которой, однако, крылась и доля насмешки:

– Ну что, нашел варезку, а?

Но Цви и Лона не испугались ни сплетен, ни язвительного сарказма. День ото дня их связь становилась все прочнее. Он поведал ей, что в свободное время, в одиночестве, сидит в своей комнате и переводит с польского на иврит роман писателя Ярослава Ивашкевича. Роман преисполнен нежности и страдания. Наша ситуация здесь, в этом мире, писателю видится курьезной, но не лишенной трогательности. Лона, слушая его – слегка склонив голову, чуть приоткрыв рот, – подлила в чашечку Цви еще горячего кофе, словно все, что он рассказал ей, свидетельствовало о том, что собеседник ее нуждается в утешении и вполне достоин его, и словно именно кофе, пусть в какой-то малой мере, воздаст ему и за боль и сожаление писателя Ивашкевича, и за его собственные сожаление и боль. Она чувствовала, что ей дорога связь между ними, наполняющая смыслом дни ее жизни, которые до сих пор были плоскими, всегда походили один на другой. Однажды ночью ей снилось, как они вдвоем скачут на коне, грудь прижимается к его спине, руки обхватывают его чресла, и несутся они между высокими горами по ущелью, на дне которого змеится пенная речка. Об этом сне она решила не рассказывать Цви, хотя другие свои сны пересказывала неспешно, со всеми подробностями.

Цви, со своей стороны, поморгав глазами, рассказал, что в детстве, в польском местечке Янов он мечтал о том, что станет студентом. Но увлекло его появившееся в местечке Молодежное движение пионеров – первопроходцев, готовых после соответствующей подготовки заселять Землю Израиля, и Цви отказался от учебы в университете. Вместе с тем он непрерывно учится, во все дни своей жизни читает и вникает в то, что написано в книгах.

Лона с осторожностью собрала две маленькие крошки со скатерти, покрывавшей стол, и сказала:

– Вы были очень застенчивым юношей. И нынче вы тоже немного застенчивы.

Цви произнес в ответ:

– Вы не совсем меня знаете.

Лона сказала:

– Расскажите мне. Я слушаю.

Цви сообщил:

– Этой ночью я слышал по радио: в Чили произошло извержение вулкана. Четыре деревни полностью погребены под потоками лавы. Большинство жителей не успели убежать.

В один из вечеров, когда он с трепетом говорил ей о сборище диких зверей в Сомали – львов, леопардов, гиен, шакалов – взволновалось ее сердце, и она вдруг схватила его ладонь, потянула на себя и прижала к своей груди. Дрожь пробрала Цви, и он поторопился чуть ли не силой вырвать свою руку. Глаза его часто-часто заморгали. Всю свою жизнь он никогда не прикасался к другим и буквально цепенел, если прикасались к нему. Любил он прикосновения комьев разрыхляемой земли, нежную мягкость саженцев, но от прикосновения чужих людей, будь то мужчины или женщины, он сжимался, отпрянув, словно от ожога. Он всегда избегал рукопожатий, похлопываний по плечу, случайных прикосновений рук, сидя за столом в кибуцной столовой...

Спустя краткое время он встал и отправился к себе.

И на следующий день не пришел к ней, поскольку начал чувствовать, что отношения между ними неким образом ведут в такие области, где, по-видимому, не избежать несчастий, бед, катастроф, а этого он решительно не хотел и даже испытывал отвращение от одной мысли, что такое может с ним произойти.

Лона ничего не поняла, по своей душевной тонкости предположила, что она, наверное, оскорбила его чем-то. Она решила попросить прощения, хотя и сама не знала, за что ей извиняться. Не задала ли она ему такой вопрос, который задавать не следует? Или, быть может, не уловила какого-то важного намека, который был зашифрован в его словах?

Спустя два дня, когда Цви не было дома, она подсунула ему под дверь записочку, написанную ее круглым, бесхитрым почерком:

«Прошу прощения, если я Вас обидела. Мы сможем поговорить?»

Цви ответил ей запиской:

«Лучше не надо. Это кончится не хорошо».

Тем не менее она ждала его после ужина под широкой раскидистой кроной мелии, неподалеку от выхода из кибуцной столовой. Застенчиво она спросила его:

– Объясните, что я сделала?

– Ничего плохого.

– Так почему же вы от меня отдаляетесь?

– Поймите, это... лишнее.

С тех пор они больше не встречались, и если, проходя по дорожкам, сталкивались лицом к лицу или встречались случайно у склада, снабжавшего кибуцников всякими необходимыми в обиходе вещами, они обменивались кивком головы и, поколебавшись секунду, шли каждый своим путем.

За обедом Рони Шиндлин сказал своим соседям по столу, что Ангел смерти прервал свой медовый месяц и отныне мы все в опасности. И действительно, Цви поведал холостякам, собравшимся в клубе, где после полудня читались газеты, что в Турции рухнул огромный мост, и случилось это как раз в часы интенсивного движения.

Спустя два-три месяца у нас заметили, что Лона перестала приходить на встречи кружка любителей классической музыки и даже пропустила несколько заседаний педагогического совета. Волосы свои она покрасила в красный, с медным отливом цвет, стала пользоваться очень яркой губной помадой. Время от времени она не приходила в столовую на ужин. В осенний праздник Суккот она поехала в город и вернулась в платье, показавшемся нам несколько вызывающим – сбоку у него был глубокий разрез. В начале осени мы несколько раз видели Лону на скамейке у края нашей большой лужайки в обществе тренера баскетбольной секции, человека, который лет на десять был моложе ее, к нам он приезжал два раза в неделю из Нетании. Рони Шиндлин сказал о ней, что теперь по ночам она уж точно учится искусству дриблинга. Через две-три недели она отдалилась от тренера по баскетболу, и мы стали видеть ее уже в обществе командира взвода из охранявшего наш кибуц подразделения, солдаты которого, помимо несения боевой службы, приобретали еще и навыки сельскохозяйственных работ. Было молодому командиру около двадцати двух лет, и об этом нельзя было молчать, поэтому комиссия, ведавшая в кибуце вопросами образования, собралась на закрытое заседание, где обсуждались возможные аспекты подобных встреч.

Каждый вечер Цви Провизор сидел один на скамейке у фонтана, который он соорудил своими руками, и, не двигаясь, наблюдал за детьми, играющими на траве. Если ты проходил мимо него и говорил ему: «Добрый вечер», он отвечал: «Добрый вечер», но тут же с грустью сообщал тебе о ливнях и наводнении на юго-востоке Китая.

В начале зимы, в разгар учебного года, никого не предупредив заранее, Лона Бланк собралась и без разрешения секретариата кибуца отправилась к родной сестре в Америку. Сестра прислала ей билет, и однажды утром Лону видели на автобусной остановке, на ней было то самое платье с глубоким разрезом сбоку, а на шее – цветастый платочек, она ковляла в туфлях на высоких каблуках, волоча огромный чемодан.

– Она принарядилась – прямо в Голливуд, – сказал Рони Шиндлин.

Секретариат решил приостановить ее членство в кибуце – вплоть до основательного разбирательства, а Рони Шиндлин сказал тем, кто постоянно сидел с ним за одним столом:

– Черная вдова убегает от Ангела смерти.

А комната Лоны Бланк покамест стояла темной, запертой на замок, хотя в кибуцной комиссии по быту были и такие, которые глаз положили на эту жилплощадь, потому что в жилье всегда есть нужда. На маленькой веранде остались пять-шесть простых вазонов – филодендрон, герань, кактусы, и Цви Провизор иногда приходил, поливал их, разрыхлял почву.

А потом пришла зима. Низкие облака нависали над кронами деревьев. Почва в полях и фруктовых садах превратилась в вязкую грязь, и кибуцники, занятые в земледелии, перешли работать на кибуцный завод. Серые дожди лили, не переставая. Ночью громыхали водосточные трубы, и холодный ветер прорывался снаружи через щели жалюзи. Цви Провизор каждый вечер сидел до половины одиннадцатого, слушал все выпуски последних известий, склонившись над своим отшельническим столом, в свете настольной лампы-горбуни, переводил он на иврит еще несколько строк из наполненной мучительными страданиями книги польского писателя Ярослава Ивашкевича. Над его постелью висел карандашный рисунок, подаренный ему Лоной, – два кипариса и скамейка. Кипарисы виделись ему печальными, скамейка – одинокой, никто на ней не сидел. В половине одиннадцатого, набросив куртку, он выходил на свою веранду, вглядывался в низкие облака, в пустынные мокрые бетонные дорожки, освещаемые желтым светом фонаря. Если наступал перерыв между дождями, он отправлялся на небольшую ночную прогулку, проверял, как поживают вазоны с цветами на веранде Лоны. Опавшие листья уже покрыли ступеньки, и Цви казалось, что он чувствует легкое дуновение аромата мыла или шампуня, долетающее из-за закрытой двери. Потом он немного бродил по безлюдным дорожкам, капли дождя падали на его обнаженную голову, слетая с веток деревьев, затем он возвращался к себе и слушал, часто моргая глазами, не зажигая света, последний выпуск известий. На следующий день, встав до рассвета, когда застывшая влажная темень еще царил повсюду, он остановил одного из скотников, спешившего на утреннюю дойку, и сообщил ему с грустью:

– Слышал? Этой ночью умер король Норвегии. У него был рак печени.

Ī adāārā ſ eādē òà Áeēòĭà Dāāōōēĭā

СКИТАЛЬЦЫ

De-ada O'adi

Да уж, попутешествовали эти евреи», – думала мисс Суиндельман, глядя, как коридорные уносят ее сверкающую глянцем коллекцию – четыреста пятьдесят открыток, увековечивших перемещения постояльцев отеля «Уинтроп» за двадцать пять лет. Скитания по миру, который сама мисс Суиндельман только по открыткам и знала. Если не считать пейзажей из окна поезда: раз в четыре года она совершала путешествие из Нью-Йорка, места ее вечной ссылки, в Синод, штат Миссури, ненавистное место рождения. Те еще пейзажи. Студенистая зелень Южного Огайо, красно-бурые зазубрины холмов Южной Индианы и струпя якобы субтропических лесов Озаркса. Неделя с оставшимися в живых Суиндельманами – и она могла выдержать следующие четыре года в Нью-Йорке.

Только вот раз от раза – спасибо евреям – выдерживать становилось все труднее и труднее. Когда она приехала сюда, совсем молоденькая, «Уинтроп» был новехонький, а Великая депрессия только-только начиналась – они входили в мир Нью-Йорка вместе. Постояльцы были тихие – вдовцы и вдовицы, холостяки и старые девы, горстка обедневших малочисленных семейств – они учились соотносить свои потребности с ограниченными средствами, а она – соотносить свои с ограничениями одинокой нью-йоркской жизни. Время было тихое, почтенное – оно многому учило.

А когда Великая депрессия сошла на нет и тихие гой поумирали, в отель потянулись евреи. Там тоже были холостяки, старые девы, вдовцы, вдовицы и малочисленные семейства, только их не сломали тяжелые времена. Десятилетия мошенничества, обмана, нитя и воровства закалили и переродили их. Из-за бронзовой кассы она наблюдала, как они напряженно морщат длинные носы, тая надежду, что она проглядит недоплаченные четвертаки из положенной на месяц суммы. Она отслеживала каждый грош, и ее лицо было напряжено от ответственности.

Напряжение чувствовалось и в «Уинтропе» – в потрескавшейся штукатурке, в рвущихся трубах, в расколотых стульчаках и в протертых коврах. А как велись дела! Где тот тихий еврейчик, Оппенгейм, который бесшумно сновал по коридорам в ее первые двенадцать лет, а там ему стукнуло пятьдесят, и он стал слабым, как те коктейли, что оставшиеся гой пили в Павлинъем зале в пять часов – они там обустроили себе гетто в гетто, и в сорок пятом его комиссовали, заменили на настоящего белобилетника, горбуна Нагеля, крикуна каких мало, – тот был чернявый еврей, сальный, нечистый на руку, охотник подслушать и зыркал злобно – как та чайка, что доктор Мокус прислал ей десять лет назад с Фарерских островов. Стенд номер шесть.

Впрочем, с водворением евреев у мисс Суиндельман появилась цель в жизни – ассимилировать их, ассимилировать так, чтобы они усвоили привычки и манеры предыдущего поколения, чьим представителем была она и в чью честь называли захваченные евреями отели на Восемьдесят шестой улице: «Питер Стайвесант», «Губернатор Брустер», «Герб Дорчестеров», «Уинтроп». Каждый проверенный ею чек, каждая пересчитанная сумма способствовали их образованию, укоренению правил западной жизни – правил, которых, сколько ни путешествуешь, не усвоишь.

Путешествовали они беспрестанно. И беспрестанно слали открытки. Собирать коллекцию она начала вскоре после того, как Рузвельт победил Лэндона^[1] – ей тогда прислали три открытки с трех континентов. Появился стенд номер один, и евреи путешествовали, дабы его заполнить. Многие годы, война не война стенды заполнялись мятыми открытками в шесть слов из Сфакса и с Борнео, из Тарсуса и с Родоса, из Рио и Окленда. На стенде номер три синели окатываемые штормами фьорды, стенд номер пять представлял собой уникальный музей, а на стенде номер два было собрано столько экзотических злобного вида животных – убийцы им были по душе, – что их хватило бы на зоопарк Бронкса. Используй она дубликаты, одними Тадж-Махалами можно было бы заменить нью-йоркские трущобы, но глаз, который подмечал недоплаченные пятнадцать центов в ежемесячном счете Мильтона Л. Бунгало, безжалостно отвергал все повторы с панорамами мировых достопримечательностей и отслеживал знакомый изгиб Тронхеймского фьорда с быстротой, которой мог бы позавидовать и тамошний житель. Мало было мест на туристической карте мира, о которых у мисс Суиндельман не было хоть какого-то представления. Отлично были отображены даже арабские страны. Туда ездили до войны не только евреи, но и кое-кто из уинтропских гоев, любителей путешествовать, наезжал туда, хотя бы для того, чтобы пощеголять впечатлениями перед лишенными такой возможности иудеями.

Мисс Суиндельман понимала желание пощеголять впечатлениями перед этими скитальцами. Впечатления были фактом – как семья, как деньги, а факт есть факт, и его следует уважать. Речь не шла о превосходстве. Мисс Суиндельман не верила в превосходство. Были только более или менее обширные собрания фактов. Она занималась упорядочиванием тех немногих фактов, которые были ей подвластны, поскольку человек должен противостоять всему хаотичному, уродливому, исковерканному. Поэтому-то она никогда, сидя за кассой, не отворачивалась от еврея. «Приди ко мне, Израиль, я наведу в тебе порядок». Она наблюдала за их алчной беспорядочной суетой из-за облупившейся бронзы кассы, за которой они могли видеть ее лишь частично.

Поэтому-то она и классифицировала эти частичные виды, грошовые картонки два на четыре, классифицировала по месту, типу, цвету – синие фьорды, Шотландия с ее чередованием нагорий и низменностей. Это был не алтарь, она так демонстрировала, что мир можно привести в порядок, а также доказывала, что есть что-то помимо нерегулярно поступавших чеков, оплаченных телефонных счетов, сдачи с потертого четвертака, снисходительно брошенного ей в кассу. Островок правильности и устойчивости среди безумной суеты, упакованных чемоданов, обшарпанных сундуков, такси до пирса номер сорок.

Мисс Суиндельман умела распознать, что собой представляет путешественник, когда он только заносил свое имя в регистрационный журнал. Они ставили подпись легко и чуть устало. Половина немногочисленных пар, обитавших в «Уинтропе», путешествовала; путешествовала треть вдов и три восьмых вдовцов. Лица моложе сорока в расчет не брались. От постояльцев до сорока она не получила и десятка открыток – имелись в основном от тех, кто жил с овдовевшими родителями (за тридцать с лишним лет из постоянных таких набралось не более двадцати). Однажды пришла открытка с Бленгеймским дворцом от осповатого Меттенлейтера, да еще был отправлен в корзину дубликат с «Сахарной головой»^[2] от одного из близнецов Байер, а больше ничего не запомнилось.

Разумеется, оба сына Харви Менделя ничего ей не прислали, хоть и прожили в «Уинтропе» пятнадцать лет. Она была единственным, за исключением, пожалуй, самого Менделя, человеком в отеле, который помнил их мать. Ина Мендель – имя как вздох – милейшая еврейка, говорила с ней тихим мелодичным голосом. Путешествовать она не любила и тем не менее как-то привезла ей открытку с Римским форумом – она не знала, что на стенды помещаются лишь открытки, пришедшие по почте. Ине доставалось от Менделя и двух психов-сыночек. Сонни в четырнадцать лет едва не угодил за решетку – за то, что на виду у всей Восемьдесят шестой улицы спустил с одиннадцатого этажа кресло поджидавшему внизу напарнику. К Нагелю его отволок таксист Лестер, который на миг оторвал глаза от очередного голубя – он имел обыкновение хватать птицу за горло и пырять перочинным ножиком. В прошлом году Сонни – теперь его называли Харви – оправдал-таки ожидания и угодил на три месяца в тюрьму в Фениксе, штат Аризона, – его обвинили в изготовлении порнографических снимков. Второй псих, Бартон, помешался на железных дорогах и часами просиживал в холле, заучивая наизусть расписания, а сдачу с четвертака высчитать не мог. Ина протянула шесть лет и попала на операционный стол, где ее зарезал хирург той же

породы, что и Лестер. Когда умерли она и Оппенгейм, эпоха полупристойных евреев закончилась, и на смену им пришли типы вроде Менделя.

Они были такие злобные, что даже не путешествовали, такие сквалыги, что им жизнь была не в жизнь. Однажды она назвала его монахом с Восемьдесят шестой.

– Вы не родственник монаху Грегори Менделю? – спросила она.

Он никогда не улыбался. Детские губки на черепе размером с суповую миску. Череп на грани патологии – водянки головного мозга.

– Что за монах?

– Он открыл гены, – сказала мисс Суиндельман.

– Монах без жены открыл гены. Чушь какая, – сказал Мендель.

Он был модельером по мужским костюмам и ни о чем другом понятия не имел. Станный человек, и выглядел странно. Под куполом головы жирное тельце и две карликовые ножки – росту в нем было от силы метр шестьдесят. Он был не из чернявых евреев. С такими голубыми глазами – порой их было не разглядеть – и носом как мыльный пузырь: точь-в-точь ирландец-полицейский, что патрулировал их район и председательствовал на ежегодных попойках в Павлинъем зале. Мендель поучаствовал в одной из попок и отлично вписался. Поучаствовал потому, что, как всегда, паялся на посетителей из кресла в холле, где просидел полжизни. Он, как всегда, вылупил свои льдисто-голубые глаза – на этот раз на полицейского-ирландца, который с коктейлем в руке вывалился в холл и, увидев, что Мендель сидит в пальто и шляпе и паяется на него, снял шляпу и вылил коктейль прямо Менделю на купол. Мендель – шестьдесят шесть лет, метр шестьдесят – поднялся, выдернул настольную лампу из розетки, занес ее над мокрой головой и кинулся на полицейского. Тот побежал, Мендель за ним, пожилые дамы завизжали, торговец сигарами нырнул под прилавок, а она, укрытая за кассой, ждала, когда же мозги ирландца разлетятся по Семьдесят первой улице. Спас полицейского батальон других облаченных в форму ирландцев, выскочивших из Павлинъего зала. Они объявили Менделя героем, повели его в Павлинъий зал, накачали виски, а потом с триумфом доставили к нему в номер.

Редко кого проносили с триумфом в кресле по холлу «Уинтропа» – во всяком случае, на долю Менделя такое выпадало нечасто. А так в том же роде ничего больше не припомнится, разве что то, как он избежал суда, когда вышвырнул Лapidуса из окна; впрочем, так и того, кто ухитрился не подхватить грипп, можно считать триумфатором.

Что же ей так не нравилось в Менделе?

Не безделье, нет. Он работал, три-четыре раза в неделю отправлялся в центр, пока Лapidус не умер. По словам Ины, он некогда процветал, заведовал в Буффало отделом мужской одежды, пока не врезал покупателя, который пытался вернуть костюм, купленный в другом универмаге. Так что нет, не безделье было причиной.

Да и особенно бесчестным он не был, вот разве что на редкость скупым. Самый скупой из евреев. «Уинтроп» не получал от него ни гроша сверх арендной платы. Поговорить по телефону он спускался в холл – и днем и ночью, звонил из автомата, экономил пять центов; в Павлинъий зал заходил исключительно воспользоваться туалетом; ни разу не купил и чашки кофе в «Укромном уголке», а киоска с сигарами избегал так старательно, что за двадцать пять лет, проведенных в одном холле, они с Гельбом никогда даже «здрасьте» друг другу не сказали. Когда болел, посылал за борщом с крутым яйцом в кулинарию Шефрина на Колумбус-авеню, где питался каждый день за исключением Йом Кипура и Рош а-Шана, когда он отправлялся в кофейню «Шоколадка». По словам юного воришки Сонни – после истории с кражей кресла он частенько делился с Лестером, – его отец кроме этих двух ресторанов, кинотеатра «Йорктаун» (сорок центов на сеансы до часа дня) и ежегодного обеда в День благодарения в центре города с братом Ины не посещал никаких других увеселительных заведений с тех пор – тут Сонни кидал злобный взгляд – как умерла мать.

Мисс Суиндельман знала о выходах Менделя в День благодарения. Это было почти такой же незабываемой приметой праздника, как парад «Мейси»^[3]. Мендель и его двое психов-сыночек умывались, надевали чистые галстуки и выступали из отеля с таким видом, будто им предстоит открывать парад и ехать на первой платформе. Через пару часов они возвращались, измазанные начинкой и клюквенным соусом, и их лица светились от гордости после семейного обеда в одном из центральных отелей.

– Мистер Мендель, – сказала она ему после одной из таких вылазок, – вам стоит как-нибудь попробовать наш обед в честь Дня благодарения. Сорок шесть индюшек – вот сколько в этом году зажирили. (Еврейский синтаксис она переняла двадцать лет назад и применяла, не задумываясь. Самообуздание ее нимало не заботило.)

Мендель метнул сквозь стойки кассы ледяно-голубой взгляд.

– Семейные обязательства, мисс Швиндельман. Ничего не могу поделать. – И он в сопровождении обоих психов проплыл наверх.

Мисс Суиндельман раздражали не только скупость и дешевое тщеславие Менделя. Ее раздражала его заиканность. Вот сидел он в холле среди трех диванов, шести кресел, торшером, сигарного киоска Гельба, согбенных евреев, днем и ночью ездивших в двух лифтах, среди лифтеров в синей с золотом униформе, среди ее красочных открыток – этим тропическим островком в холоде Восемьдесят шестой улицы, заброшенным сюда единственно для того, чтобы десант этих временщиков прополз по нему прежде, чем вновь нырнуть в глубь океана. Пристанище? Дом? Аквариум? Унылый отельчик, если в нем и было что хорошее, так это отблеск мира на ее стендах и ее рука, твердо державшая штурвал финансов. И посреди этой цитадели порядка сидел в мрачном ожидании Мендель и на всех пялился – ни дать ни взять монах в кафешантане. Но до того дня, когда Лapidус вылетел в окно, она его совсем не понимала.

Лapidус был одним из двух людей, заходивших к Менделю. Второй была миссис Минни Шлаг, могучая волосатая дама – многие годы предполагалось, что, если порывы страсти в нем еще не совсем угасли, он предавался им с такой неподходящей особой. Однако оказалось, что миссис Шлаг и Мендель всего лишь страстные игроки в пинокль^[4]. Коридорный подглядел в дырку в штукатурке и увидел, как они сидят, склонившись над журнальным столиком: Мендель в подтяжках, а миссис Шлаг в блузке, под которой бугрятся руки – ну прямо как у статуй в парке Осло^[5]. Стенд номер пять. Каждую вторую субботу миссис Шлаг являлась на пинокль в «Брустер», а раз в месяц, по четвергам, как рассказывал Сонни Лестеру, Мендель отправлялся к Шлагам играть в покер с костоправом доктором Шлагом, фоготистом Симоном Габриловичем – кузеном знаменитого пианиста, миссис Шлаг и еще двумя беженцами из Вены, один из которых ходил по домам и торговал пульверизаторами. Еще Лестер рассказывал – она не поверила, но потом прочитала об этом в некрологе Шлага, – что в Вене тогда еще молодой костоправ Шлаг сдавал комнату и одалживал деньги одному не подававшему никаких надежд юноше, которого звали – «И не догадаетесь, – говорила с недоброй усмешкой мисс Суиндельман каждому чернявому еврей, которому рассказывала эту историю, – Адольфом Гитлером. Ха-ха-ха. Старина Шлаг мог бы избавить вас от путешествия через Атлантику, а, мистер Раппапорт? Немного мышьяка в курином бульоне, врачи ведь вне подозрений, и Шлаг вошел бы в историю».

– Такой истории тогда бы не было, – отвечали, бледнея, Раппапорт, Гольдхаммер или Мокус.

Только не Мендель. Когда она изложила ему, как Шлаг мог бы с легкостью убить Гитлера, он ответил просто:

– Тогда бы мне не с кем было бы играть в покер, мисс Швиндельман.

Тяжелый человек, сам в некотором смысле немного Гитлер. Она легко могла вообразить его на вершине власти, где он гневно стискивал бы в кулаке не настольную лампу, а бомбу.

Лапидус, партнер Менделя, захаживал чаще. Такой же малорослый, как Мендель, но жилистый, с хмурым сизым лицом, стремительный, в зубах вечная сигара. Вихрем влетал в лифты, налетал на киоски со сладостями, ее кассу. Вот и в последний день.

– Чек на пятьдесят обналичьте, – сказал он.

– Вы гость отеля? – Ледяным тоном – другого этот мужлан не заслуживал.

– Обналичьте пятьдесят. Я гость гостя. – То есть «посетитель постояльца отеля».

– Позвольте спросить, кого именно.

– Менделя. Харви. Номер 11С. Вы меня сотни раз видели, я здесь бываю пять раз в месяц. В вашей конуре найдется пятьдесят долларов?

– Нужна подпись управляющего. А он отсутствует. Я не обязана помнить всех посетителей. Постояльцев-то едва запомнишь.

Ругнулся, презрительно зыркнул оловянными глазками и заскочил в лифт.

Не прошло и пяти минут – звонок из 11С.

– Мисс Швиндельман, я сейчас спущусь обналичить чек на пятьдесят долларов.

– Суиндельман!

– В следующий раз, если мистеру Лапидусу что-то понадобится, буду весьма благодарен за содействие, мисс Швиндельман.

Но мистеру Лапидусу больше уже ничего не понадобилось, и по-видимому, это было как-то связано с его с ней разговором. Она совершенно справедливо настаивала на соблюдении правил. Каким был бы мир без правил, вопрошала она детектива, не добавив – а это было бы как нельзя более уместно в данном случае, – что с евреями так трудно потому, что для них правил не существует, они утверждают, будто именно из-за этих самых правил мир к ним враждебен. Поэтому-то они и вынуждены со времен Христа скитаться, уклоняясь от исполнения правил, и потом, пытаясь загладить свои грехи, посылают грошовые открытки тем, от кого бежали, тем, кто принуждал их соблюдать правила, – надеются в следующий раз уравнять шансы. Неужели она должна обналичивать чеки каждому выходцу из трущоб? Пуэрториканцы зарылись между Колумбус-авеню и Амстердам-авеню^[6]. Дай им подобную возможность, и евреи – настоящие скряги, потому что то ли умные, то ли подлые, – на их фоне выглядели бы честными людьми. Она почти тридцать лет проработала с чужими деньгами, и никто не мог заподозрить, что она положила себе в карман хоть один чужой грош. Она блюла правила – но сама от этого ничего не приобретала и не теряла. Правилами она руководствовалась, она ими жила. Лапидус, видать, подумал, что она – деревенская простушка, которой можно запросто втереть очки. Вот и вышел из себя. А правила-то тут при чем? То, что случилось, связано было только с одним – с нарушением правил.

По словам Менделя, они с Лапидусом работали как обычно. Когда Мендель чувствовал себя плохо, они работали в отеле. Там было ничуть не хуже, чем в их каморке на Четвертой авеню. «Готам: ткани и модели». Громкое название для такого мелкого предприятия. Два человека, два стола, картонные

выкройки, образцы тканей, бумага и цветные карандаши. Набор для ребяташек, готовящихся к Рождеству. Этого им хватало, чтобы зарабатывать от двенадцати до пятнадцати тысяч в год.

– Я много где работал – и на больших фабриках, и на маленьких, – сказал Мендель у себя в номере, куда она поднялась впервые. – А так споро, как с Чарли Лapidусом, мне ни с кем не работалось. Я разрабатывал фасоны. Он их продавал. Вот и все. У меня были карандаши, у него – язык без костей. Нам достаточно было трех-четырех дней в неделю. И неважно, где мы работали, – на Четвертой авеню или в отеле.

Такова была история Лapidуса и Менделя. Но у каждой истории есть своя история, и кому это знать лучше, чем евреям, вечным странникам, пристроившимся к истории каждого народа во всем цивилизованном мире. Отряд ирландцев-полицейских, Аннали Суиндельман и кучка старых дам, половина из которых уже покоятся в могиле, – вот кто были свидетелями того, как Мендель, придя в ярость, схватился за настольную лампу. А подобное случалось не раз и не два. Клиент, получивший по морде в Буффало, швейцар из дома Минни Шлаг, который, как она рассказывала, имел обыкновение наступать Менделю на ногу, и тот год за годом терпел, а потом в один прекрасный день вцепился ему в глотку, повалил мордой в сугроб на Лексингтон-авеню. Да, продолжала могучая дама, он чем-то напоминал ей одного человека из Вены, тоже вполне милого, пока не взъярится. К счастью, она упомянула имя этого молодого человека, и детектив списал ее со счетов, сочтя сумасшедшей. Мисс Суиндельман – она слушала ее вместе с Менделем – трясло от гнева. Всплыли и другие истории – на сей раз от Сонни, в прошлом врага кресел и фотографа, недавно вернувшегося с американского Юго-Запада. Да, жаловался Сонни, отец вырастил его с братом на пище, которая доконала бы и робота; к двенадцати годам он сожрал столько вареной капусты и креплах, что и кобыла бы сдохла. А еще его отец часто вступал в перепалку с официантом по имени Бунгмейер из кулинарии Шеффрина, который однажды получил по полной – Мендель окунул седую голову Бунгмейера в тарелку с борщом, когда тот справедливо упрекнул его за то, что он слишком долго сидит за своим обедом.

После всего этого история, произошедшая с Менделем, не выглядела такой уж вопиющей. А история состояла в том, что Лapidус был возмущен поведением уважаемой мисс Суиндельман. Лapidус не отличался кротостью, а уж разъярившись, не знал удержу. Они трудились в поте лица, сняв пиджаки, несмотря на сквозняк, и рождественский холод просачивался сквозь щели в облупленных рамах – они расшатались, еще когда шалопут Сонни выпихнул из окна кресло. Создавая модель, он ничего не видел, кроме нее. Лapidус говорил, а он, Мендель, был сосредоточен на работе. Начал Лapidус с мисс Суиндельман: «антисемитка ссаная» и «целка блудливая» были самыми мягкими выражениями. (Говорил он, густо краснея, отвернувшись от нее – она онемела, так была поражена.) Потом он перешел к «Уинтропу», паршивой ночлежке, где Мендель, скряга, который и за грош удавится, окопался на тридцать лет, уморил холодом жену и наградил мир этими двумя идиотами – младшими Менделями.

– Наговорил что твой Гитлер, – сказал Мендель детективу Маллигану. – Он сбытом занимался, у него был язык без костей.

Но он, Мендель, мог это снести. Он человек маленький, он старик, и он мог снести. Он продолжал кроить. Не из трусости – он никого не боялся. Когда ничего поделать не можешь, терпишь – а что еще остается? Сколько лет он терпел воркотню мисс Швиндельман. А почему бы и нет? Что ей оставалось делать, бедной старушенции (голову отвернул, все кроит и кроит), бедной старой уродине, кипящей ненавистью, как только не собирать открытки из мира, которого она не понимает. Годами он

терпел оскорбления от родственников, жены, начальников, сыновей, швейцаров, полицейских, официантов, зверюг-таксистов, но порой, хоть изредка, он не мог не ответить. Евреи привыкли терпеть. И все-таки иногда восставали. Маккавеи. Суэц. Евреи – не индусы, получив пощечину, вторую щеку не подставляют. Поднимались против жестокости, ради мира, поднимались, чтобы положить конец издевательствам. Лapidус не унимался, только еще больше распаялся. Он, Мендель, не стерпел и толкнул его. Один всего разок. Рамы были слабые, а Лapidус хоть и малорослый, но плотный. Вот и вылетел из окна прямо посреди Восемьдесят шестой улицы, под нос Лестеру, срезавшему хвостовое перо у голубя. Вылетел, как хлам из окна пуэрториканца. Непредумышленно, непреднамеренно – жертва отплатила мучителю, оттого снова стала жертвой.

Мисс Суиндельман – она смотрела на детектива, не за кассой и без глянцевого задника коллекции, на стуле она казалась еще меньше ростом – поклялась (хоть и не на Библии) говорить правду; седая девица из Озаркса, оказавшаяся в захваченном еврейями городе, вспоминала, какой была жизнь тридцать лет назад. Каждое утро она шла через Центральный парк к отелю. И год от года парк казался все больше. Этим утром все знакомые деревья были на местах, воздевали укутанные снегом ветки, молили нью-йоркское небо пощадить их. Кусты превратились в хрустальные люстры, и где-то в них крылись почки, невидимые, но живые в ледяных капсулах, они ждали своего часа. Идя в подбитых мехом галошах вокруг Резервуара[7], она взглянула сквозь похрустывающие на холоде деревья на вывеску «Дженерал моторз», где мигали цифры «8:23», и подумала, что в ее коллекции нет ни одной открытки из Нью-Йорка. Было бы вполне уместно послать одну самой себе, потому что она как никак путешествует из родных мест, и здесь она по-прежнему гость, такая же скиталица, как бедные чернявые евреи, которым она служит и которыми правит. Мозаики Равенны, темнолицые крестьяне Сьерра-Леоне, изогнутые статуи Роттердама, небоскребы Бразилии, горы, реки, пирамиды, а из этого города, где и она, и почти все, кого она знает, лишь случайные гости, – ничего. Ее временный приют, временный приют Менделя, этот старый отель разваливался – фасад остался, а вот трубы проржавели, – только на прошлой неделе в ватерклозете забил гейзер; одни лишь скитальцы его поддерживали, обездоленные, нашедшие убогий приют для своей жалкой жизни. Мендель был из лучших. Вежливый, тихий, не доводи, и он тебя не обидит. Жена вроде у него была хорошая, но кто ее знает? На людях тихоня тихоней, а домашним, может, жизнь отравляла. Как никак она допустила, чтобы ее мальчишки росли в этом отеле, охотно ходила по ресторанам, на кухне не возилась. Может, она и не отравляла Менделю жизнь. Не так уж долго они прожили вместе. Монах в тихой заводи Восемьдесят шестой улицы. Крохобор, но не придира. А что до Лapidуса, он был тот еще тип, мерзкий, циничный прохвост с сигарой в зубах, вечно куда-то несся и другим покоя не давал. Она его разозлила – и поделом. Мендель его толкнул – так было за что. Она говорила только правду, всегда правду – к чему ей врать? Так все и закончилось, и Маллиган записал: «Несчастный случай». Мисс Суиндельман вернулась в свою кассу.

Все переменилось. Все. Пробоина в корабле. И раз пробоина, что теперь делать? Послать себе открытку с Эмпайр-стейт-билдинг? Или пойти к Менделю и сказать: «Мендель, я тебя спасла. Теперь спаси меня. Я твоя. Будь моим»?

Или не думать плохо, не разговаривать резко? («Антисемитка ссаная, целка блудливая». Нет, Лapidус.) Обналичивать всем чеки, а недостающие четвертаки восполнять из своего кармана?

Может быть.

Эта пробоина стала раной в душе мисс Суиндельман. Шли дни, открытая рана кровоточила, и забывала она о ней лишь потому, что смущалась своего выступления в защиту Менделя. Она изменилась, но к чему вело это изменение?

Менделя случившееся изменило еще больше. Он осунулся, побледнел. В холле больше не сидел. Все чаще заказывал у Шефрина борщ и копченую говядину. Раза два или три спускался в «Укронный уголок» выпить кофе и съесть оладий. Он купил телевизор, и коридорные доносили, что он работал от шоу Гарроуэя[8] до гимна. Работы больше не было, никто не заходил, разве что раз в месяц звонил Бартон, тот помешанный на расписаниях сын; он, как и отец, никогда не хмурился и не улыбался, только вечно кадык ходил на шее, когда он проглатывал слова. А потом Мендель скончался в своей конуре – воспаление легких, туберкулез, сердце. Все одновременно.

Он умер, и на следующий день она впервые за полгода после «дачи показаний» обратила внимание на свою коллекцию. Коллекция была ни на что не похожа. Картон покоробился, тесьма по краям обмахрилась, от сквозняков и жара батарей доски тут и там вспучились. Она позвала коридорных и распорядилась отнести все на помойку. Со скитаниями было покончено. *Ī adāāā n̄ āi āēēēnētā Āādū Ī ōōōētātē*

[1] *Альфред Моссман Лэндон (1887–1987) был кандидатом от республиканцев на*

президентских выборах 1936 года, но Ф. Д. Рузвельт его победил.

[2] *Гора в Бразилии, около Рио-де-Жанейро.*

[3] *Красочное шествие по Манхэттену в День благодарения, организуемое нью-йоркским универмагом «Мейси».*

[4] *Распространенная в Америке карточная игра.*

[5] *По-видимому, имеется в виду Фрогнер-парк, точнее, его часть Вигеланн-парк – грандиозное творение скульптора-самоучки Густава Вигеланна (1869–1943).*

[6] *Эти улицы пересекают Восемьдесят шестую улицу.*

[7] *Озеро в нью-йоркском Центральном парке.*

[8] *Программа Дэвида Гарроуэя (1913–1982) «Сегодня», популярная в пятидесятых годах, шла по утрам.*

ЛЕХАИМ ДЕКАБРЬ 2010 ХЕШВАН 5771 – 12(224)

« Я К ВАМ ВЕРНУСЬ ЕЩЕ БЫ ТОЛЬКО СВЕТ...»

Марина Концевая

26 октября в зале Иерусалимской галереи на Дерех Хеврон состоялся «Вечер поэзии Михаила Генделева в переводах на иврит». Вел его Оded Зайдель, который помогал своей жене Лене переводить генделевские стихи – и который читал вместе с ней переведенные ею – мастерски – «Ночные маневры под Бейт-Джубрин» и еще несколько стихотворений 1983–1984 годов. Впервые стихи Миши произносились на иврите, перед ивритоязычными любителями поэзии, – и это было удивительное ощущение: слог поэта, его рифмы, его голос переложены в ивритскую речь. Лена Зайдель словно угадала, как Миша сказал бы и написал на иврите все то, что так легко сочинялось им по-русски:

בִּי עֲאִירָאֵי דִּיאֵי לִי לִיאֵי

אֵי לִיאֵי דִּיאֵי לִי לִיאֵי

עֵי לִיאֵי לִיאֵי לִיאֵי לִיאֵי

אֵי לִיאֵי לִיאֵי לִיאֵי

את כפור העשן של ארצי השניה בלעתי בפתח ביתי.

צעדתי פנימה. הייתי אהוב.

שוב לא אהבים כאן אותי.

Казалось, будто Генделев сам надиктовал Лене Зайдель эти (и другие) ивритские строки. А ведь на самом деле Миша, по меткому выражению Майи Каганской, «на иврите скорее рычал, чем изъяснялся». Впрочем, поэтам достаточно было и этого – Хаим Гури, не знающий русского, «по этому рыку, плюс жестикация и подстрочники» признал в Генделева великого собрата.

Именно об этом напомнил собравшимся другой прекрасный переводчик Генделева – Петр Криксунов. Благодаря ему в свет вышел первый и пока что единственный ивритский сборник генделевских стихов – «Хаг» («Праздник»). Он появился еще в 2000 году, и его обошли полным молчанием, о чем, потрясая этой книжечкой, с горечью говорил на вечере Криксунов. В его переводах каждое слово выверено самим Мишей, который был очень настойчив и требовал точной передачи своих мыслей. Может, и поэтому криксуновские переводы звучат несколько иначе, чем переводы Лены Зайдель. Но и это – Генделев на иврите.

Выступление д-ра Михаила Вайскопфа было посвящено определению места поэта в израильской литературе: «Генделев представляет собой весьма парадоксальное явление, его смело можно назвать (и Хаим Гури именно так его и называл) национальным израильским поэтом. Но это национальный поэт, пишущий по-русски». По Вайскопфу, Генделев существовал в вакууме меж двух культур. Но парадокс еще и в том, что в этом «вакууме» он создал себе роскошные условия – он жил и творил в своей поэзии. Впрочем, тезис о том, что Генделев смог «усесться между двумя культурами и чувствовать себя там комфортно», тут же оспорил Криксунов, добавивший, что Генделев не просто «поселился в этом вакууме – он воевал за это место».

Завершился вечер чтением перевода стихотворения Генделева «Я к вам вернусь...». Как только чтение закончилось, зазвучал голос самого поэта – незадолго до своего ухода Миша успел записать на диск

несколько стихотворений. Он всегда потрясающе читал свои стихи – без «завываний», свойственных некоторым поэтам, без позерства, отчетливо и с той силой, которой была наполнена его поэзия: «Я к вам вернусь / еще бы только свет / стоял всю ночь / и на реке / кричала / в одеждах праздничных / – ну а меня все нет – / какая-нибудь память одичало / и чтоб / к водам пустынного причала / сошли друзья моих веселых лет».

Расходясь, люди повторяли: «Как бы он был рад, если бы мог слышать свои стихи на иврите...» Но ведь он слышал. Правда, Миша?

ЛЕХАИМ ДЕКАБРЬ 2010 ХЕШВАН 5771 – 12(224)

ФРАНКФУРТСКИЕ КАРТИНКИ

Λεξαιμία ἡδὴ Ἑεὐδαίᾳ

Франкфуртская книжная ярмарка – одно из главных событий года для издателей и книготорговцев. Первые подобные «слеты» проводились здесь еще в XVII веке, но только в послевоенные годы ярмарка стала событием международного масштаба. Около 300 тыс. посетителей и 7 тыс. экспонентов – внушительные цифры, с которыми она вошла в третье тысячелетие.

Михаил Гринберг представляет свое издание на Франкфуртской книжной ярмарке. Октябрь 2010 года

Правда, сегодня ярмаркой мероприятие называется по старой памяти: в отличие от московских книжных выставок, во Франкфурте торговля книгами разрешена лишь в день закрытия, когда в павильоны наконец-то прорываются читатели и выносят оттуда буквально все. Но показаться здесь для издательства или страны – по-прежнему вопрос престижа. Кого нет во Франкфурте, того для профессионального сообщества просто не существует. Именно здесь покупаются права и заключаются сделки, определяющие, кого из мировых писателей будут читать в России и других странах в ближайшем будущем. Именно здесь ярче, чем где бы то ни было, видна динамика взаимоотношений бумажной книги и новых электронных форматов, которые стремятся к взаимовыгодному сосуществованию, а не к жесткому противостоянию, каким нас пугали в начале двухтысячных.

Веяния времени ощутимы и в других деталях – например, в повышенном внимании к безопасности в павильоне с американскими и другими англоязычными изданиями. Или на фестивале косплея – немецкие школьницы в матросках и гольфах, в готических нарядах и костюмах эльфов и супергероев кокетливо фланируют по внутреннему двору выставочного комплекса, фотографируясь с посетителями и изредка заглядывая на книжные стенды. Видимо, в расчете на эту аудиторию у входа на территорию, занятую японскими издателями, висел яркий плакат с надписью: «Kawaii Moshi Moshi!» (название компании, которое можно перевести примерно как «Привет, кawaiiный!»). Среди эльфов и лолит изредка попадались мужские персонажи в рогатых шлемах – няшность в ее местном изводе.

На этом фоне и проходили мероприятия проекта «Спутник книжной ярмарки» издательства «Гешарим». Основным спонсором проекта на сей раз выступило Министерство информации и диаспоры Государства Израиль при поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям, фонда «Генезис», центра «Яд ва-Шем», «Сохнута», германского «Джойнта» и ряда немецких еврейских организаций. В общей сложности культурный десант проехал по дорогам Германии более 3 тыс. километров. Свой путь он начал в Берлине и Потсдаме, а по прибытии во Франкфурт провел ряд встреч, лекций и презентаций как на самой ярмарке, так и в общине, в доме молодежи «Амихай», в магазине русской книги «Книжник» (совместно с живущим ныне во Франкфурте писателем Олегом Юрьевым) и даже в обществе бардов.

Состав делегации отражал разнообразие научных и культурных интересов современного еврейского мира: светский израильтянин, завлит театра «Гешер», писатель и переводчик Рои Хэн, ироничный эллинист д-р Реувен Кипервассер из Университета Бар-Илана, московский востоковед д-р Александр Дубровин, исследователь русской литературы профессор Леонид Кацис и, конечно, основатель и руководитель ассоциации «Мосты культуры / Гешарим» д-р Михаил Гринберг. Вместе с гостями «гешаримских» мероприятий они обсуждали еврейскую ученость и историю, пели еврейские песни, встречали субботу и готовили еврейскую еду. Рои Хэн с большим успехом провел кулинарный мидраш, во время которого раскрыл секреты приготовления чечевичной похлебки и фалафеля, а д-р Кипервассер не только прочел франкфуртской молодежи лекцию о субботе в талмудической премудрости, но и успел съездить в Бернский университет с докладом «“Еврейское сердце” в еврейских текстах». Много посетителей привлекла и презентация изданий центра «Яд ва-Шем».

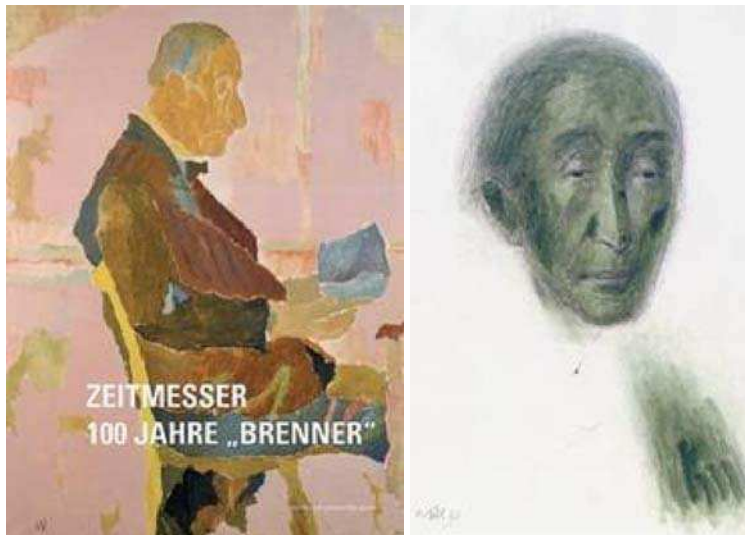
Пять дней Франкфуртской ярмарки прошли быстро, и «университет на колесах» отбыл в дальнейшее путешествие по Германии – его ждали библиотеки, университеты и общины Мюнхена, Аугсбурга, Реклингхаузена, Бохума, Дуйсбурга.

ГОРИ, ГОРИ ЯСНО

אִיִּי אִיִּי «וֹדִיִּי אֹדִי: יוֹרְאֹדֶא אֹדִי אֶא "אֹדִי אֹד"» יִאִיִּי יֶעֶא, וְוִי עֵאִיִּי וְוֵאִיִּי
יאִיִּי אִיִּי

Давид Гоцман

Первый номер «Бреннера» появился на свет в Инсбруке 1 июня 1910 года. Вскоре журнал стал известен всему немецкоязычному миру. Он был посвящен культуре и искусству – поначалу авангардистскому, затем философско-религиозному. В круг редакции входили и многие еврейские авторы, от философа Людвиг Витгенштейна до художника и литератора Эльзы Ласкер-Шюлер, что не мешало, впрочем, другим авторам «Бреннера» допускать антисемитские высказывания на страницах журнала.

**Портрет Людвиг фон Фикера.
Хильде Нобль. 1966 год**

Его название переводится как «горелка» или «форсунка» – возможно, скрытые аллюзии на знаменитый австрийский журнал той поры «Факел», который издавал в Вене Карл Краус. Но одновременно Бреннер – название перевала, соединяющего Южный и Северный Тироль. Основатель журнала, Людвиг фон Фикер, словно в воду глядел, выбирая такое название: в 1919 году Тироль был разделен надвое, его северная часть осталась в Австрии, южная перешла под управление Италии. Так «Бреннер» стал еще и мостом между частями некогда единого целого. Он и был задуман ради подобных целей: Фикер делал журнал об идеях. Поначалу это были идеи эстетические, такие, как экспрессионизм, но также импрессионизм и даже витализм; журналу были близки взгляды архитектора Адольфа Лооса, выпускавшего в издательстве «Бреннер» книги. В книжном отделе рецензировались и австрийский писатель-католик Альберт фон Трентини, и переводы Мартина Бубера из Чжуан-цзы. После 1915 года «Бреннер» много писал о «войне полов», начало обсуждению положила программная статья Фердинанда Эбнера об Отто Вайнингере. Журнал стал родным домом для одного из величайших поэтов XX века, Георга Тракля, после 1912 года печатавшегося практически в каждом номере.

Номера журнала за 1912–1914 годы сохранились в библиотеке Франца Кафки (его друг Макс Брод общался со многими членами редакции), среди читателей «Бреннера» были Мартин Хайдеггер и Макс Шелер, а круг авторов расширился за счет авторов «Факела». Благодаря «архиврею, архисатирику» Краусу (определение Фикера), с инсбрукским издателем познакомился и Людвиг Витгенштейн, чьи письма к

Фикеру служат основой для комментаторов «Логико-философского трактата», едва ли не самого революционного текста в философии XX века.

На выставке в инсбрукском музее Фердинандеум, посвященной столетию «Бреннера», портрет философа работы Михаэля Дробила занимает одно из центральных мест. В 1914 году Витгенштейн передал Фикеру на нужды журнала и для распределения между литераторами 100 тыс. крон, огромную по тем временам сумму (в нынешних ценах около 400 тыс. долларов). На редакционные расходы Фикер оставил лишь десятую часть пожертвования, выплатив остальное сотрудникам и авторам. Так, ведущий сотрудник журнала Карл Даллаго, Тракль и Райнер Мария Рильке, включенный в список по предложению Витгенштейна, получили по 20 тыс. крон (Рильке вскоре тоже стал автором «Бреннера»). Но дружественные отношения не сказывались на принципиальности позиций. Фикер не боялся отказывать в публикации тем, кто посвящал ему стихотворения, а в отношении Витгенштейна и вовсе поступил удивительно, не напечатав после войны в своем издательстве «Трактат». В этот момент финансовая ситуация журнала была тяжелой (журнал из выходявшего поначалу дважды в месяц порой превращался в ежегодник, а иногда перерывы затягивались на годы), но все же отказать Витгенштейну – незабываемый жест.

Фикер много переводил Кьеркегора, а после 1918 года среди авторов журнала и издательства были большей частью католики. Это не мешало рождению новых интеллектуальных скандалов и публичным нападкам на «Бреннер». До войны эти нападки были эстетического рода с примесью антисемитизма (так, взбешенный отказом Тракля сотрудничать с его литературной антологией, Роберт Мюллер обвинил поэта в зависимости от «горбатого еврея» Крауса). После войны начались споры и теологические, и политические. Хотя Фикер никогда напрямую не конфликтовал с нацистами и даже симпатизировал австрофашисту Дольфусу (тот, как фашист итальянского типа, боролся с нацистами), он поддерживал отношения со многими авторами-евреями, уехавшими в эмиграцию. Неудивительно, что журнал попал в черные списки в Германии еще в 1935 году, о чем самого издателя официально уведомили лишь пять лет спустя, предложив изъять из продажи все нераспроданные экземпляры. Впрочем, он так и так не выходил в это время: Фикер, потерявший свое состояние после первой мировой, работал корректором. Очередной номер появился лишь в 1945 году, благодаря французским оккупационным войскам в Инсбруке (среди новых корреспондентов Фикера был в то время и Пауль Целан). После возобновления журнал издавался еще девять лет. Сто четыре тетради занимают на книжной полке в общей сложности чуть более полуметра. Но их значение в истории не измерить при помощи цифр.

«дедушке Шолому Абрамовичу», известному также под псевдонимом Менделе Мойхер-Сфорим. Читая книгу Беэра, нельзя не вспомнить «Путешествие Вениамина Третьего» – маленький роман Менделе, который часто называют «еврейским Дон Кихотом».

Еще одно имя, которое часто вспоминается при чтении романа Беэра, хотя оно ни разу не названо, – Агнон, в особенности его хасидские рассказы и роман «Сретение невесты». Однако «Туда, куда уходит ветер» никак нельзя назвать стилизацией под Агнона. Скорее уж это стилизация подо все сразу – искусный, мастерски сработанный компот из хасидизма, буддизма, туристских путеводителей по Тибету, просветительских антихасидских карикатур и трогательных женских романов. Мартин Бубер и Менделе, Агнон и Даниэла Стил, Серафим Саровский и Николай Пржевальский в одном флаконе... да, роман Беэра просто обречен на популярность среди энтузиастов нью-эйджа.

Но есть еще один жанровый источник, объединяющий весь этот разнородный материал, – европейский роман воспитания и путешествия (тот же «Дон Кихот», «Мертвые души», «Вильгельм Мейстер», книги Гессе).

В один прекрасный день, незадолго до Рош а-Шана, рабби из Бней-Брака исчезает из дома и обнаруживается в Тибете в престранной компании: ортодоксальный миллиардер из Антверпена, лучший в мире гид по Тибету из Амстердама и женщина-зоолог из Оксфорда. Каким ветром его занесло в Тибет? Мотивировка этого необыкновенного путешествия – наиболее интересная и удачная часть романа. Дело в том, что на протяжении целого года рабби Яков-Ицхак видит во сне огромное и прекрасное животное, похожее на быка, но с длинной золотой шерстью. На лбу у него начертаны знаки, похожие на еврейские буквы «йуд» и «куф». Рабби догадывается, что «йуд» и «куф» – это первая и последняя буквы его собственного имени, а также начальные буквы прозвища «а-Йеуди а-Кадош», Святой Еврей, как прозвали падишаха Якова-Ицхака из Пшисхи, друга и противника Провидца из Люблина, которого тоже звали Яков-Ицхак. К ним обоим возводит свою родословную герой романа.

Но возможно ли, чтобы Святой Еврей перевоплотился в быка? Ведь если его душа претерпевает «гильгуль» на земле в образе животного, это означает, что он не был совершенным праведником. Может быть, таков «тикун», предназначенный ему за противостояние с Провидцем из Люблина, не закончившееся при их жизни и продолжающееся в высших мирах? А может, золотое животное из сна – не просто бык, а тот самый Дикий Бык Бегемот из талмудической агады, который должен в конце времен сразиться с морским чудовищем Левиафаном? И нельзя ли отождествить с Левиафаном самого Провидца? Святой Еврей, как известно, скончался в возрасте 48 лет, и ровно 48 лет исполняется герою романа к тому времени, когда он начинает видеть сны о золотом быке.

Постепенно рабби Яков-Ицхак утверждает в мысли, что сны призывают его завершить «тикун» Святого Еврея и свой собственный. Он должен найти золотого быка. Тщательно законспирированные поиски в дебрях библиотек и Интернета приводят героя к разгадке: «йуд» и «куф» – это «як». Но в его сны является не простой як, которого нетрудно увидеть в европейских зоопарках и тибетских деревнях, а гигантский Золотой Як, дикий предок современных прирученных яков, редчайшая, почти совершенно исчезнувшая порода, отдельные экземпляры которой сохранились только в недоступных горных районах Тибета. За последние сто лет этих животных удалось увидеть лишь немногим. Среди них – Пржевальский, в рукописном дневнике которого рабби Яков-Ицхак находит рисунок Золотого Яка. На рисунке хорошо видны еврейские буквы «йуд» и «куф» на лбу животного.

Теперь раввин из Бней-Брака знает, что он на верном пути, и отправляется в Тибет, чтобы найти там Святого Яка, воплощение его предка и его самого. Преданный ему бельгийский торговец бриллиантами в глубокой тайне организует экспедицию, продумывая мельчайшие детали кашрута и субботнего отдыха в таком непростом месте, как Тибет. Вначале все идет в соответствии с планом, но... По ходу развития сюжета искатель оказывается виновником трагедии, которой завершается его поиск.

В центре романа – сложная фигура современного хасидского мудреца. Он мистик, читающий в сердцах и внушающий благоговение людям и животным. Но он же – обыкновенный человек, которому не чужды человеческие слабости. В поисках Святого Яка герой находит свою любовь – очаровательную ученую даму Селену Бернад, эксперта по тибетской фауне. Селена к тому же оказывается еврейкой по матери, да еще и прапраправнучкой доктора Бернарда из Петрокова – того самого просвещенного врача, который лечил Провидца из Люблина и так увлекся хасидизмом, что даже подумывал завести собственный «двор». Будучи интеллигентной женщиной, Селена интересуется антропологией и историей религии, в том числе хасидизмом в изложении Мартина Бубера. В детстве у нее была русская няня, у которой висела икона с изображением Серафима Саровского. Рабби Яков-Ицхак напоминает Селене эту икону, она с самого

начала понимает, что раввин из Бней-Брака – святой, и ее чистую, светлую любовь к этому удивительному человеку не омрачает тот факт, что он женат и имеет троих сыновей.

Ну конечно, в жизни все бывает. Самый благочестивый человек – всего лишь человек. Бывает и так, что религиозный еврей, будучи несчастлив в браке, способен потерять голову и увлечься незамужней женщиной. Однако в таком случае, если только речь не идет о законченном лицемере, он хотя бы должен попросить свою избранницу омыться в микве (реки, озера и родники в тибетских главах романа представлены в изобилии). Но герой Беэра, вроде бы человек искренний, почему-то пренебрегает этим алахическим требованием.

Возможно, любовь могла бы дать рабби Якову-Ицхаку возможность обрести себя и начать новую жизнь, а Селене указала бы путь к ее корням. Однако некошерный роман с Селеной совершенно вытесняет из мыслей рабби его главную задачу – встречу со святым предком, и на решающее свидание с яком он приходит нечистым. В полном одиночестве поднимается он на гору, спутники лишь издали наблюдают за его восхождением. У них на глазах рабби Яков-Ицхак возносится к небесам на сияющем Золотом Яке – и падает на землю, не достигнув облаков. Автор не разъясняет, в чем причина его падения, но можно догадаться, что ошибка, которую совершил рабби, не дала ему завершить процесс очищения и исправления себя самого и своего предка, Святого Еврея. Любовный роман пришел в противоречие с мистическим «тикуном».

После долгих поисков верная Селена находит своего друга в дремучем лесу на крутом горном склоне, распростертым на земле без сознания. Она оказывает несчастному первую помощь, спутники немедленно эвакуируют его в Лхасу, а затем в лучшие больницы Пекина и Тель-Авива. Но усилия друзей и врачей тщетны: через некоторое время, в Суккот, рабби Яков-Ицхак умирает, не придя в сознание.

Тем временем негодяйка Гольди взламывает его потайной кабинет, обыскивает ящики стола и компьютер, находит обрывки дневниковых записей о сновидениях, фотографии и карты Тибета. Все это используется для грандиозной пиар-кампании, в ходе которой вокруг образа покойного мистика создается ореол святости и ткуются мифы, весьма перспективные для «раскрутки» хасидского «двора» под руководством избранного вдовой наследника, самого бездарного из сыновей Якова-Ицхака. Нечего и говорить, что эти мифы не имеют ничего общего с подлинной историей путешествия рабби в Тибет.

Но на последних страницах романа (как у Веласкеса в «Менинах» – ближе к рамке) появляется некий университетский профессор и писатель, сам Хаим Беэр собственной персоной. Он случайно встречается с Селеной у дверей книжного магазина в Бней-Браке, помогает ей найти могилу возлюбленного и обещает написать всю правду об оступившемся праведнике. Правду, которая будет не житием, а вымыслом, то есть романом.

[1] Хаим Беэр. Эль а-маком ше а-руах голех. Тель-Авив, 2010. Возможно, в названии романа отдаленная реминисценция из Коелет (Екклесиаста): «Идет к югу, и к северу, кружится, кружится на ходу своем, и возвращается ветер на круги своя».

ЛЕХАИМ ДЕКАБРЬ 2010 ХЕШВАН 5771 – 12(224)

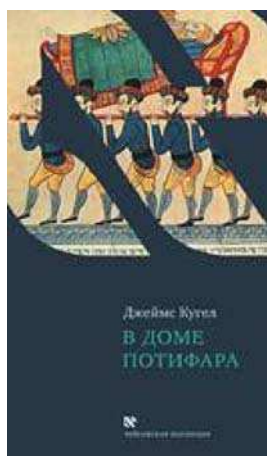
К ВОПРОСУ О КУРИЦЕ И ЯЙЦЕ

Äææí ñÉúüë

Á äñì á Í íðéðaðà Äææíæñéëé ðæñò è äñ ï äðññíéñúáíéý

Í äð ñáíæ. Í. Áíä áíá

Í.: Úæñò; Éí èæíéëé, 2010 – 476 ñ (Ñäðý «xæññ äñéäý éíéëæöëý».)

Русскоязычный корпус текстов, посвященных миру раввинистической литературы, в последнее время прирастает не только изданиями первоисточников, но и переводами классических западных монографий, ставших учебными пособиями для нескольких поколений студентов, изучающих еврейскую толковательную традицию. Последнее событие в этом ряду – выход по-русски исследования известного библеиста, гарвардского профессора Джеймса Кугела «В доме Потифара» (первое англоязычное издание – 1990 год). В ее основу лег подробный анализ постбиблейской трансформации историй о Йосефе, Моше, еврейском народе в изгнании и ряда других сюжетов Танаха.

Книга Кугела открывает перед читателем дорогу в мир библейской экзегезы, отраженный в апокрифах, мидрашах, Талмуде, самаритянских хрониках и других произведениях еврейской литературы (впрочем, иногда переключки с мидрашами и талмудическими текстами находятся и в ранней христианской словесности, и в Коране). Автор с увлеченностью сыщика из хорошего детектива сам прослеживает путь «обратного проектирования» многих мотивов раввинистической литературы и призывает читателя найти их корни в тексте Писания. Кугел успешно реконструирует не всегда явно выраженные связи между многочисленными дополнениями, возникающими при пересказе библейских сюжетов в раввинистической литературе, и их источниками в толкованиях оригинального текста Танаха.

Вслед за такими признанными авторитетами, как Л. Гинцберг, Г. Вермес, Й. Хайнеман и другими, анализирующими жанр расширенного библейского пересказа, он пытается ответить на вопрос: откуда брали постбиблейские толкователи те яркие детали и дополнительные подробности, которыми они украшали библейское повествование при пересказе или интерпретации? Что появилось раньше – курица или яйцо? Новый виток библейского сюжета возник в результате экзегетической мысли еврейских толкователей или его появление было предопределено самим развитием древней интерпретационной традиции? И что возникает сначала – вопрос к тексту Библии или ответ на него? Сперва толкователи задумываются над нестыковками в ряде библейских фраз и затем, объясняя причину таких несоответствий, порождают «нарративную экспансию», рассказ, их истолковывающий? Или, может быть, наоборот: готовый нарратив, дополняющий библейское повествование, находит свое место в раввинистической литературе с помощью искусной привязки его определенными экзегетическими методами к сложным фразам библейского текста?

Книга Кугела не только предлагает читателю ряд ярких эссеистических разборов отдельных библейских сюжетов и мотивов с дальнейшим прослеживанием их судьбы в еврейской литературе, но и дает ему инструментарий, методологическую модель для прочтения ранних библейских комментариев в целом. Автор тщательно отслеживает улики, свидетельствующие о первичности или, наоборот, вторичности того или иного мотива в постбиблейской традиции. Он разбирает сюжет на микроэлементы – отдельные экзегетические мотивы и с их помощью реконструирует ход первоначального толкования, отсекая по дороге избыточные мотивы, удвоения сюжета и нарративные повторы.

В финале своего исследования Кугел приходит к одному из самых спорных, но и самых интересных выводов. Он утверждает, что огромный набор разрозненных экзегетических мотивов свидетельствует о том, что уже задолго до новой эры в еврейской традиции существовал некий устный корпус стандартных объяснений трудных мест библейского текста, который передавался от учителя к ученикам в бейт мидрашах и использовался во время проповедей в синагогах. Доказательства существования такого корпуса ранней еврейской экзегезы привести невозможно, но методика «обратного проектирования», тщательное прослеживание многочисленных постбиблейских «нарративных экспансий» убеждают автора в верности его гипотезы.

Отдельно хочется отметить замечательную работу переводчика, который отлично справился с трудной задачей перевода академической книги со специфической терминологией на доступный не только узким специалистам язык.

Î àdèy Èàñ'είà

СКЕЛЕТЫ В ШКАФУ

Tadeusz Słobodzianek

Nasza klasa. Historia w XIV lekcjach («Î àdèy Èàñ'είà XIV òdì'είà»)

Gdańsk: słowo / obraz terytoria, 2009. – 108 s. (îîëüñé. ýç.)

Главная литературная премия Польши – «Ника» присуждена Тадеушу Слободзянеку за пьесу «Наш класс», посвященную трагедии в Едвабне, где 10 июля 1941 года поляки заживо сожгли сотни своих еврейских соседей (см. статью Я. Этингера: Лехаим. 2001. № 8). Это событие послужило материалом не только судебных процессов, но и исследований (среди них – книга американского социолога польского

происхождения Я. Т. Гросса «Соседи», вызвавшая бурную дискуссию в польском обществе, объемный

двухтомник статей и документов «Вокруг Едвабне», работа А. Биконт «Мы из Едвабне») и фильмов («Место рождения» П. Лозиньского, «Штетл» М. Мажиньского, «Соседи» А. Арнольд). Слободзянек в послесловии указывает, что эти работы дали ему импульс к написанию пьесы и послужили фактографическими источниками.

Но, как пишет в сопровождающих публикации пьесы «Размышлениях над “Нашим классом”» Леонард Нойгер, «историки сделали свою работу. Кинематографисты, журналисты, прокуроры, судьи, политики, моралисты – все сделали свое дело. А трупы до сих пор не похоронены». Пытается ли 65-летний драматург (наверное, важно отметить, что он не еврей – поляк, родившийся в Енисейске у сосланных туда за службу в Армии Крайовой родителей) похоронить эти трупы, вынести все скелеты из всех – польских и еврейских – шкафов, возможно ли это вообще, есть ли катарсис у этой трагедии, написанной едва ли не в античном духе? Слободзянек, судя по его высказываниям («я не судья, не прокурор и не Господь Бог»), наделяет свою пьесу функцией одновременно искательницы «правды» и плакальщицы, называя ее «попыткой оплакать взаимные вины».

Действие начинается в маленьком (в пьесе – безымянном, впрочем, увы, не только в Едвабне происходили подобные события) польском городке в 1920-х годах, задолго до трагических поворотов истории – советской оккупации и последующего вступления гитлеровских войск. Польские и еврейские дети – десять персонажей пьесы – ходят в одну школу, читают одни и те же стишки, играют, влюбляются, дружат, вместе переживают общую утрату – смерть Юзефа Пилсудского. Эти первые идиллические «уроки» служат контрастом непостижимо драматическому развитию событий в «уроках» последующих, выпавших на долю «нашего класса», да и всего поколения.

Ключевые для понимания пьесы слова вынесены в ее заглавие: «наш» (т. е. «свой») – в противоположность «чужому», однако на глазах зрителя/читателя это единство «своих» разрывается, и персонажи становятся предельно чужими друг для друга); «история», которая, меняя одну тоталитарную декорацию на другую, предстает как пожирающий молох, требующий все новых и новых жертв; «уроки», которые некому извлечь, ибо все персонажи (за исключением Абрама, еще до войны уехавшего с семьей в Америку и ставшего там раввином) погибли либо физически (как Якуб Кац, убитый польскими одноклассниками, подозревавшими его в сотрудничестве с советскими властями, или как Дора с маленьким ребенком на руках, сожженная вместе с другими еврейскими жителями городка, или как поляк Рысек, угонявший бывшую одноклассницу Рахиль «в гетто» и застреленный спасавшим ее мужем-поляком, тоже бывшим одноклассником), либо духовно, как Зыгмунт, слепо, бессмысленно и жестоко мстящий невинным и беспомощным за расстрелянного НКВД отца («Ну, Дора, ты сама видишь. У Рысека есть шрамы от Советов, а у тебя нет», – говорит он в сцене коллективного изнасилования бывшей еврейской соученицы), или Генек, загонявший еврейских соседей в сарай и поджигавший его («Да их там и тысячи не наберется! Самое большее – семьсот. А то и еще меньше»), а позже ставший священником, или Менахем, ставший следователем и после войны мстящий за убиенных, применяя «недозволенные методы».

Половодье зла, жестокости, мести, неизбежного страха захватывает и вовлекает в свой водоворот всех персонажей, не оставляя им внутреннего пространства для живых человеческих чувств, сострадания, взаимопонимания, приводя к опустошенности, личному краху (крестившаяся во имя спасения Рахиль, ставшая Марианной; Зоха, отказавшаяся взять к себе ребенка уводимой на смерть одноклассницы и подать ей воды), и это придает некое поистине трагическое – в греческом понимании (неумолимый рок, кара) – измерение «урокам» Слободзянека. «Школьный товарищ – это как семья. А может, и больше», – в этих словах обagrившего свои руки кровью одноклассников персонажа звучит жесткая авторская ирония, контрастно оттеняющая действие.

Пьесу Слободзянека уже знают в Тель-Авиве – «Габима» устраивала ее публичные чтения в 2008 году («А-арец» говорила тогда о сильнейшем впечатлении, которое произвели на публику персонажи, одновременно являющиеся и хорошими людьми, и жертвами, и палачами) – и в Лондоне, где год назад прошла мировая премьера, сопровождавшаяся горячими откликами критики. Польская премьера в варшавском Театре на Воле (ставит пьесу словацкий режиссер Ондрей Спишак) состоялась в минувшем октябре, и именно здесь «Наш класс» прошел самое серьезное испытание: ведь Слободзянек подчеркивает, что его пьеса – не о польско-еврейском, но о польско-польском конфликте, лишь частью которого оказались евреи.

Председатель жюри «Ники» профессор Института литературных исследований ПАН Гражина Борковская на церемонии вручения премии подчеркнула: «Мы награждаем Тадеуша Слободзянека не за смелость обращения к трудной теме, где преступление охватывает и тех, кто его совершил, и тех, кто был свидетелем, и тех, кто видел и молчал, и тех, кто не хотел видеть, знать и помнить. Мы награждаем его за способ, каким он об этом говорит, за форму драмы, которая потрясает просто, а вместе с тем продуманно рисует историю палачей и жертв, убийц и убиваемых. Все они являются одноклассниками, ровесниками, знакомыми, соседями. Точнее – были. Герои драмы мертвы... В этом смысле их история закончилась, но наша все еще продолжается».

Надо отметить, что память о еврейских соотечественниках, живших в Польше (а в некоторых городах они составляли до трети населения) и истребленных во время войны, здесь сохраняется. Об этом свидетельствует и наличие еврейских музеев, и действующие научные центры, и многочисленные книжные издания, и разного рода фестивали, и мемориальные (например, жители польских городов в определенные даты собираются вокруг пустого стула с кипой) и даже художественные акции. Недавно, в 69-ю годовщину сожжения евреев в Едвабне, художник Рафал Бетлеевский устроил перформанс: сжигание сарая, куда были помещены записки поляков, содержащие «все недоброжелательные мысли, которые мы когда-либо могли иметь относительно евреев и которые нас тяготят». На польском сайте «Я тоскую по тебе, еврей» можно посмотреть репортаж с этого перформанса и неоднозначные отклики на него...

Историю принято называть *magistra vitae*, но говорят также, что ее главный урок состоит в том, что она никого ничему не учит. Уроки истории по Слободзянеку – невыносимо трудные, но если их не выучить, придется проходить их снова и снова. Впрочем, вручая Слободзянеку «Нику», Адам Михник сказал: «Пока у нас есть такие писатели и такое жюри, мы можем с оптимизмом смотреть в будущее».

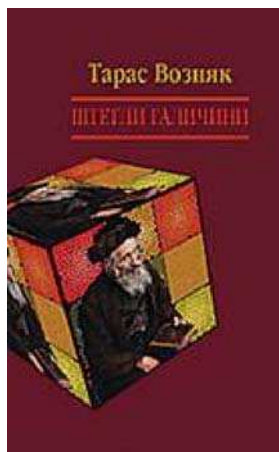
Àèèòíðèÿ Î í-àèíáá

ДОРОЖНАЯ КАРТА ЕВРЕЙСКОЙ ГАЛИЦИИ

Òàðàñ Áíçíÿé

Óòàòèé Áàèé-èíé («Óòàòèéñ Áàèéèèé»)

Ëíáíá Áèáèéíòáèà æóðí áèà « », 2010 – 442 ñ (óèð. ÿç)

Дорога к Паулю Целану. Дорога к Шаю Агнону. Дорога к Бруно Шульцу. Это не сборник литературоведческих эссе, а разделы интеллектуального путеводителя по штетлам Галиции (и отчасти Буковины), составленного львовским культурологом Тарасом Возняком. Форма, стирающая грань между академическим справочником и популярной культуртрегерской литературой, достойна аплодисментов. Как и цель: реконструкция утраченного мира штетла, который автор считает одним из составляющих особой галицкой идентичности. Общие сведения из истории Снятина и Косова, Самбора и Дрогобыча, Бучача и Черткова (в путеводитель вошло более 40 населенных пунктов) дополнены перечислением местных хасидских династий и приправлены событиями еврейского прошлого этих местечек. Все это сдобрено отрывками из произведений не только еврейских, но и украинских классиков – Ивана Франко, Василя Стефаника и др. Каждый топоним приводится минимум на пяти-шести языках, включая польский, немецкий и, разумеется, иврит и идиш.

Текст пестрит именами десятков персонажей, родившихся в галицкой провинции и блиставших в столицах империй. Из Перемышля явил себя миру скандальный психоаналитик Вильгельм Райх – глава Немецкого имперского союза пролетарской сексуальной политики. Кстати, семья самого основателя психоанализа родом из Тисменицы, а его личный врач Макс Шур – из Станислава (нынешний Ивано-Франковск). На родине Роксоланы, в Рогатине, успел посидеть в тюрьме на пару с Яковом Франком выкrest Шломо Шор – его внук Ян Канти станет Государственным секретарем Королевства Польского. В Дрогобыче родился мастер югендстиля, первый художник, примкнувший к сионистскому движению, Эфраим-Моше Лиlien (его фото Герцля, опирающегося на перила моста через Рейн в Базеле, стало хрестоматийным).

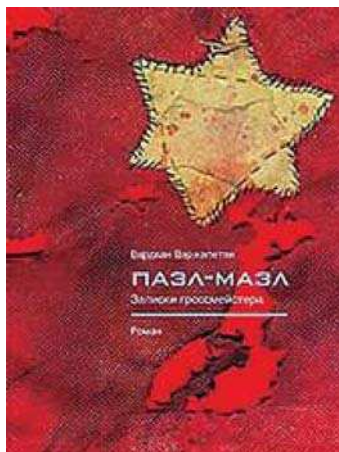
Однако все это частности. Которые меркнут на фоне идеи, заложенной в путеводителе, – воздвигнуть маленький памятник бывшим соседям. Ибо они могут остаться в этом мире уже только в памяти. *Ī ēōāēē Ātēūū*

ПАЗЛ ВАРДВАНА

Āāōāāī Āāōēāī āōūī

Ī āē-i āē. Čai ēēēē āāīīī āēīōāā

Ī .: Āāū ŷ, 2010 - 208 ű

Книга – это не просто текст и не только текст. Название и подзаголовок, история написания и/или чудесного обнаружения рукописи, имя или псевдоним автора, его литературная и общественная репутация плюс то, что он пожелал или не пожелал сообщить о себе читателям, да и не в последнюю очередь рекламная кампания, идея оформления, отзывы литературных авторитетов, здесь же напечатанные, – все это формирует отношение к тексту еще до того, как читатель, наивно веря в собственную непредвзятость, откроет книгу.

Итак, маленькая, почти квадратная, кроваво-красная обложка с картинкой в виде пришитого к рваной, залитой кровью материи желтого, тоже в красно-красных пятнах, магендовида. Ну что ж, понятно: евреи, война, Холокост. Лестный отзыв Окуджавы от 1986 года. Значит – или, по крайней мере, должно значить, – что книга хорошая и написана давно. Четверть века в столе пролежала. Тут же: «Ваша скорбная книга потрясла меня...» Это отзыв директора Библиотеки конгресса о другой книге того же автора – «Число бездны». Напомню: «Число бездны» – это как бы не совсем книга, читать там нечего, там подряд идут цифры, просто цифры от 0 до 9 в случайном порядке, и цифр этих 6 млн. Огромный черный том с 6 млн символов призван превратить абстракцию с шестью нулями в зримую реальность. Я не поклонник такого подхода – при современной технике вполне возможно напечатать «Черную книгу» и другие материалы по Холокосту в одном переплете так, чтобы том имел бы соответствующее число символов. Поэтому фраза автора в предисловии, что «Пазл-мазл» можно считать продолжением «Числа бездны», меня скорее настораживает, чем привлекает.

А еще автор напоминает, что он перевел Тору, издавал армяно-еврейский журнал «Ной» и что вообще-то он не еврей, но по жене – дважды еврей. При всем том не нужно думать, что автор – националист, он сообщает, что написал много других книг, герои которых – Омар Хайям, Григор Нарекаци, Ли Бо, Афанасий Никитин, Франсуа Вийон и т. п. Мое предубеждение при этом напоминании никак не переходит в расположение – кое-какие из этих книг я читал и могу сказать, что владение материалом не относится к числу сильных сторон автора. Скорее наоборот: он не ищет истину путем преодоления стереотипа, а словно бы сознательно избирает в качестве основного повествовательного приема разработку существующей культурной мифологемы. Лубочный Никитин, витражный Вийон, писанный тушью по китайскому шелку Ли Бо... А уж про евреев, да про Холокост, да про партизанское движение – столько стереотипов! Но, может, как раз нееврею, хорошо знакомому с темой, будет сподручнее посмотреть по-новому на будто бы известное? Авось со стороны виднее, чем изнутри... И вот со всеми этими предубеждениями и надеждами я подхожу собственно к тексту.

Первое впечатление – действительно пазл. Мешанина воспоминаний. Прошлое, в котором имена, события, ситуации, намеки, понятные и памятные любому «совку», соседствуют с историями, неожиданными для читателя, воспитанного на мифах о войне, оккупации и победе, – это прошлое является к бывшему партизану, нынешнему шашисту-гроссмейстеру и вечному еврею Вениамину Балабану в его стариковские рассуждения. Толпы персонажей, которые на относительно небольшом объеме книги постоянно сталкиваются лбами. Но это оправдано самим названием, или, если угодно, жанром. В пазле что-то главное выделить трудно – здесь, как в жизни, все может оказаться главным. Еврейский партизанский отряд с раввином, хедером, женщинами и детьми и выпечкой мацы. Размышления о шашечной стратегии. Брезгливые чекисты-чиновники из штаба. Анекдотические истории из мирной и военной жизни. Спорт и музыка. Героизм и грязь, грязь и героизм. Жизнь и смерть. Родные и знакомые. Советскость, вечность, местечковость. Война и человек. Не «Человек» с большой буквы, а просто человек, как вы и я. Партизанская дисциплина и партизанская вольница. Каждый день может оказаться последним, но жить нужно, и потому приходится жевать траву. А хочешь добыть продовольствие – не стоит особо церемониться с «мирным», оккупированным, населением, которое тоже себе на уме (да и не всем так уж плохо под немцами). Ну и так далее. Мало-помалу возникает то чувство несомненной подлинности, которого так не хватает книгам, привязанным к мифологемам. По любому, самому строгому счету «Пазл-мазл» – это победа Варжапетяна.

Одно замечание: хорошо бы ознакомиться с теми реальными воспоминаниями евреев-партизан, которые послужили автору источником. Он в книге о них не говорит и ссылок не дает. Может, в другой раз, в следующем издании?

יְעֹשֶׂה עֵינֵינוּ

ספר תמונות ותצלומים אי-נעים. אישיותו ויציאתו: עשורונים 1912-1914 אי. ב. יאסטרובסקי וצמד הדיינים

נ"א: יאסטרובסקי וצמד הדיינים, 2009 – 32 ע

«Лехаим» (2008. № 11) уже писал о предыдущих пяти альбомах этой серии. Теперь появился 6-

й выпуск – с фотографиями участников экспедиции и ритуальной иудаики (мизрахи, пинкасы и т. д.), с

насыщенной вступительной статьей Валерия Дымшица. Самое интересное здесь – рассказ о раннесоветской судьбе коллекции: «Какая-то часть экспонатов, прежде всего, этнографического характера вернулась в Этнографический отдел Русского музея... Другая часть коллекции отправилась на Украину, где в это время формировался мощный центр советской еврейской науки и культуры. Коллекция фонографических валиков и пинкасов осела в Институте еврейской пролетарской культуры Всеукраинской академии наук (ВУАН). Они счастливо пережили войну и годы сталинских репрессий и в настоящее время находятся в Украинской национальной библиотеке. Материальные объекты, прежде всего культовая утварь, поступили в Музей им. Мойхер-Сфорима в Одессе. Затем часть ювелирных вещей попала каким-то образом из Одессы в Киев. Извлеченные в последние годы из запасников, они сейчас экспонируются в Киеве, в Музее исторических драгоценностей Украины. Большая часть того, что было передано из Ленинграда в Музей им. Менделе Мойхер-Сфорима, пропала вместе со всей его коллекцией во время румынской оккупации Одессы в годы второй мировой войны». Ну а фотографии стараниями Соломона Юдовина и Натана Альтмана сохранились и попали в добрые руки наших питерских коллег.

יְעֹשֶׂה אִשְׁרָאֵל אֲדֹמֵרָה וְדַאֲרֵינוּ

י.: א"נ; צמד א; ווארשע, 2008 – 144 ע

Книга носит подзаголовок «Энциклопедия для детей и взрослых». Но если многочисленные симпатичные иллюстрации действительно свидетельствуют о детях как адресате «энциклопедии», то по характеру текста адресата определить довольно трудно. Вряд ли малым детям будет понятно, почему священниками могли стать «потомки Аарона... не осквернившие себя богопротивным браком (с невестенницей)». Странными представляются названия энциклопедических статей «Большая толпа» (?), «Кувшинчик с маслом», «Наслаждение субботы». В книге довольно много неточностей: «коены» называются «коганами», «бейца» – это на иврите любое яйцо, а не только то, которое кладут на пасхальное блюдо, и т. д. Приводятся глубокие сентенции: «Цадик не обязательно является реббе. Но реббе у хасидов – всегда цадик», но поскольку при этом нигде не разъясняется, кто такой «реббе», то неискушенный читатель

мысли явно не поймет. Но, конечно, кое-какие элементарные сведения из этой «энциклопедии» почерпнуть можно.

*Над аннотациями работали
Леонид Кацис и Юрий Табак*

ЛЕХАИМ ДЕКАБРЬ 2010 ХЕШВАН 5771 – 12(224)

ЛЕВИТАН: БОРЬБА ЗА НАСЛЕДСТВО

Àéàèíàé Ì íèðíàíà

Ðíàððííàéðèàà Èííàèà Èààèðàíà á Õðàðíýèíàíéé Ìéàðíà Íàííí íéèà, èàèèà ìííðí ì íðèðíàà èíèðííðàà àíéè á ìíýçè ñ àà òàíð-àíðàíí ìàðíà àííéè. Õðàíàíéé íéàçèíý çàéíàíéèíí ÷àèèð àèíèðííé, ìíàíàíààí èà àèíí è ííàíí ó íéàí á

Каталог нынешней ретроспективы открывается статьей Сергея Дягилева «Памяти Левитана». Впервые ее опубликовал «Мир искусства» в 1900 году. Текст и сегодня выглядит живым, точным в оценках и тонким в словах. Не верится, что в советские времена его называли «тенденциозным», отрицающим «связь Левитана с его предшественниками и учителями Саврасовым и Васнецовым».

С нынешней точки зрения такие оценки кажутся некорректными. Они становятся понятны лишь в системе координат советской эстетики, где Дягилев оппонировал стороннику демократического

взгляда на искусство В.В.Стасову. Левитан был скрытой темой этого спора передвижников и

«мирискусников» о назначении и формах прекрасного. Результат оценивался однозначно. Победа постфактум присуждалась Стасову, высказывания Дягилева в СССР оценивались как ошибочные. Зато сегодня статью Дягилева охотно цитируют рецензенты.

На пути к Сиону. Фрагмент.
1890 год. Израильский музей, Иерусалим

Ôðíí òíáâÿ ïíêéññà. Ì áæäó ïáðááèèæéèèàì è è «Ì èðíí èñèóññòáà»

В кругу «Мира искусства» интерес к Левитану зародился, когда круг только складывался. Левитана ценили и Сомов, и Бакст, и Нувель. С первых публикаций Бенуа и Дягилев выделяли его работы (Дягилев, например, при перечислении самого яркого на выставке первой называл левитановскую фамилию), а если и не всегда хвалили, то потому, что после прежнего ожидали большего.

Левитан же постоянно испытывал интерес ко всему новому, интерес, выглядевший порой

«болезненной жадностью»^[1]. Вот он делится с И. С. Остроуховым: «Много любопытного в статье Дягилева

– не глупый господин!» (речь о программной статье «Сложные вопросы»). Интерес был взаимным. «Мирискусники» ценили Левитана в числе передвижников, не вполне вписывавшихся в эстетику движения. Когда в 1896 году Бенуа спросили об авторах для будущих выставок современного русского искусства в Мюнхене, он начал с Левитана, члена Товарищества передвижных художественных выставок с 1891 года (при вступлении тот получил 14 голосов из 18, а экспонировался у передвижников еще с 1881-го).

24 февраля 1900 года Левитан был избран постоянным членом выставок журнала «Мир искусства» – вместе с Бакстом, Бенуа, Билибиным, Бразом, Нестеровым... В Товариществе разразился

скандал, ведь «мирискусники» обязали своих членов отдавать другим экспозициям лишь то, что отвергнут сами. Многие среди передвижников мечтали «очистить Товарищество от элементов гниения – попросту очистить выставку от всего, где есть какой-нибудь отпечаток таланта, искры божией и физиономии»

(К. К. Первухин в письме к А. М. Васнецову от 26 марта 1900 года). От Левитана и Нестерова потребовали

определиться с отношением к передвижникам. После долгих раздумий те ответили на запрос коллег. Они решили не писать заявления о выходе. Для Левитана, мучительно переживавшего необходимость любого выбора, это были не самые легкие дни. «Его мягкая, нежная натура вообще не была приспособлена к резким выступлениям, – считал Д. Философов, – и кроме того, он уже страдал тем недугом, который вскоре свел его в могилу». Вряд ли из этого следует, как то предполагают некоторые авторы, будто ситуация выбора оказалась роковой для слабого здоровья художника и сократила дни его жизни.

Решение остаться в обоих противоборствующих лагерях не отменяло кризиса. Вопрос оставался открытым. Позднее Нестеров формулировал его в тональности неразрешимого: «Как это получилось, что я и Левитан, которые в ранние годы были почитателями передвижников, позднее очутились у них в пасынках? Несомненно, мы стали тяготеть к новому движению, кое воплотилось в “Мире искусства” Дягилева и Александра Бенуа. Среди передвижников к тому времени остались нам близкими Суриков, Виктор Васнецов и Репин, да кое-кто из сверстников».

Левитан оказался на двух стульях. Он участвовал одновременно и в выставках «мирискусников», и в Передвижной, с которой не собирался порывать и куда отдавал, на взгляд Бенуа, «более значительные свои работы», «тогда как Серов почти не скрывал того, что “передвижники ему надоели” и что его тянет к какой-то иной группировке, подальше от всего, что слишком выдает “торговые интересы” или “социальную пропаганду”»[2].

**Осенний день. Сокольники. Фрагмент.
1879 год. ГТГ**

В письме к ученику Б. Н. Липкину Левитан признавался: «Вот Серов увлекается Дягилевым и "Миром искусства", а я что-то не очень. Все-таки Передвижная солиднее и как-то народнее, роднее. Ее нужно только немного омолодить»[3]. Кажется ли он сам «роднее» передвижникам? Насколько верно утверждение, будто «Левитан был прочными узами связан с Товариществом и никогда не изменял ему»?[4] Репин не очень ценил раннего Левитана, в письме к Третьякову высмеял один из шедевров студенческой поры, «Осенний день. Сокольники». Позднее он раскритиковал полотно «У омута». В итоге художник переписывал воду в уже приобретенной (!) Третьяковым картине. Другие коллеги тоже не лучились

доброжелательностью. Так, член-учредитель Товарищества К. В. Лемох, увидев «Над вечным покоем»,

изрек: «Как жаль, какое большое полотно, сколько труда положено художником – и все для простого пейзажа!»

Стасов также не жаловал пейзажи. В работе «Искусство XIX века» он пророчествовал: «По моему убеждению, пейзаж должен, рано или поздно, воротиться к первоначальной и истинной роли своей, – являться только сценой человеческой жизни, постоянной спутницей, приязненной или враждебной, его существования. Пейзаж должен перестать быть отдельной самостоятельной картиной». Не потому ли так чуждо смотрелись на передвижнических выставках полотна Коровина и Левитана, «которых широкая публика не желала признавать» (Бенуа)?

Экстравагантные суждения хороши, пока они не претендуют на статус нормы. А с широтой вкуса у передвижников были проблемы. Третьякова, который купил восхитившую его «Девушку, освещенную солнцем» Серова, Владимир Маковский язвительно спросил: «С каких пор, Павел Михайлович, вы стали прививать галерее сифилис?» Как замечает исследователь, «творческое лицо Товарищества старательно оберегалось, и на выставки допускались преимущественно произведения тех художников, которые разделяли эстетическое кредо объединения»[5]. Примером стагнации стало и решение избирать в Совет, определявший политику всего движения, лишь членов-учредителей, ни разу не выходявших из Товарищества (решение метило в Репина, постоянно бунтовавшего против бюрократизации передвижников и временно покидавшего их ряды). Новых членов в Товарищество принимали неохотно, отказали даже Верещагину. Иначе как мракобесием не назовешь и нежелание передвижников видеть в своих рядах женщин. В итоге из Товарищества вышла группа младших передвижников, в частности, Серов, Нестеров и А. Васнецов, создавшие Союз русских художников.

Передвижники сами понимали, что Товарищество «стареет и отстает от искусства... фонды наши падают, число посетителей убавляется год от году, и молодые силы, как Левитан, Серов, уходят от

нас. Жутко, право!» (из письма А. А. Киселева к К. А. Савицкому). При этом у Левитана были хорошие

отношения со многими коллегами. Так, Павел Брюллов посодействовал, чтобы зимой 1893/1894 годов Левитан получил разрешение на постоянное проживание вне еврейской черты оседлости (Левитан покинул Москву осенью 1892 года в связи с массовым выселением евреев из города; любопытно, что в январе 1894-го московский генерал-губернатор вел. кн. Сергей Александрович, введший этот запрет, покупает его пейзаж «Забывтое»). Но в рамках академизирующей институции дышалось нелегко, ее апологеты, казалось, не понимали в художнике главного. Тот же Стасов вроде бы хвалит: «Левитан, автор целого ряда великолепных русских пейзажей, необыкновенно поэтических, но почти всегда очень меланхолических...» – и к чему здесь это противопоставление? Как оно соотносится со стремлением склонного к слезам Левитана спровоцировать приступ меланхолии, с его желанием порой «прочитать что-нибудь такое, что вызывало бы страдание и грусть. <...> «Мы найдем настроение, это так хорошо, так грустно – душе так нужны слезы...» (из воспоминаний Коровина)?

Левитану было в чем чувствовать «тупики» передвижничества (определение Сергея

Маковского). 5 мая 1899 года он печалится А. В. Средину: «Вы хотите узнать, что делается в

художественной России, – да очень мало, кроме интриг, злобы и непонимания друг друга! Здесь нелегко живется. Вероятно, образуется новое художественное общество (это самое утешительное за

последнее время), образовавшееся из кружка Дягилева; в нем будут членами Серов, Трубецкой, Корови<н>, я и мн<огие> дру<гие>, пока еще не совсем околевшие люди»[6]. Позднее он писал о «мирискусниках»: «Я всей душой с ними и за них».

Даже эволюция, происходившая с внешним обликом Левитана, уводила его от передвижников. Нищий художник в молодости, в 1890-х годах он все больше ценил артистизм в одежде, всем своим видом демонстрируя богемную зажиточность. Оксюморон не отменяет поэтичности; внешнее с трудом корреспондировало с внутренним, но факт красноречив: если о молодом Левитане ходило немало анекдотов, то о позднем их почти уже не было.

Валентин Серов за работой над портретом Исаака Левитана. 1892–1893 годы

Ἰ ἐδῆτῆ ἀεὶ ἀῶ, ἐεὲ χάετῆ ἰβλάε ἰῆεῶ

У Бенуа есть сравнительное описание Левитана и Серова. Он пишет об однородности впечатления от обоих, причем это касалось не внешнего (в Серове тоже была еврейская кровь, но вида он был совершенно русского): «Левитан имел прямо-таки африканский вид: оливковый цвет кожи, и густая черная борода, и черные волосы, и грустное выражение черных глаз, – все говорило о юге... Всей своей натурой, своими спокойными, благородными жестами, тем, как он садился, как вставал и ходил, наконец, тем вкусом, с которым он одевался, он сразу производил впечатление “человека лучшего общества”. Этому впечатлению светскости способствовал и его несколько матовый голос, и его легкое “картавление”, отдаленно напоминавшее еврейский говор. При всем том, если Левитана никак нельзя было считать за “буку”, то все же он еще менее, нежели Серов, был расположен к излипаниям, к интимному контакту, он еще определеннее отстранял людей от себя, “держал их на дистанции”. В нем была некая, не лишенная, впрочем, грации важность (тоже восточного типа), и мне говорили, что он не оставлял ее даже в общении с близкими друзьями при самых откровенных беседах. Говорили, что именно эта черта “сводила с ума” женщин, и еще более сводило их с ума то, что всем было известно о его многочисленных победах. А последние годы ни для кого не был секретом его длительный роман с одной светской московской дамой, доставлявший ему много мучений и приведший его к попытке покончить с собой. В общем милый и сердечный человек, Левитан носил в себе печать чего-то фатального, и глядя на него, трудно было себе его представить “сидящим на натуре”, “скромно и тихо” ею умиляющимся, старающимся <...> не вязалась эта наружность с тем, что было в его пейзажах здорового, свежего, задушевного и “откровенного”...»

Сопоставление Левитана и Серова случалось нередко. Владимир Курбатов, химик и искусствовед, так вспоминал встречу с художниками: «Оба они разговаривали как бы лениво, без всякого блеска, но очень просто и в то же время высказывали очень удачные характеристики мастеров»[7]. Такая манера поведения если не отделяла, то уж точно выделяла обоих. Но если Левитан начинал говорить нелениво, это запоминалось.

Его излюбленным словом было «крокодил». Оно суммировало массу значений и применялось то для создания образа (у Коровина: «Левитан обвязывал себе голову мокрым полотенцем с холодной водой, говорил: “Я крокодил. Что я делаю – я гасну”»), то оказывалось для говорящего решающим аргументом в споре. Как-то студент-медик упрекал Чехова в безыдейности. Левитан спросил:

– Вот у меня тоже так-таки нет никаких идей... Можно мне быть художником или нет?..

– Невозможно, – ответил студент, – человек не может быть без идей...

– Но вы же крокодил!.. – сказал студенту Левитан. – Как же мне теперь быть?.. Бросить?..

– Бросить...

Но и передвижники, и «Мир искусства» ценили идейных людей. А Левитан мало того что не любил говорить о живописи и скучал от чужих разговоров о ней, он вообще считал сложной проблемой рисование заборов. К людям же не испытывал интереса (дружба с Чеховым скорее исключение), потому и к портретам относился пренебрежительно: «Я не могу, я не хочу знать человека, зачем мне его кости?»

Как же артикулированному художественному движению присвоить такого? Когда Бенуа пишет, что «в истории русской живописи, пожалуй, и не найти мастера, более независимого, более самобытного и самодовлеющего, чем Левитан», и объясняет этой независимостью желание уйти от передвижников, он забывает о способности оружия обернуться против своего владельца. Тяга к независимости не давала бы Левитану возможности стать «своим» в любой группе, которая навязывает реальности свою идеологию.

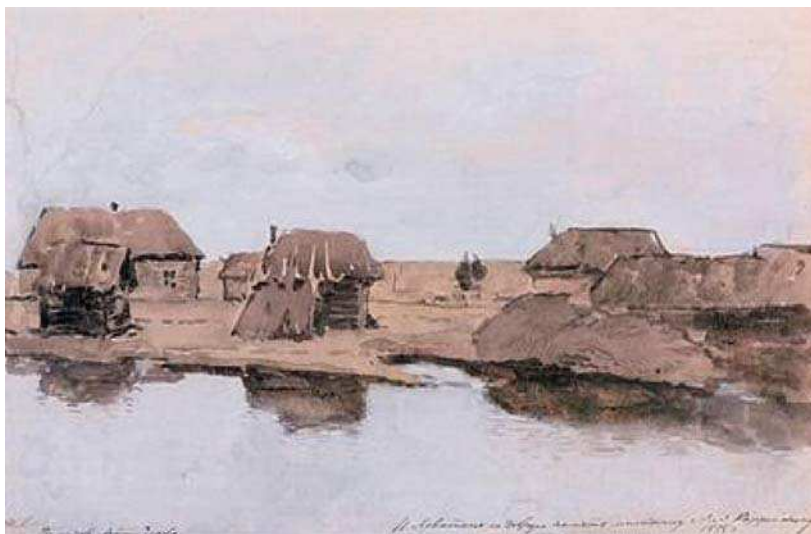
В окрестностях Саввино-Сторожевского монастыря. Фрагмент. Середина 1880-х годов. Израильский музей, Иерусалим

Ἰῶάννης Αἰῆτίη ὁ

Что приятно в любом наследии, это его двойственность – помимо духовной, еще и материальная составляющая. Наследие Левитана оказалось сюрпризом. Открытия продолжаются, но местонахождение многих работ до сих пор неизвестно. О некоторых картинах и рисунках в России узнали только после 1991 года, когда в Тель-Авиве прошла выставка произведений Левитана из израильских коллекций, в том числе частных. Так, в Израильском музее искусства и археологии в Иерусалиме хранится более десяти произведений Левитана, включая шесть картин, две пастели и акварель. Большая их часть – из семьи сестры художника Терезы (та, вероятно, получила их от брата Адольфа, наследовавшего, в частности, 40 полотен и 300 рисунков из мастерской художника; позже многие владельцы картин Левитана, передававшие их устроителям посмертной выставки 1901 года, оговаривали, что часть вырученного за билеты должна отчисляться в пользу многодетной Терезы, у которой было 13 детей). После войны работы передал Израильскому музею сын Терезы Петр Бирчанский, живший тогда в Париже. Среди переданного

была и акварель «Мелихово. В усадьбе А. П. Чехова», показанная на выставке 1901 года, ее репродукция

появилась в монографии Грабаря 1913 года, с тех пор ее следы затерялись. Две пастели, «Белые сирени» и «Иммортели. Натюрморт с бессмертниками», и вовсе не были известны российским специалистам.

Мелихово. В усадьбе А. П. Чехова. 1895 год.

Израильский музей, Иерусалим

Показ этих работ на Крымском валу – одно из главных событий московской выставки, в каталоге им посвящена обстоятельная глава. О тех, кого любишь, всегда хочется знать больше, – а Левитан, судя по очередям в Третьяковку, по-прежнему «наше все».

Влияет ли количество сохранившегося на отношение к художнику? Время способно свести иное творческое наследие к минимуму. Применительно к Левитану такие рассуждения не кажутся абстракцией. Не исключено, что и в каталоге следующей его ретроспективы также будет глава о найденном недавно. Но не нужны ли иногда пробелы в творчестве, чтобы что-то понималось лучше и неизбежные домысливания открывали бы возможность новых горизонтов? Искусство – не только и не столько история биографий и стилей, это, скорее, жизнь читающего и смотрящего, жизнь, в которой паузы и темнота порой не менее важны, чем свет и движение.

Выставка в Москве открыта до 20 марта 2011 года.

^[1] **А. Турков. Исаак Ильич Левитан, М., 1974. С. 118.**

^[2] **А. Н. Бенуа. Мои воспоминания. В 2-х тт. Т. 2. М., 1990, С. 191.**

^[3] **И. И. Левитан. Письма. Документы. М., 1956. С. 219.**

^[4] **Ф. С. Рогинская. Товарищество передвижных художественных выставок. М., 1989. С. 313.**

^[5] **Ф. С. Рогинская. Передвижники. М., 1997. С. 14.**

^[6] **И. И. Левитан. Письма. Документы. М., 1956. С. 97.**

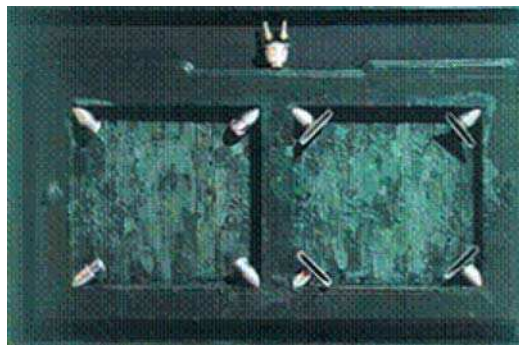
^[7] **Цит. по: С. П. Яремич. Оценки и воспоминания современников. Статьи Яремича о современниках. В 3-х тт. СПб., 2005. Т. 1–2. С. 81.**

ЛЕХАИМ ДЕКАБРЬ 2010 ХЕШВАН 5771 – 12(224)

ЕЩЕ ПОСМОТРИМ

«Ī īēā ääéñò àèÿ»

Ī īēāā, ôīīä «Āēàòàðēíà», äī 10 ääéäáäÿ»

**Игорь Макаревич. Бейт. 1989 год. Москва. Собрание Екатерины
и Владимира Семенихиных**

Большая, если не сказать огромная, на три этажа, выставка знакомит с историей московского концептуализма, едва ли не самого известного вклада на закате советской власти в мировую историю искусства. Хотя Третьяковская галерея отказалась участвовать в выставке, экспозиция получилась фундаментальной, охватывающей творчество всех классиков течения.

Помимо собственной коллекции фонда, представлены и музей МАНИ, и ряд государственных и частных собраний. Здесь Эрик Булатов и Виктор Пивоваров, Илья Кабаков и Константин Звездочетов, Виталий Комар и Александр Меламид, Юрий Альберт и Владимир МIRONENKO. В залах «Екатерины» много документальных фотографий, представлен и хрестоматийный альбом Вадима Захарова и Георгия Кизевальтера «По мастерским», запечатлевший в начале 1980-х жизнь неофициальной московской богемы.

Многие ее представители в брежневскую эру вынуждены были эмигрировать, в том числе и по еврейским визам. Споры, по-прежнему ли актуален концептуализм, не прекращаются и сегодня.

Последним аргументом сторонников движения оказался выбор российского участника венецианского биеннале 2012 года: им стал Андрей Монастырский, один из героев «Поля действия»; куратором павильона объявлен теоретик движения Борис Гройс.

Дай а Еяеее

И ипеаа, Едаи еу, аи 10 уи аады

**Рене Лалик. Воротничок с петушками Шантеклер. 1909 год.
Частное собрание**

Один из самых интересных ювелиров Новейшего времени занимался – как и Фаберже и другие знаменитости – не только брошками, кольцами и подвесками, но и более крупными формами. На выставке в Успенской звоннице показывают его флаконы для духов и вазы, настольные украшения и лампы.

Любопытно, что работы Лалика (1860–1945) показывали еще на первой международной выставке «Мира искусства» в 1899 году в Петербурге (за год до этого Дягилев писал Бенуа, что «всегда считал [Лалика] человеком крайне талантливым»). В 1903 году Лалик участвовал в выставке «Современное искусство» на Большой Морской, позже им восхищался Луначарский. Но персональную выставку в России устроили только теперь.

Половину из 200 работ предоставили частные коллекционеры, важнейшая часть экспонатов происходит из собрания Шай и Шаксиу-Лин Бандман из Израиля.

Γάραυ Ἀδ Ἀάει

Ἰ ἱηῶν, ἄεῶδῶ «Ἀδ Ἀάει», ἄἱ 25 ἄῶῶῶῶ. Ἐῶεἰ ἄῶῶῶ ἱ ἄἱ, ἄ 2/4, εἰ ῶἱ. 4

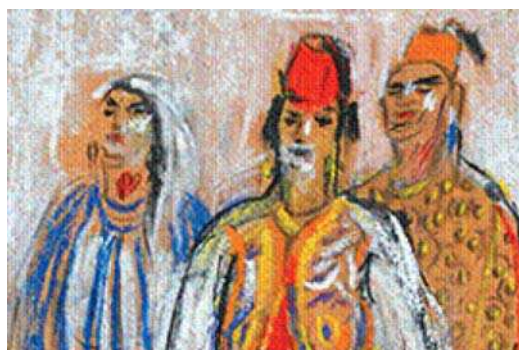

Александр Бенуа. Эскиз к балету «Петрушка». 1939 (?) год
Коллекция Ravenscourt Galleries

Более полусотни картин, графических работ и скульптур начала века посвящены эпохе ар деко, ее истокам и ее влиянию. Среди выставленного – редкие, а то и никогда не показывавшиеся публике произведения из частных коллекций, среди авторов – Наталья Гончарова и Сергей Судейкин, Борис Кустодиев и Григорий Глюкман. Подзаголовок выставки – «Прививка варварства: от русских балетов к декоративному стилю» – определяет театральный характер многих работ, от графики Бенуа и Бакста до многочисленных фотографий начала века, запечатлевших звезд «Русских балетов» (коллекция Леонида и Анны Вайнштейн). Особый раздел посвящен скульптуре ар деко, лишней раз доказывающей, насколько были популярны в ту эпоху танцовщики и танцовщицы. Пьер Лорель, Дмитрий Чепарус и многие другие авторы запечатлели персонажей «Шехерезады» и других балетов.

Υῆυῶ Ἐἰηῶῶ Ὀρῶῶ

Ὀῶἱ εῶῶῶ, Ἀἰῶῶῶῶ ἰ ὄῶῶ, ἄἱ 9 ῶἱ ἄῶῶ

Эльзе Ласкер-Шюлер. Фиванские новобранцы. 1927–1933 годы Еврейский музей. Франкфурт-на-Майне

Историки экспрессионизма ценят Эльзе Ласкер-Шюлер (1869–1945) в первую очередь как первоклассного поэта и писательницу, в меньшей степени известны ее рисунки. Так сложилась посмертная биография, в которой литературное наследие потеснило ее художественное творчество. Но недавно опубликованный франкфуртским «Еврейским издательством / издательство Suhrkamp» указатель произведений Ласкер-Шюлер, подготовленный Рикардой Дик, позволяет восстановить историческую справедливость в отношении ее живописи. Этой же цели служит в итоге и нынешняя выставка, собравшая полторы сотни рисунков и коллажей, а также рисованных открыток и графики из писем. По ним видно, насколько, с одной стороны, сильным было влияние на художницу Франца Марка и Эрнста Людвиг Кирхнера, с другой – как самобытен ее собственный мир. Населенный как вымышленными персонажами,

- *Αἰσθητὸς οὐκ ἔστιν ἀκούσιος - אַיִדֶּוּ דִּי צַיִן מִי. - Εἶσα δαχαεεεῖν Νῆρ, ἰεααεῖν ἰ:αῖ ἰ ἰῖα ἀδῖαῖ ἰῖο γαῖε - ὁ ἀπῶαδῖοα ἰα αῖεῖ ἀαῖα ἰα εῖ ἢαααεῖα Ἐ αῖ ἰῖαεῖν ἰῖαῖ ἢ ἀααεῖε ἰαῖεῖ ἰ ἰααα:α οῖεῖ ἰαεῖοῖοῖο γαῖε - ααε ἰαγαεεῖν εῖ ἰοῖα ἰῖοεῖαοῖ ε ἢαααεαοῖ Ἡ αῖ ἰααοεε οῖαα αῖεῖ ἰαῖ ἰῖα οαε ἰῖοῖ ὁ :οῖ ἢοῖα ἰ αῖεα ἀαῖα Ἡαῖαῖ γ αε αῖοῖ οῖεῖαε γ αε γ δαχαε οε γ αααεῖε οῖε ε αααεῖε ἰαααῖαοαεῖν ἰο ἰοῖαῖ ἰ, εῖοῖοῖα ε ἰ ἰ αῖο ἰ ἰαῖ ἰδεαα α ἢοῖα ὁ οαε ἀαῖοαῖαε. Οαε δαῖοαεῖ ἀῖεῖοεῖ ἢοῖα ἰαεε οῖε, ἀαῖοαῖαε ἰοῖαῖ ἰ α «Νῖοα».*

Созидательная филология. Мидраш в современной литературе и кино. Проект «Эшколот» в институте «Стрелка». 7 ноября 2010 года

ἰ ἰ ἰ ἈΕΑΑΑἰ Ἐ×ΑΝΕΕἰ Ἰἰ ὈΕΕἰ

Центр «Сэфер» к моменту открытия в России программ «Ави Хай» уже существовал в Москве, но благодаря фонду получил новое развитие – еврейское академическое образование в российских вузах. «Сэфер», располагающийся в здании Российской академии наук, бессменно возглавляет Виктория Мочалова, создавшая то, что называется «зонтичной организацией». Под этим «зонтиком» она собирает профессоров, академиков, студентов – всех, у кого есть интерес к академической иудаике, и создает для них новые форматы обучения. Здесь и мини-школы на 10–20 дней, и короткие стажировки студентов.

На базе Центра изучения Еврейской цивилизации при Институте стран Азии и Африки и при поддержке фонда «Ави Хай» профессор Аркадий Ковельман создал первую в стране кафедру иудаики. Ее выпускники получают дипломы МГУ – прежде об этом нечего было и мечтать. Кроме кафедры в МГУ, есть Центр иудаики в Петербургском университете. Им руководит профессор Игорь Тантлевский. Последнее время Центр прилагает огромные усилия по созданию кафедры еврейской культуры на базе Петербургского государственного университета.

- *ἰ ἰ οαεαε, - אַיִדֶּוּ דִּי צַיִן מִי, - :οῖ γοε ἰα:εῖαῖε γοεδῖεε ἰαῖ gate way - ἰοῖοῖα ἰ ἰαῖ ἀαεοῖδερ. ἰ ἰοῖο ὁ :οῖ ἰαῖα ες αῖα ἰαεῖ ἢοαε ἢαααοῖ αααεῖεῖ αεαῖ ἰ α ἢῖε αῖ ἢοοῖε - αῖῖααῖαῖα γ ἰῖαααεεα ε δαῖεδαῖεα αεααῖ ε:αῖεε ἢοδεοοδ. Αῖε αῖ ἰαῖ ἢοῖεε, εοῖ ἰαῖα:εααο εαεοεῖ εαοεῖ αααα α γοῖε ἢοῖαῖ, γ αῖ ἰοααεε: ἢ ἰαῖε ἢοῖοῖο, Ὀααα - αῖα, :οῖ ααεαο δααεῖ Ααε Εααο ε εῖαε, δαῖοαῖεα ἢ ἰεῖ. Ἐ ἢ ααεῖ ἢοῖοῖο, οῖ, :οῖ ααεαο αεααῖ ε:αῖεε ἰ εδ ε αεαῖααδ γ :αῖ ο αααεῖεῖα ἰαααῖαῖεα αῖῖδεῖεῖ ααοῖ ἢαῖαῖ εαε :οῖ-οῖ ἰαῖ:ἰῖα Ἀῖα ἀῖεῖα δαῖγο οῖογο ερ:αοῖ εααεεα Ἐ ααεα αῖε εοῖ-οῖ ο:εοῖ ἰα ααῖα ὁαεεῖοαοα ἰ ἰ ἰαεο ἰῖααοῖ εαῖα εααεε. ἰ ἰ ἰῖαααεααῖ ε ἰοῖῖαααοαε, ε αααεῖεε ἢοαῖαῖα: οα εοῖ ἰῖοοῖε α ἰ ἈΟ, αῖοῖαῖ ἰῖοααεοῖ ἰ γοῖεαο ἰα ἰαο:αῖεα ε ἰῖε:εοῖ αεῖεῖ ἰ ἰαεαῖο ε αεααῖ ε:αῖεε αααεῖεε Ἰ ἰ εε.*

– Где они работают?

- *ἰ δαῖῖαῖο, ερ:αῖο αεααῖ ε:αῖεε αααεῖεα οαεῖοῖ... Ὀα εοῖ δαεε ἰῖαγοεοῖ ἢαγ ἰοῖῖαααῖεῖ, δαῖααεαῖο ἰ ἰ αῖαῖ αῖααῖ ἩἩἩ ἢ ἰεῖε-εοῖαῖε. Ἀ ἰ ἈΟ ἢαῖαῖ ἰαεῖ γαῖεοεοῖ αεῖῖαοαεῖ ἰ ἰ εααεεα - γοῖα ἰα αῖεῖ α ἢῖε ἰεεῖα, ἰε αῖ, ἰε ἰῖεα δαῖεῖοε. ἰ ἰ ἢοε, οῖ, :οῖ ἰοῖεῖαεο ἢαῖαῖ, - ἰαῖοῖγῖαῖ δαῖεῖοε γ αααεῖεε αεαῖε α ἢῖε. Εοῖ α οῖα, αῖῖεῖεε γοῖε εαοαοῖ γααεῖοαῖαῖ ε α ἰ ΕΑΑ ἢῖεεῖεῖ Οαααοεε, ε α ἰῖεῖοαῖ ἢῖε α*

Èçðàèèá Áíèè ðàííòá, èíáá àèíèíí àèè-àíèèá íòííòáíèý í àèáò Ì ííèáíè è Èáðííàèèííí áíèè òíèèèíí áíííòáííàèáíí, á ðííèèèèíí íííèèííòáá á Èçðàèèá ðàáíòáèè àèááííí íáðàçíí áðààèííòí ííááðíèíè çàèàèè, òí ííáííý íèðòáàèèý í áíýáòííý.

На еврейских специальностях, конечно же, учатся не одни евреи. Да, поддержка «Ави Хай» распространяется только на еврейских студентов, но программа рассчитана на всех. По мнению руководителя «Ави Хай» в России, это тоже принципиально:

- Á íèíðáíá àèáááí è-àíèíáí íáðàçíááíèý íáíðààèèííí ðàçáàèýòíí èðáàè íí íáèèííàèèíííòíýí. Èç 142 í èèèèííá èðáàè, àèááòèèò á ðííèè, íðíòáí ò ááðàèíèíá íáíèáíèý ííáííý í-áííí àè. Í áááðáíýí áíèáííí áíðòíííáí è èíí òíðòíí. Ì ù áíèáííý áðáááðáá íííèíí àòíí Ñí í ííè çááííí í ííèáá íííðýò, íí ý áááèááí, -òí áíèè íáááðáè óíááò ííáðíáíííòè ááðàèíèíè èíðíðèè è ááðàèíèíè àèèçíè, àèý ááðááá ýòí ááðíèííáí íá àèááá.

Директор центра «Сэфер» Виктория Мочалова и Дэвид Розенсон на первом семинаре из мини-цикла Jewgendstil – «С Фрейдом за бейглом» в клубе «Улица ОГИ». 19 января 2010 года

ÇÍ ÈÍ ÒÀВ АЕÈÈÁ

– В 2004 году, в сентябре, – вспоминает мой собеседник, – открывалась книжная ярмарка на ВДНХ. И тогда я познакомился с главным редактором в то время «Книжного обозрения» Александром Гавриловым. Договорились о встрече. Я ожидал увидеть пожилого человека с перхотью на воротнике, и тут заходит Саша, одетый намного лучше меня... Мы говорим долго, и выясняется, что он один из организаторов ярмарки. И возникает идея сделать на ВВЦ Фестиваль израильской еврейской книги – не в рамках одного дня, который считается днем этой страны, а в масштабе всей ярмарки. Почему-то мы на это пошли. И привезли в Москву три тысячи еврейских книг – на французском языке, итальянском, английском, ладино... Все, что было издано на русском. Привезли Меира Шалева, Давида Гроссмана, которые доказали, что израильская литература – это не штегл, что она может на профессиональном уровне конкурировать с литературой мировой. Мы пригласили сделать наш стенд известного дизайнера Бориса Краснова. Открывать его приехала Людмила Улицкая. Прибыли первые лица государства, раввин Берл Лазар. Но то, что мы видели на выставке, было малой частью происходящего вокруг. Экспозиция заканчивала работу в семь, а после этого в интеллектуальных клубах Москвы – «ОГИ», «Билингве», «Доме», «Клубе на Брестской» – начинались мероприятия, связанные с современной литературой разных стран – Японии, Германии, Франции... С помощью Линор Горалик и Юрия Сорочкина был создан некий формат, который позволил, не меняя характера клубов, вписать в эти мероприятия вечера на еврейские темы. Приехал – впервые – знаменитый каббалист Моше Идель. Все помещения были забиты молодежью, я думаю, не только еврейской. И мы поняли, что нашли свою золотую жилу.

ÍÁ ÒÍ ÈÜÈÍ Í ÐÍÇÁ

Тогда была запущена программа «Эшколь», которую придумали Линор Горалик с Юрием Сорочкиным, объединив проекты в области литературы, культуры и еврейских СМИ. И началось издание

книг. Специалисты из разных стран помогали выбирать эти книги. Писатель и переводчик Асар Эппель придумал гениальное название – «Проза еврейской жизни». Среди авторов – подозрительно высокий процент нобелевских лауреатов. Но не за то их выбирали.

Среди самых первых изданий были книги Агнона и Исаака Башевиса Зингера. И его брата Исроэла-Иеошуа Зингера, по убеждению Розенсона писателя даже более сильного, чем его брат, просто умершего молодым. Недавно вышла его «Семья Карновских», скоро выйдут «Братья Ашкенази». Издано много книг Меира Шалева, который стал в России настоящей литературной звездой. И очевидно, что еврейские книги представляют интерес не только для евреев. За границей многие из этих книг – давно признанная классика. Скажем, «Детей Бронштейна» Юрека Бекера, недавно изданных в Москве, немецкий «Гете-институт» предлагает студентам к изучению как образец лучшей немецкой прозы конца XX века.

- В ааи аіеіаа іеіаеа - ааідеа і іа даааеі Діцаі ііі, - а і ііеааі еа іуау - ааіауеаа і іу аеааіаіі о-ааіааіі а еіеаііе уаі адеа «Non-fiction», еіаіаау іааііаеаііу ааі ео-оа В іааеіааіа, еае даііауаііу іаеа еіеае, е ааі аі, -оі, і іааа ааіау і іу іа іааіа і дааеііі і іаааеа уаа іадеі. Уаі іа іаіа, уаі ііуеу. Е ааеа і іааа ааіау ааіі аа ео-оа, аае аа і іу ааеа ае -іа-оі еіу, еае і іу іааеае іі «х аеіаііе еіеаеае».

Живая атмосфера первого семинара из мини-цикла «С Фрейдом за бейглом» в клубе «Улица ОГИ» полностью соответствует стилю edutainment – «обучение как развлечение». 19 января 2010 года

«Чейсовская коллекция» – это более серьезно. Не только художественная литература, но и научно-популярная, в частности книги об иврите и идише, труды, рассказывающие о важных моментах еврейской истории... В этой серии вышла, например, книга Даниила Хвольсона «О некоторых средневековых обвинениях против евреев», о которой Розенсон не может говорить без восторга. И фантастически интересная «Последняя Любовь Кафки. Тайна Доры Диамант» – о последней возлюбленной Кафки.

«Чейсовскую коллекцию» тоже спонсирует «Ави Хай» – но не он один. Фонд дает половину средств. И параллельно издается детская книжная серия «Кешет» – «Радуга» в переводе с иврита – и здесь фонд тоже не одинок, есть местный спонсор, который поддерживает эту детскую литературу. А несколько недель назад меценат Вадим Аминов стал новым партнером в издании книг по еврейской истории. Эта книжная серия будет названа в честь его семьи.

- Еіааа аа ііаеаа іі-ааііе іаі-ааіаі іааеііеіе еіаідеа, аа іаеааеіі іааеаааааааааа іі оаеіаіе, іаіеаііііі е ееа іі оаеіааііеіе ііуеаеа, ееа іі оі-еае ааіеу аіаеаеааеііеіе е аіаеаааеііеіе. Е іііеааіеа оае і аауаа о іаа іаіаіеааеііу і аеааіааіаііе іааа о іі ііаіаа оіа, еаеа еіеае і іаа ааіау еааііу а уаіе іадеа. х ааа 10 еаа оіа ааеіааііу, е іааіау іаіа ес іаеае оаеае - іаеае аіаіеііу іаааіаіа оаа, еаі іаеаа іаі іа іа аіа. Аа, ііеіа «Аае Оае» ааіаеа. Ііу аааааааааааааа, -оіау е ааіауааа ііеіаа ііаааеіі іаіе іаа. В оіае аа ес іаеааау іааііа, еіаіаіе оае еіауа ііеаеае, ііу а уаіі ааеааі. Е ііаіі о іа і іаа іа даііеааау і іааіа іаіаеаа, еіаіаіааау і аіу і-аііааеііу. Іааіае ес іеа ііуаі іі Еіааіааіі.

Семинар из цикла «О букве и духе еврейской магии», прочитанного Марией Каспиной в клубе «Улица ОГИ». 23 сентября 2009 года

В СЕТИ И ЗА ЕЕ ПРЕДЕЛАМИ

Тут самое время вспомнить, что подход к работе «Ави Хай» на всем пространстве СНГ в корне отличается от американского или израильского. Там, если возникает идея, собираются человек 15–20, которые и реализуют проект. Здесь важно найти одного, посмотреть на его потенциал, понять, в чем состоят его интересы, и оценить, на что он способен – вместе с фондом.

Проекта в области Интернета, который, как верно отметил Розенсон, в странах СНГ и Балтии развивается быстрее, чем в любой другой стране мира, эта практика тоже коснулась. Интернет-портал Booknik возглавил Сергей Кузнецов.

- В пикантнй іа гіаp, - і dіаітeаааd Dісuіmі, - аdіаeō еі dаdіаd-пaeō іа іа аdаeітeа dаі u, еі dіdіа і dаeааeē аu пdіeū eēdіeē іа dі, dіаіаі u аeітeітeē ē аіаіd ааd іdіа 550 оuітї- ііпdеdаeаē а і аітї - ґ іа іаeааe, ±оі аааd dаeіe dіаа. Eđi а ґoіаі, іа пdаіeōа Booknik АEііdаeōа - ііа іа dіааdітї «Dаeē аа» 28 оuітї- ііпdеdаeаē, ē аіdі пdаіeōа а Facebook, іа еі dіdіp ііпdіуііі ґаdіауd іeіeі ±аdіdаd оuітї- ±aeіаe. Eіаа і u епіeаііаeē пdаа ґeēō еі dаdіаd-піаіааdа, аіуіп eēіпї ±оі 130 оuітї- аа о-аіdіeēіа - eс Dіпeē, 100 оuітї- - eс Oēdаeі u, 30 оuітї- - eс Eсdаeēу, 40-45 оuітї- eс NОА ē іііа і іаd eс аdіаeō пdаі. А пdаіаd і dеаeēdеēē - і і іуоі-пaі u оuітї- а eаeаіe.

Писатель и журналист Линор Горалик беседует с литературным деятелем Александром Гавриловым во время заключительной встречи первого сезона проекта «Эшколот», семинар «La Gaya Scienza: теория и практика кросс-форматного образования». 26 июня 2009 года

Помимо сайта Booknik существует бумажная версия – «Booknik Reader» с тиражом более 50 тыс. экземпляров. Его запустили, понимая, что многие заинтересованные лица в сети его не заметят, а в кафе или ином общественном месте – прочтут. В нем нет оригинальных статей – только the best of the best из сайта. «Booknik Reader» читают не только в России, по подписке – а на газету можно бесплатно подписаться на сайте, – он расходуется по всему миру: в США, Израиль, Германию и т. д.

А второй проект был начат два года назад. Как и в случае с сайтом, его должен был возглавить человек из России. И связан проект был с развитием программы «Эшколь».

- Ἄ «Υπερέα» αὐεῖ ἡεεσεῖν ἰ ἱῖᾶ δαγαεεαοαεῖν ἱῖᾶ. Ὁ ἱῖᾶ αεῖ ἰ ἰ-οᾶ ἡῖαοῦ ἰ ἰδῖαο, ἂ εἰοῖοῖ ἱῖααῖαοαεῖν ἂ ἡῖαοαεῖν ἱῖᾶ ἂ ἰ ἰδῖαοαεῖν ἱῖᾶ δαγαεε-αῖ εἰ. Ἐοο ἡῖ ἰ ἱῖαα ἡ ἱῖααεῖν εεῖν ἡ ἡῖᾶ ἂ ἱῖ ἱῖαοαεῖν, οἱαεῖ εοαοῖεῖ ἰ-αεῖῖαεῖν, ἱῖεο-εαοεῖ ἡῖααῖα ἱῖααῖαεῖ ἂ Ἐοαεεῖ ἡῖαοαεῖν ἱῖ ἰ ἱῖᾶο ἡῖαεῖν. Ἐ οδὲ ἡῖᾶ ἱῖαα ἰ ἡ ἡῖαεῖν ἱῖῖῖοεο taste of - «εεῖ ἱῖ ἰ ἰδῖαο». Ἐ ἱῖααεῖ ἰ ἰδῖαο ἰ ὁ «Υπερέο». Ἰοῖ ἰ ἡῖῖδὲοδὲ, εἰοῖοῖῖᾶ ἰ ἰδῖεῖῖῖᾶο ἂ δαῖῖῖο εεοαο, ἱῖ ἱῖῖαοαεῖν ἱῖᾶ ἱῖ εο-αῖ εἰ ἡῖῖαῖ ἡῖ ἡῖαεῖν εοαεῖν ἱῖ. Ἐ οῖᾶ οἱαεῖ ἡῖοαεῖ ἰ ἰδῖαοαεῖν ἱῖᾶ εῖῖαε. ἱῖῖῖαεῖ εοαεῖῖ ἰ ἰδῖαο ἰ ἡ - δαῖῖῖοαο οδῖαεῖαῖε δαῖῖῖοῖ ἡῖῖῖᾶ ε ἡῖ εῖεεῖ ἡῖοῖ ἡῖῖῖᾶεῖ, ἱῖ εἰοῖοῖῖο ἰ ἱεῖῖ ἡῖαοῖ εε εῖῖᾶ ἂ εεῖῖο ἂ οαεῖνῖ, εεῖ ἱῖε οἱοῖο ὁ-εοῖῖῖ.

При полном аншлаге Линор Горалик беседует с известным израильским писателем Этгаром Керетом в клубе «Мастерская».

**Мероприятие проводилось совместно проектами «Эшколь» и «Эшколот» при информационной поддержке сайта Booknik.
3 декабря 2009 года**

С программы «Эшколот», собственно, мы и начали рассказ о фонде. Помня о том, что сказал в свое время один из советников Залмана Бернштейна при создании «Ави Хай», выдающийся философ Исайя Берлин: «Излагайте факты и опускайте эпитеты. Расскажите о том, что сделали и что планируете, но обойдитесь без превосходных степеней. Пусть другие решают, сколь ценна и важна ваша работа».

И все-таки есть еще одна история, которую Дэвид Розенсон не мог не рассказать:

тридцати лет брака все еще ревнует жену Левиву к ее снам, а детство не оставляет героев: «Я тоже был молодым. Я постарел, но внутри я все тот же. Позовите маму и папу!» – этот монолог мог бы произнести любой сидящий в зале, даром что он не облачен в пижаму или ночнушку.

Французский режиссер Венсен Гетал хорошо чувствует ритм, меланхолия и сатира чередуются в пропорциях, не дающих возможности заскучать. Главным в спектакле остается интонация, не только вербальная, но и музыкальная: играющий соседа Риттер еще и отличный кларнетист, его мелодии определяют интонации диалогов.

Лозаннский театр «Види» известен не только качеством постановок, но и особой репертуарной политикой: современность здесь понимается не только как живая интерпретация классических текстов, но и как постоянная работа с новой драматургией. Но даже «Види» только в этом сезоне впервые поставил пьесу Ханоха Левина (1943–1999), самого значительного, наверное, еврейского драматурга второй половины столетия. И это в ситуации, когда на французском вышли уже пять томов его пьес, по три произведения в каждом, на подходе шестой. В России нет еще ни одного.

Сцены из спектакля по пьесе Ханоха Левина «Трудное дело». Постановка Венсена Гетала. Театр «Види». Лозанна. 2010 год

© Mario Del Curto

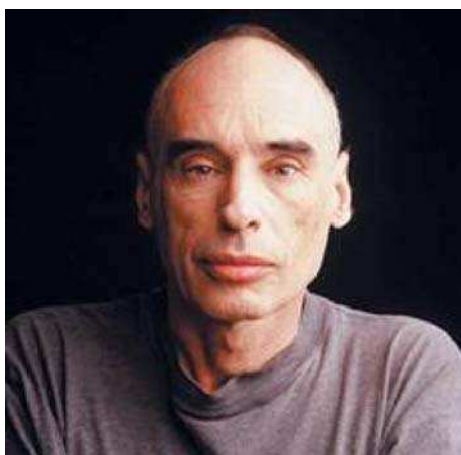
Сцены из спектакля по пьесе Ханоха Левина «Трудное дело». Постановка Венсена Гетала. Театр «Види». Лозанна. 2010 год

© Mario Del Curto

ἌΔΑΪ Ἀὐὸὸῶῶ Ὁἰἰ Ἀὸ Ἐἰἰἰἰ

Всего наследие Левина насчитывает больше полусотни театральных произведений, его театр 1980-х – это уже не только история еврейского мифа (вершиной которого у Левина можно считать «Крума», в свое время блистательно поставленного Кшиштофом Варликовским), но и человеческого мифа вообще. От «Страстей по Иову» и «Женщин Трои» до «Большой вавилонской шлюхи» – таков был диапазон не знавших никаких границ вторжений в историю.

Сын эмигрантов из Лодзи, уехавших в Палестину в 1935 году, Левин изучал философию и литературу в Университете Иерусалима. Помимо поэзии, он стал заниматься театром. Первая же пьеса, написанная в ходе Шестидневной войны для политического кабаре «Ты, я и следующая война», спровоцировала настоящий скандал, приведший к досрочному снятию спектакля с афиши. Независимый мыслитель, Левин не оставил политику, и его «Патриот» (1982), а следом и «Убийство» (1997) после премьер тоже вынуждены были досрочно покинуть сцену. Скандалы не помешали (а может, даже и помогли) последующему признанию автора, получившего все важнейшие театральные награды у себя на родине, а с начала 1970-х ставшего известным и в мире. Это случилось прежде всего благодаря комедиям, – хотя и на примере «Трудного дела» видно, насколько силен в них трагический элемент и как при этом все внутри противится определению «трагикомедия». Тексты Левина слишком напоминают жизнь, чтобы давать им жанровые дефиниции. Это сплав надежды, печали, отчаяния и новой надежды – все как в действительности, лишь изредка позволяющей делить судьбу на главы и не дающей постоянных ориентиров ни для движения, ни тем более для покоя. Не зря посвященная Левину монография, опубликованная в Германии, называется «Драматургия угрозы»^[1]: эту непонятно откуда идущую угрозу, которую при всем желании невозможно локализовать, ощущают многие персонажи Левина (как и многие зрители в зале). Персонажи, которые, по точному замечанию французского переводчика пьесы Лоренса Сендровича, «исходят потом и кровью, задыхаясь, бегут марафон на месте, не сознавая, что на ногах свинцовые башмаки...».

Драматург Ханох Левин

© Mario Del Curto

Напоминает позднюю инверсию Чехова? В диалоге с ним написаны лучшие тексты Левина. Они даже оба умерли от главных болезней своих эпох: Чехов от туберкулеза, Левин от рака (да и политическое свойственно Чехову, только оно понимается им скорее не как общественная, но моральная, христианская проблема). Левин был любимым автором не театра «Габима», но противостоявшего ему эстетически Камерного театра, которому, кстати, достались и все права на творческое наследие драматурга.

Может, в этом и есть настоящая жизнь: не принадлежать одному, но всем. Как и Чехов свои лучшие интерпретации обрел в постановках не-последователей Станиславского, так и Левин стал в итоге автором «Габимы», лишней раз доказав, что пространство объединяет язык, а не сюжеты. Что автор, воспринимаемый поначалу неконвенциональным, в итоге меняет оптику целого поколения.

^[1] Matthias Naumann. *Dramaturgie der Drohung: Das Theater des israelischen Dramatikers und Regisseurs Hanoach Levin*. Marburg: Tectum, 2006.

ДЖАЗ НОМЕР СЕМЬ

Владимир Мак

24 ноября в Иерусалиме открывается международный фестиваль «Джаз-Глобус», который в этом году проходит в седьмой раз. Само по себе это событие – повод для оптимизма: ни один другой фестиваль, организованный в Израиле за последние годы, не выдержал больше одного повтора. Успех же этого во многом объясняется тем, что его организовал Слава Ганелин. Журналу «Лехаим» об известном пианисте и композиторе, в прошлом участнике знаменитого «Трио Ганелина», рассказал его партнер, музыкальный критик и продюсер фестиваля Владимир Мак.

Вячеслав Ганелин во время своего выступления на 2-м фестивале «Джаз-Глобус». Иерусалим. 2005 год

Переломным моментом в недолгой истории «Джаз-Глобуса» можно считать 2006 год, когда фестиваль состоялся в третий раз. Четвертого фестиваля публика уже ждала. На участие в пятом стояла очередь. А в музыкальном календаре последняя неделя августа, традиционно занятая «Джазом на Красном море» в Эйлате, дополнилась «джазовой» неделей в ноябре.

Только эйлатские залы вмещают до четырех тысяч человек, на набережной диксиленд, фирменные майки, пиво и суперзвезды из Штатов. А в Иерусалиме – маленький зал, пицца – на другой стороне улицы, гостей немного и ни одной афроамериканской звезды. Но – тоже отличный джаз.

Идея вывести на сцену джазменов, приехавших в Израиль в последние годы, родилась у Славы Ганелина в 2003-м. Востребованный исполнитель, педагог и композитор, он возглавил группу «Джаз-глобус», в которой играли выходцы из многих стран, от Мексики до Белоруссии и от Австралии до Франции. Вывел музыкантов на сцену, а потом провел и фестиваль, на котором в компанию к «новым» израильтянам пригласил «старых».

Через год в Иерусалим приехали музыканты из России, Литвы и Германии, среди них – лучший современный валторнист Аркадий Шилклопер. Еще год спустя – легенда советского джаза Алексей Зубов, более четверти века живущий в Америке. В ответ на приглашение ветеран написал: «Почту за честь сыграть на фестивале у Ганелина». Но лишь в 2009-м Слава признал: «Мы провели фестиваль, за который не стыдно». В маленьком зале, почти без рекламы и околофестивальных тусовок, неделю звучала отличная и, что важно, очень разная музыка – диксиленд, джаз-рок, свинг и фьюжн, би-боп, фри-джаз. В этом качестве «Джаз-Глобус» обходит большинство раскрученных фестивалей, на которых звучит лишь мейнстрим и приближенная к джазу попса.

В нынешнем ноябре на сцену выйдут блестящий саксофонист из Литвы, в прошлом – протеже Ганелина Пятрас Вишняускас, Клаус Кугель из Германии, грузинское трио «The Shin», русский басист Антон Горбунов, уже упомянутый Аркадий Шилклопер, пианист Миша Альперин, ныне профессор Академии музыки в Осло, легендарный Анатолий Вапиров, когда-то ленинградский, а ныне болгарский саксофонист. И с ними – десятки лучших израильских музыкантов, часть из которых – ученики Ганелина.

Журбина «Орфей и Эвридика», которую назвали «первой советской рок-оперой», и мне было обидно за то, что я проиграл в этом детском соревновании. Сейчас эту оперу считают этапом литовской музыки...

– А когда начался джаз?

– В училище. Образцом и пределом красоты был оркестр Карела Влаха – все современное по радио глушилось. Но в четырнадцать лет я играл блюз, не зная, что это блюз. Мой друг дергал струны контрабаса, ему казалось, что он похож на Чемберса... Родилось трио: барабаник Саша Мельник и басист Гриша Талас. В Таллине, в 1967-м, когда я выступал перед квартетом Чарльза Ллойда с композицией «Серый свет», на меня накинулись: «Ты же играешь свободную музыку, как Ллойд!»

В 1967 году они познакомились с Владимиром Тарасовым, приехавшим из Архангельска, – как раз их барабаник ушел на заработки – и начали вместе играть в кафе «Неринга» (воспетом Бродским). Потом в армию ушел контрабасист, они попробовали вдвоем и в 1970-м даже получили первую премию на фестивале в Горьком. Через год в Свердловске встретили саксофониста Владимира Чекакина, игравшего на танцах. И почувствовали, что он – свой. Чекакин жил сначала у Ганелина, потом его устроили в духовой оркестр. Басиста не было, но Слава увидел у одного музыканта бассет, совместил его с роялем и сказал, что это – лучший басист. Он не уйдет в армию, не запьет и все поймет, потому что это – он сам. И они остались втроем.

- I u çatei aëë aiñeëa i aïòà á äeaçtáitõ daëòeí.ãõ, aïeðtá á ñeñeãõ ñõtyeë íaie ai aëeáíou. Áañoðtëeðtáeë á Ai aëeá iðe-ai yoi aúe iádtie aúaç íaëeõ äeaçt aítá á Ai aëeá Áääüaou aítæ oðtá i í Oðaoai è Eáíááá Aúe aúí añ, aëy oðeí yoi aúeá eóeü eí aëeý. Eííá-íí, i ú aëeáá è Áaóttá -ai è Ai aëeá ñ aá eíi i ad-añeëi è oðatáatëyi è. I aítáeáð ñeaçæ: «Eáñáòá oíðtõí, íí i aët. Eäeáíá íoääeáíeá aïeáíí iðtáíeáaòüñy -añ...» Ai aëeáíou oàe eáñáð. Oäe ñeó-íí, á ííe eáñáð, è íñeáüíeá äääüaou i eíòò ñeóaòáeü æááò iáðáñtá. I ðááá, íá oáñðeáëeá eííóaðóü aëyõñy íò -añ aí ííeóóíðá. Í í oáñðeáëeá ou aúeáe, aúíeë íeáá, çaeáe íá aóðáe eííóaðó è áaóttõñy. Çai á-aòeáüñy aòí ññáðá! I ðááá, aúí yoi í-aúí íáñeáíeí. Á i íá oí-aóñy ñ-eíyóu íá oíáe è -oíáú á yoi ñ -añoáíáe ñeóaòáeü

ÊÓÄÄ, ÁÂÐÄË, ÊÓÄÄ?

Советский период Славы Ганелина закончился в 1987-м: из аэропорта его повезли на джазовый концерт, где играли старые знакомые Кунсман и Переферкович, а рядом сидел корреспондент, бравший у него интервью. Слава сказал, что приехал отдыхать. Так до сих пор и отдыхает – душой.

Поскольку за отдых не платят, он стал преподавать композицию детям. Не зная иврита, с плохим английским и без рояля. Выручила раскрепощенность израильских детей, все хватающих на лету, способных делить себя между музыкой, спортом и компьютерами, а во взрослом возрасте делающих свой выбор. Это Славе нравится. От занятий с детьми он перешел к работе в Иерусалимской академии – помогли рекомендации коллег. Помогли ему, теперь он сидит в комиссии и помогает следующим «новым». И, как и в Союзе, продолжает работать в театре и кино. Со старым другом Вениамином Смеховым они сделали в Иерусалиме «Дон Кихота» и «Голого короля» – в Чикаго. Слава написал музыку для Вениной пьесы «Две сестры». И балет «Маленький принц» для ансамбля Валерия Панова, тоже друга. Создано много киномузыки – к документальному сериалу «Куда, евреи, куда?», к картинам Семена Винокура – «Корчаку» и фильму к юбилею Игоря Губермана, к фильмам Худякова... И существует солидный список академической музыки, в котором сам автор выделяет «Крик тишины», посвященный памяти разрушенных синагог в Вильносе. Премьера была в Вильносе, и длинный финальный аккорд зал слушал стоя – потомки тех, кто молился в разбитых синагогах, наследники их разрушителей и тех, кто против варварства не возражал.

В свободное от преподавания и сочинительства время Ганелин продолжает играть. Перерывов в выступлениях, собственно, и не было.

- I ñeí iádtáñ aítáí aëáí çáññí aúeí ñyóu oðeí, ñ Aítáe Áaí iádtá è I eëíe I aëeíáe-ai. I eëá - ñòádtie aóðá íí Áeëüñ ññ, Aítõy eç ðeá. Í íe, áaáíí æeáeáe á Eçðáeëá i aítý eáe aú iáañoáeëe íoëeëá Ítoíí aúeë è aóðáá á Eçðáeëá è çá aá iðááeáí è, - Oííáðá Áíò oáñ aí, Áeóíyóñeáñ Aíeëíá Eáeëü Ýñðe Eëíáí-Íòðe, I íòe Oí eòò, Ááðeíí Ááeñðeðeáð... Íaie íðeóeë eç äeaçá, aóðeá eçt a-aëüñí eáñeë áaáíáðá Ýñðe - íáeëóá oíeüeíðííá íaíðáeáíeý, í íe iádtáie è, íí-í íáí á óáá-íúe ííúò ñ aïeáëíí. I íòe - ñòádtie íðeýòáeü íòeë-íúe aëááíí è-añeëe ñeðeíá-.

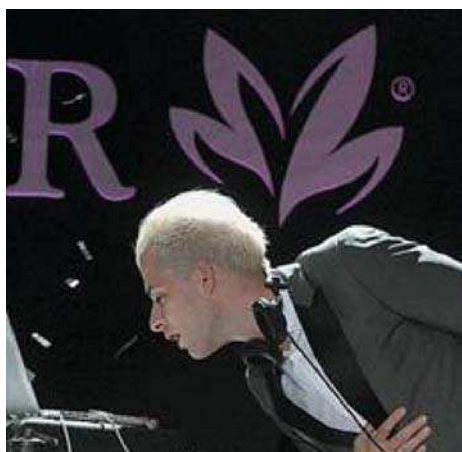
*Άδελφί - γαί ες τῆν ἡμετέραν οὐρανὸν, ἐπαρθεῖς ἰσχυρῶς, ἀδελφί! Ἄλλο γὰρ αἶμα
ἰσοδύναμον ἡμετέρον, οὐκ ἀλλοτρίον, εἶσθαι εἰς τὴν ἀδελφίαν.*

И снова у Ганелина есть трио – «Priority», существующее уже 11 лет. В нем постоянный состав, но участники живут в разных странах. Иногда играют много, ездят в турне по Европе и Америке, были даже в Австралии. А порой не встречаются подолгу. Считают, что это полезно, – острее радость встречи.

«В ЦЕЛОМ РЕЛИГИОЗНЫЙ» ФРОНТМЕН

Борис Барабанов

Англичанин Марк Ронсон никогда не давал в России полноценных концертов. Он всегда выступает здесь в роли «дорогой штучки», изысканного музыкального блюда, которое подают в качестве десерта или же закуски в крупномасштабных спонсорских проектах.

Марк Ронсон на открытии выставки «Millionaire Fair Moscow» в Центральном выставочном зале «Манеж». 23 октября 2010 года

Впервые Марк Ронсон играл в Москве в 2007 году, буквально на пике своей популярности. Тогда он выступил в ныне почившем клубе «Б1. Maximum» в программе фестиваля «Smirnoff Experience», вместе с Келис и «Faithless». Попасть на фестиваль можно было только по приглашениям, которых, правда, раздавали великое множество. По мнению многих зрителей, DJ-сет Марка Ронсона оказался даже более сильным впечатлением, чем выступление хедлайнеров – группы «Faithless». Господин Ронсон тогда только-только выпустил свой бестселлер «Version». Этот альбом оказался на самом гребне волны нового соула. Волну фактически сам Ронсон и поднял, когда спродюсировал диск Эми Уайнхаус «Back To Black» (2006). Эта пропитанная ностальгией по эстраде 1950–1960-х запись заработала пять «Grammy» и продана по всему миру тиражом 10 млн экземпляров. Марк Ронсон был награжден как продюсер года. Тогда же он заработал главную британскую музыкальную награду «BRIT Award» как лучший британский исполнитель.

Теперь Марк Ронсон приехал в Москву, практически сразу после релиза третьего сольного альбома – «Record Collection». Музыкант сыграл DJ-сет на открытии выставки «Millionaire Fair». По достоинству оценили его выступление, пожалуй, только музыкальные критики. Основная же публика просто честно пыталась поймать ритм, и это несмотря на то, что господин Ронсон играл вовсе не в клубе, где танцы под его песенный набор были бы более органичными, а в формате главного участника музыкальной программы выставки, сразу после ее официального открытия. После выступления в Москве он вылетел в Лондон на церемонию вручения наград журнала «Q», где его поощрили призом за «Инновации в звуке».

В Англии альбом «Record Collection» занял второе место в официальном альбомном чарте и первое – в хит-параде альбомов, загруженных в Интернете. Теперь публика, затаив дыхание, ждет альбома группы «Duran Duran» «All You Need Is Now», над которым Марк Ронсон работал как продюсер целый год. Прогнозы самые радужные. Продюсерский метод господина Ронсона стал залогом успеха записей Лили Аллен, Эми Уайнхаус, Робби Уильямса и «Kaiser Chiefs», теперь настало время ветеранов романтического поп-рока. О качестве их коллаборации с Марком Ронсоном можно предварительно судить по альбому «Record Collection», в записи которого активно участвовали «Duran Duran».

Марк Ронсон – один из самых авторитетных поп-продюсеров в мире. Но есть территории, которые поддаются его обаянию с трудом. В США, например, «Record Collection» попал лишь на 81-е место

в чарте журнала «Billboard». И это при том, что большую часть своей жизни Марк Ронсон проводит в Нью-Йорке. А другая нация, которой про Ронсона еще надо все объяснять, – это Россия. Он приезжает сюда только как DJ, несмотря на то, что изрядно устал от диджейства, которым зарабатывал полтора десятка лет, и сейчас предпочитает выступать с группой, с гитарой в руках. Новый альбом одного из самых популярных клиентов рекорд-мейджора «Sony Music» пока не выпущен в России в кириллической версии, то есть компания оценивает его перспективы здесь крайне пессимистично. Возможно, потому, что для местной публики все же важно очень точно идентифицировать артиста либо как диджея, либо как полноценного «музыканта» – фронтмена в лучах софитов. Впрочем, это не отменяет семейных связей Марка Ронсона с нашими широтами.

Марк Ронсон происходит из большой еврейской династии с корнями в австрийской, русской и литовской почве. Отец музыканта Лоуренс Ронсон – крупная фигура в области торговли недвижимостью, он имел опыт музыкального менеджмента, но давно сосредоточился на «серьезном» бизнесе. Мать Марка Ронсона – писательница и героиня светских хроник Энн Декстер-Джонс. В семье Ронсонов есть также сестры-близняшки – дизайнер одежды Шарлотта, близкая подруга Линдсей Лохан, и певица – диджей Саманта, обе – опытные тусовщицы. После развода с отцом Марка, Шарлотты и Саманты их мать Энн вышла замуж за лидера группы «Foreigner» Мика Джонса. Марк Ронсон – племянник девелопера Джеральда Ронсона, владельца группы «Heron International». Среди прочих родственников Марка Ронсона – бывший британский министр иностранных дел Малькольм Рифкинд и бывший член парламента Леон Бриттан. Родственные узы также связывают Марка Ронсона с династией владельцев сети кинотеатров «Odeon». Если говорить о «русском следе» в биографии продюсера, то можно, например, проследить его родство с советским разведчиком Арнольдом Дейчем, членом «Кембриджской пятерки».

Из России происходит дед Марка Ронсона по отцовской линии, а бабушка музыканта – литовка. Ни одного слова по-русски Марк Ронсон так и не выучил и в беседе с автором этих строк не смог вспомнить ничего «русского», что могло бы остаться в его памяти с детства. Все его общение с «русской» культурой происходит через друзей в Лондоне и Нью-Йорке. Правда, как признался музыкант, в последние три года его представления о России стали гораздо ближе к действительности и он, несомненно, хотел бы знать больше о родине предков. Что же касается еврейской стороны жизни Марка Ронсона, то он называет себя человеком «в целом религиозным». В его представлении это значит ходить в синагогу в праздники. Во время работы над альбомом «Version» Лили Аллен вспоминала в одном из интервью, как Ронсон однажды заявил ей, что по религиозным соображениям не ест сыра после четырех часов дня. Потом выяснилось, что это была всего лишь отговорка, чтобы не идти за пиццей. Ронсон говорит, что пытается быть настолько религиозным, насколько это возможно. Однако он, например, не столь ортодоксален, чтобы не играть на вечеринках по субботам. Жизнь Ронсона-еврея с его музыкальной карьерой, похоже, никак не пересекается. Ни с какими проявлениями музыкальной культуры своего народа он также не сталкивается. «О клезмере я знаю совсем мало», – признаётся музыкант.

Британский музыкант и продюсер Марк Ронсон и его группа «The Business International» на сцене концертного зала «Hackney Empire» в Восточном Лондоне. 29 сентября 2010 года

Легче всего судить о Марке Ронсоне как о типичном представителе «золотой молодежи», джетсеттере по рождению. Его сосед и друг детства – Шон Леннон, сын Джона Леннона и Йоко Оно. Самый громкий роман у него был с дочерью продюсера Куинси Джонса, певицей и актрисой Рашидой Джонс. Они обручились в 2002 году и продержались вместе шесть лет. Следующей избранницей Марка Ронсона была модель Дейзи Лоу, дочь вокалиста группы «Bush» Гэвина Россдейла. Потом музыкант встречался с барабанщицей группы «The Like» Теннесси Томас, а в этом году его чаще всего видели в обществе французской певицы и актрисы Жозефины Де Ла Баум. Во время записи «Record Collection» она оказалась в студии, а потом и на съемочной площадке клипа «The Bike Song». Жозефина Де Ла Баум гастролирует в команде Ронсона и записывает сольник.

Перечисление богатых родственников Марка и подсчет его известных возлюбленных нередко затмевает его музыкальные таланты. Однако Марк Ронсон, безусловно, один из тех, кто сегодня двигает популярную музыку вперед. «Вес в обществе» никоим образом не гарантирует появления такого шедевра, как «Back To Black» Эми Уайнхаус. К тому же Марк Ронсон действительно никак не использует в своей музыкальной карьере ресурсы родителей. Он неоднократно повторял в интервью, что деньги для покупки дорогостоящего студийного оборудования заработает скорее, сыграв сет на частной вечеринке, чем возьмет у родных. «Я никогда не брал денег у родителей, но я не отрицаю, что родился в нужное время в нужной семье. Со стороны кажется, что мне все легко достается. Но незадолго до того, как вышел альбом “Version”, я находился на грани отчаяния и думал: “К черту продюсирование, к черту песни, к черту амбиции, буду тихо писать музыку для телерекламы! На подарки для подружки и на корм для собаки заработаю!”»

Шодем Мандельброт отмечал у своего юного племянника уникальный дар, с помощью которого тот успешно применял геометрические методы для решения сложных алгебраических задач. Пространственное воображение помогало юному Бенуа переформулировать задачу и решить ее качественно иным методом. Именно этот принцип впоследствии был применен ученым для того, чтобы решить сложную статистическую задачу и обнаружить в хаотическом колебании графика цен на хлопок структурно подобные образования и правильно их интерпретировать – в соответствии с общим принципом формирования природных структур.

Петр Леонидович Капица был убежден, что эрудиция не является необходимой чертой ученого, обращенного к созданию новых фундаментальных представлений. Необходимыми для открытия Капица считал воображение и смелость. Обе эти черты и были присущи Бенуа Мандельброту.

Àéàèñáí àð Èèè-ááñèé

После пяти лет преподавания в Пенсильванском университете, в 1963 году он вернулся в Колумбийский университет, где посвятил себя преподавательской деятельности и на девятом десятке еще читал лекции студентам.

Его чрезвычайно влиятельная работа «Международные отношения и конституция» (1972) исследовала конституционное разделение власти между президентом и Конгрессом в вопросах международной политики, которые стали особенно насущными во время Вьетнамской войны.

Профессор Хенкин обладал очень зорким взглядом, обращенным на международные обязательства правительства его страны. И часто чувствовал себя разочарованным.

«В храме прав человека, – писал он в своей знаменитой статье 1979 года, – США выполняют роль скорее контрфорса, чем колонны, – приняв решение находиться вне международной структуры системы прав человека и не желая подчинять свое собственное поведение юридическому сознанию этой системы».

Αἰσθητὴ ἀδ' Ἐξί' αἰῶνα

БЕЛВА ПЛЕЙН: РАССКАЗЫ О ГЛАВНОМ

Белва Плейн, написавшая более двух десятков популярных романов за несколько десятилетий, умерла 12 октября во сне в возрасте 95 лет, обладая именем, которое стоит на обложках более 28 млн книг.

На писательскую стезю Белва Плейн ступила поздно, когда выросли ее дети и она стала бабушкой. Ее первый роман «Неувядающая» был опубликован в 1978 году и в течение более 40 недель находился в списке бестселлеров, публикуемых газетой «Нью-Йорк таймс»; сюжет романа вскоре был переработан в популярный ТВ-сериал.

Положив запястье на желтую подушечку, она писала от руки эпические семейные романы, которые заслуживали снисхождение и любовь в среде многочисленных поклонников ее творчества и подвергались строгой критике рецензентов.

Писательство всегда было страстью Белвы Плейн. Единственный ребенок в семье, она закончила исторический факультет Барнард Колледжа. Летнее время детства прошло среди буколического ландшафта ее родового поместья в Коннектикуте, где она доила коров и играла со своей собакой, ирландским сеттером Барри.

«В глубине своего сердца она была провинциальной девочкой», – считает ее дочь Барбара.

В юности она писала стихи и короткие рассказы для многих периодических изданий.

Но ее намерение написать в скором времени роман было отложено благодаря тому, что на одном из торжественных приемов она познакомилась с Ирвингом Плейном, многообещающим офтальмологом. Они поженились в 1939 году и поселились в городке Сауг-Оранж в штате Нью-Джерси.

Белва Плейн решила посвятить себя семье. Сначала у нее не было времени для написания романа, но потом она поняла, что нехватка времени – только отговорка.

Первый ее роман, «Неувядающая», был по сути сагой о молодой девушке, сменившей безысходную нищету сельской Польши на перенаселенные трущобы Нью-Йорка, где она разрывалась между любовью и амбициями двух мужчин.

В центре романа «Благословение» – драматическая судьба адвоката, внешне преуспевающей Дженни Раковски, чьи родители – евреи – чудом выжили в фашистском лагере смерти.

Роман «Гобелен» рассказывает о поисках идеальной возлюбленной. Его главный герой, Поль Вернер, запутавшись в своих привязанностях, долго пытается найти выход из любовного лабиринта.

«Золотая чаша» – это семейная хроника трех поколений большой семьи эмигрантов, каждый из которых, вливаясь в бурную жизнь Америки времен первой мировой войны, стремится занять в ней свое место, устроить свою судьбу в соответствии с собственными представлениями.

Действие семейной саги «Осколки судеб» разворачивается в богатых пригородах Нью-Йорка и в Израиле в середине 1960-х годов. Герои связаны между собой причудливыми, идущими из прошлого отношениями, о чем многие даже не догадываются: дочь никогда не узнает, кто ее отец; богатый покровитель оказывается родным дедом.

Недавно Белва Плейн завершила работу над романом «Сердце мира» – продолжением «Неувядающей»; публикация последнего ее произведения намечена на февраль 2011 года.

«Истории Белвы на протяжении десятилетий живут в сердцах миллионов читателей», – считает Шона Саммерс, старший редактор издательства «Баллантайн Бантам Делл, Рэндом Хаус», которое издает книги Плейн: «Она писала о семье и дружбе – о вещах, наиболее важных для каждого».

Писательница строго охраняла неприкосновенность своей личной жизни, однако любила принять участие в обсуждении своих романов, особенно в еврейской аудитории.

«Я заблеваю, когда читаю одну и ту же старую историю, рассказанную еврейскими писателями, с теми же самыми вечными типажамы – властная мама, измученный отец, а все остальные – невротические бунтари, несчастливое племя ненавидящих себя людей, – однажды призналась Белва Плейн. – Я же хотела написать совершенно другой роман о евреях, гораздо более правдивый».

Асаэліт ад Есіт айт

ЛЕХАИМ ДЕКАБРЬ 2010 ХЕШВАН 5771 – 12(224)

ÈÈÛB ÑÂÐÌ ÀÍ. ÄËB Í Î × ÈÒÀÍ ÈB ÁÍ ÑÒÀÒÒÎ × Í Î Ì ÐÀÁÁÛ

*22 יעוֹיָאָדָּי אַ עֲאֹוֹרָאָעִי אַ נֶעֱלִי אֶעֱיִי צִי אַ אֲוֹאֶעֱיִי וְעֶעֱרֵי אֲוֹרָאָעִי יִדְוֹאִיִּם עֵעִי
צֹאֹוֹרָאָעִי = Ñâðì àí.*

Ему было 97 лет, и он явил собой уникальный среди своих коллег пример не только житейского, но и творческого долголетия. Ведь с ним ушло целое столетие, перенасыщенное катаклизмами. Илья Захарович родился в 1913 году, накануне первой мировой войны, когда по всей России пышно праздновалось 300-летие «державного дома Романовых», когда разъезжали еще на пролетках и воздухоплавание почиталось цирковой экзотикой, – а умер спустя много лет после крушения коммунизма, в эпоху микропроцессоров и генома. Однажды он сказал мне, причем, так, невзначай: «Мы – я и Руфь Александровна – попали в чужое время, и нам в нем нелегко обжиться». Это было всего лишь констатацией, а не жалобой: Илья Захарович вообще никогда не жаловался, кажется, просто не знал этого жанра, как не умел и позировать.

Почти до самых последних дней Илья Захарович сохранял бодрость и научную любознательность, мудрость, остроу, логичность и ясность ума, соединенную с изумительной ясностью изложения, – достоинство, столь же редкое в мире русской филологии, как и его неизменная любезность, словно бы унаследованная от минувших, досоветских времен. Возможно, впрочем, что эти качества, к которым он был внутренне предрасположен, увязывались с его любовью к XVIII веку и культуре Просвещения. Ту же просветительскую внятность и рассудительность Илья Захарович перенес на все другие свои занятия, и здесь стоит напомнить о невообразимой широте его научных интересов. Он исследовал поэтику классицизма, писал образцовые книги о Ломоносове, Державине, Карамзине, Лермонтове, изучал творчество Лескова, Достоевского, Маяковского и многих других авторов. Однако сегодня мне с траурной отчетливостью вспоминается в первую очередь его повседневный, житейский облик, который не нуждается в официальных словословиях, свойственных самому жанру некролога. Он был человеком настолько скромным и далеким от всякой бравады, что ритуальные панегирики такого рода вызвали бы у него только брезгливую иронию. Чтобы почтить его память, достаточно правды.

Мне повезло: в течение нескольких лет он был моим научным руководителем – неизменно лояльным и корректным, но вместе с тем принципиальным и требовательным. При этом Илья Захарович без всяких колебаний мог признать свою некомпетентность в том или ином частном вопросе – такая прямота была еще одним весьма нетривиальным его достоинством. Он не навязывал ученикам собственной методики, а предпочитал поощрять их к упорной, самостоятельной работе, хотя далеко не всегда одобрял ее результаты.

Всю эту свою некрологическую скороговорку позволю себе завершить несколькими цитатами, в которых до какой-то степени высвечивается характер моего покойного наставника – сочетание юмора, парадоксальности и житейской трезвости.

Разговор о книге «Русский классицизм». Я: «А Лотман ее критикует». И. З.: «И правильно делает. Она устарела, и я давно гляжу на нее, как на чужую работу». О Тютчеве: «Николай I прочел его статью и сказал: “Это мои мысли!” Так ведь Тютчев для того ее и писал, чтобы там были его мысли». О православии: «“Меня тут пригласили на конгресс, посвященный 1000-летию крещения Руси. Но я отказался:

ДЖОЗЕФ СТАЙН: КОГДА УХОДЯТ СКРИПАЧИ

24 תעודתו לא יאמר אף פעם כי לא היה אדם נורא, אלא אדם עם אהבה רבה לילדים ולחיים, וכל מה שיש לו להגיד עליו הוא שהוא היה אדם נורא. לא יאמר אף פעם «נורא»: לא יאמר אף פעם.

Ему было почти 99 лет, он был уже давно нездоров, но безостановочно работал, а умер от случайного падения. Незадолго до того Стайн объяснял детям, что лучшие шутки непременно унесет с собой в могилу (и они ему верили). Возможно, так оно и есть. Легкая ирония с налетом печали, доставшаяся Стайну в наследство, – вероятно, от Шолом-Алейхема, но, может быть, от родителей или вообще от родовой культурной интонации – еще в середине 1940-х сделала его скетчи, либретто и радиошоу сначала страшно популярными, а потом и легендарными.

В семье Стайна (его родители были выходцами из Польши) Шолом-Алейхема было принято читать детям на ночь. Мрачновато, но полезно. Джозеф родился в Нью-Йорке в 1912 году, и предполагалось, что его карьера будет связана с психологией. В 1937-м Стайн окончил Колумбийский университет и потом несколько лет проработал социальным работником в психиатрической клинике. На перемену деятельности его подбил знакомый бродвейский актер Зеро Мостель, заплатив Стайну 15 долларов, чтобы тот не отлынивал. Больше десятка лет Джозеф Стайн работал в соавторстве с Уиллом Гликманом – они делали скетчи для радио, сцены и телешоу, а также либретто мюзиклов. С 1959 года Стайн начал работать один, а в 1963-м, когда была сделана адаптация оригинальной автобиографии Карла Райнера «Enter Laughing», вошедшая во все энциклопедии Бродвея, случился его первый эпохальный успех.

Если бы не следующая адаптация ироничного Стайна, он бы и так не был забыт ни публикой, ни историками бродвейского жанра. Но работа 1964 года стала легендой. Никто не ждал от «Скрипача на крыше» – камерного мюзикла по мотивам рассказов Шолом-Алейхема о Тевье-молочнике и его дочках, написанного вместе с поэтом Шелдоном Харником и композитором Джерри Боком, – того успеха, какой он получил. И многие склонны ставить это в заслугу именно Стайну. Без убогого веселой и печальной пьесы, полной нежности, характерности, острого юмора, мягко выведшей Шолом-Алейхема на малоподходящую ему на первый взгляд бродвейскую сцену, и очаровательная музыка могла бы не выстрелить так, как это произошло.

Мюзикл о непутевых дочках и удивительном финальном переезде Тевье в Америку с двумя не вышедшими замуж младшими дочерьми (Стайн, словно горя вместе с народом, с культурой, с судьбой своих предков, сочинил Тевье простой выход из безвыходного положения, переиграв его историю на манер своей собственной, совместив две исторические линии и не случайно выбрав в качестве заглавия картину Шагала), выдержал уже больше трех тысяч представлений и получил «Тони» – главную премию в профессии. В 1971-м мюзикл превратился в кино (режиссер Норман Джуиссон) и тоже оказался успешным, получив в числе прочего «Оскара».

На склоне лет, когда карьера пожилого Джозефа Стайна уже не выглядела столь блестящей, эпоха изменилась, а запасы фантазии не кончались, он сочинил продолжение истории «Скрипача» – музыкальную пьесу о детях-иммигрантах. Но тут автора и поклонников ждало разочарование – Бродвей принял пьесу прохладно-вежливо.

Сам Стайн больше всего ценил свою другую работу – мюзикл «Зорба» по роману Никоса Казандзакиса. В нем он придумал и воплотил в диалогах еще более прихотливую, тонко подобранную смесь философичности, печали, мрачноватого остроумия и веселости. У нас мюзикл совсем не известен, но мировой культуры XX века нет без «Зорбы», так же как без «Скрипача». Если бы не было «Скрипача», многое могло бы не состояться. А вскоре после похорон Стайна стало известно о смерти Джерри Бока. Композитор «Скрипача» был на похоронах соавтора, простался с ним и через несколько дней умер от остановки сердца. Так уходят скрипачи – преодолевая земное притяжение, оставляя звучать после себя слова и музыку.

Pëëÿ ÁäääÖäâ

«Бильярд в Яффо» и «Козлиная песнь»

Анна Исакова

І. Ира

Дело было в Яффо, у Никаноровых ворот, где никаких особых ворот нет. Такое название дали узенькой извилистой улочке, бегущей к морю от старинной аптеки на углу одной из главных магистралей города. Сейчас район Никаноровых ворот стал, пожалуй, самым фешенебельным местом в городе, а раньше был одним из самых запущенных. Потому городские власти и предложили художнику, только-только приехавшему из России (тогда СССР), взять на этой улице дом «под ключ» и самостоятельно его отремонтировать. Пропал бы иначе дом, побывавший уже и резиденцией местного эффенди и школой. Разрушился бы. Море и ветры тут ничего не щадят, за каждой оградой хозяйский присмотр нужен.

Художника звали Ян Рейхваргер. Позже, узнав как правильно его фамилию произносить, он выправил ее на Раухвергер. Ян приехал с женой, жену звали Ира. Была она хороша собой, умна и талантлива.

Еֶדֶיָא וְ בִי

Ян Раухвергер сегодня очень серьезный и знаменитый художник, лауреат многих премий, выставлявшийся в лучших галереях и музеях Израиля, Европы и США, а также в Третьяковке. Но когда дом у Никаноровых ворот попал в его руки, он, хоть и выставлялся уже немало, считал, что о лучших музеях и галереях еще рано думать. Что для этого нужно работать и работать. Такова была его жизненная философия, привитая и ему, и Ире их общим учителем Вейсбергом. Но Ира вдруг и неожиданно для себя взлетела, как фейерверк, а это было похоже на чудо.

Было ей тогда всего лишь двадцать с небольшим. По деду с материнской стороны Ира происходила от тех самых Рылеевых, а по бабушке с той же стороны – от французских евреев Беллей, строивших в Европе первые трамваи, и от белорусских Давидовичей. И, судя по старым фотографиям, она разительно походила на свою дальнюю родственницу Изабеллу Давидович, погибшую в Освенциме.

Мать Иры была известным советским скульптором, сочинившим, в числе многих прочих памятников, знаменитый «Золотой сноп» на ВДНХ. Впрочем, Зоя Васильевна Рылеева, сообщившая мне подробности семейной родословной, жива по сей день и достаточно активна для своих девяноста с чем-то лет. По ее утверждению, отцом Иры был знаменитый архитектор А.А. Тацкий, лауреат Ленинской премии и член-корреспондент академии архитектуры Украинской ССР, погибший через несколько лет после рождения дочери. Родилась же Ира Рылеева летом 1951 года. Наша героиня была погружена в живопись и архитектуру еще до момента своего рождения и, возможно, именно генами, а также влиянием окружающей среды можно объяснить ее столь ранний творческий взлет.

"Водопад и другие". Элла Е. Давыдова

Вскоре по приезде в Израиль Ира придумала нечто, чему по сей день нет четкого названия. Одни называют это изобретение «куклами», другие — мягкой скульптурой. Речь идет о фигурах, сделанных из ваты и нейлоновых чулок на металлическом каркасе. Они могут быть совсем небольшими, 30-40 см в высоту, а могут быть и в человеческий рост. Некоторые имеют неоспоримое портретное сходство с реальными современниками или историческими личностями, другие носят явно карикатурный характер. Эти куклы то задевали зрителя узнаваемостью ситуаций и лиц, то эротически возбуждали и призывали гладить мягкие, словно распаренные, части тел (гладить разрешалось), вызывали то стыдливое хихиканье, то гомерический хохот. А наличие в одном выставочном пространстве всего этого собрания создавало неповторимое ощущение кукло-жизни. Более того, со стороны некоторые экспонаты выглядели куда жизнеспособнее, чем разглядывавшие их особи.

Я помню возбужденную толпу в одной из яффских галерей, праздничную атмосферу выставки и ощущение того, что вокруг совершается нечто удивительное. Поражали и степень освоения художником столь необычного материала, как вата в чулке, и смелость цитирования. Иные фигуры казались сошедшими с полотен Шагала, некоторые отсылали к женщинам Пикассо, другие — к фильмам Феллини. При этом экспонаты были сгруппированы в тематические постановки, вполне соответствовавшие новому тогда понятию: инсталляция. Помню, что расположившиеся на атласных простынях «Яффские проститутки» пахли дешевыми духами, хлоркой и потом. Сомневаюсь, что запахи были нанесены интенционно, скорее всего, они просто прилипли к тканям, купленным на Блошином рынке тут же в Яффо, но не могу и утверждать, что кукол не надушили специально. Ира была на такое вполне способна.

Сейчас самой идеей подобных работ никого не удивишь, но речь идет о конце 70-х — начале 80-х годов прошлого века, когда все это было в новинку. Выставки в Израиле сменились выставками в Европе и США, несколько выставок оказались скупленными на корню еще до открытия, критика захлебывалась от восторга, а галерейщики соревновались за честь представлять молодую восходящую звезду. И Иру это сломало, но вовсе не так, как по расхожим представлениям художника ломает успех.

Она была воспитана на «быть знаменитым некрасиво». Ее представление о правильном пути художника включало обязательное страдание и даже мученичество. Коммерческий успех оскорблял Иру настолько, что материально благополучные знакомые, даже вполне к ней расположенные, рисковали нарваться на эскападу из злых шуток и уничижительных эпитетов. Не любила она благополучных, не терпела ищущих успеха и материальных благ. И вдруг сама оказалась более чем благополучной — творчески и материально. Это оказалось для художницы невыносимым. Словно она кого-то обманывала, словно не было у нее права на весь этот фейерверк.

И за баснословным рывком сразу последовало то, что ее мать, Зоя Васильевна, до сих пор считает депрессией.

Как нужно правильно называть начальное психическое состояние, поразившее Иру уже в дни американского успеха, переросло ли оно в истинную депрессию, а если да, то когда это случилось, я не знаю, да и никто из ближнего окружения художницы не мог мне этого поведать. Известно лишь, что именно тогда кратким утешением, побегом в иную реальность, способом погружения в состояние, напоминавшее отказ от бренного бытия, стал алкоголь.

Ира пила так же восторженно и увлеченно, как делала все, что делала: скульптуру или пироги с вишней, как относилась ко всему, во что ввязывалась: будь то помощь очередному несчастному или дурацкий спор о выеденном яйце. Вокруг нее царил атмосфера возбуждения, не всегда радостного, чаще даже мрачного, но всегда — ажиотажа. Я помню, с какой страстью она обсуждала зловключения наших детей, ходивших в одну школу. Можно было подумать, что речь идет о «быть или не быть». Или о приключениях каторжников, бежавших не с уроков, а из Алькатраса.

Из-за этих воспоминаний мне сложно согласиться с диагнозом депрессии. Вот уж кого не помню ни сонной, ни безучастной, ни отрешенной. Зато помню Иру и радостной, и злобной, а чаще — презрительно-насмешливой. Немногие из наших общих знакомых отзываются о ней, как о милосердном ангеле, но есть и такие. А большинство подтвердит, что была она порой резка и надменна, но при этом всегда бескорыстна и великодушна. И было у Иры в более поздние годы много учеников и учениц, ее обожавших.

Αἰνῶδες αἶνι ἀ ὁ Γ ἐεαί ἰδῆαὸ αἰδῆο

А еще был дом в Яффо, известный своим гостеприимством. И, хотя братия за Ириным столом собиралась пьющая, то были лучшие из поэтов, художников и писателей, каковых принесла в Израиль сначала волна репатриации 1970-х, а потом и 90-х. Да и местная богема, страдавшая удушьем в тогдашней провинциальной атмосфере идеологизированного и строго иерархического общества, тянулась в дом у Никаноровых ворот, ставший своеобразным литературно-художественным салоном, где на иврите и по-русски с жаром и пристрастием говорили о самом главном и самом новом последнем в книгах и искусстве.

Кроме того, в этом доме постоянно что-нибудь происходило: тут можно было встретить проезжих и местных знаменитостей, услышать новую песню Хвоста и последние эмигрантские новости всей русской диаспоры, отметить чей-то успех и запить собственную неудачу, познакомиться с новоприбывшими из России и проводить уезжающих за океан.

Правда, дом к тому времени уполовинился. Ян Раухвергер обменял свою половину на квартиру неподалеку. А позже в дом вселился военврач и поэт Михаил Генделев, незадолго до того вернувшийся с войны, которая в новейшей истории Израиля именуется Первой ливанской кампанией. Случилось это подселение в 1984 году и продолжалось до 1985, когда, по собственному признанию поэта, он, жалкий раб, бежал от Цирцеи, боясь раствориться в этой магме и утонуть в опасном омуте.

Между тем, очевидец рассказал мне, что уходил поэт не единожды, но каждый раз привычно застревал с тяжелой сумкой на ближайшей автобусной остановке, пропуская одно транспортное средство за другим, пока не приходил посланец из дома у Никаноровых ворот и не уводил его назад. А однажды посланец не пришел. Или слишком запоздал. Или Цирцея забыла посланца снарядить. Как оно было на самом деле, знать не дано. Рассказывают об этом разное. Удивительно, что Ира никогда не появлялась в шумной мансарде Генделева в Иерусалиме, где часто собирались в той или иной конstellляции все бывшие музы и жены поэта. С другой стороны, и Генделев перестал бывать в доме у Никаноровых ворот, хотя многие его друзья продолжали там кучковаться.

А в 2001 году произошло несчастье. Ира оступилась на крутой внутренней лестнице, ведущей на антресоли, и погибла. Генделев был тогда за границей. Он узнал о произошедшем много позже. Случилось это на моих глазах, и видно было, что известие причинило поэту боль. Впрочем, он был сердоболен и по-еврейски (что подчеркивал) деловито сентиментален, не упуская возможности нанести визит занемогшему или помочь нуждающемуся. Когда была такая возможность, разумеется. Через некоторое время я узнала, что поэт побывал на Ириной могиле. На моей памяти случилось это намного раньше 2005 года, но поручиться за точность воспоминания я не могу. А в самом последнем сборнике генделевских стихов «Любовь, война и смерть в воспоминаниях современника», выпущенном в 2006 году и переданном мне по его просьбе, но уже после его смерти, я нашла стихотворение «Козлиная песнь», датированное 2005 годом и посвященное И.Р.

Совмещение стихотворения «Бильярд в Яффо» (1984), тоже посвященного И.Р., с «Козлиной песнью» помогло мне понять многое в поэзии Генделева, о чем я хочу рассказать. Но прежде отмечу, что Ян Раухвергер собрал часть Ириных «кукол», реставрировал их и собирается показать на выставке, которая откроется 10 января в художественном музее кибуца Эйн Харод.

II. I èøà

I èòàèè Áàí ààèàà

Михаил Самуэлевич Генделев родился в апреле 1950 года в Ленинграде. Отец его был безногим инвалидом Второй мировой войны, вставшим на протезы и работавшим инженером-технологом. Дед и бабушка с отцовской стороны погибли в Тороповце под Великими Луками, где и жили до войны. С материнской стороны предки Миши были кантонистами, но не выкрестились, чем он гордился. Фотографии дедов и бабок украшали левую стенку генделевской мансарды в Иерусалиме. Ровно над тем местом, где хозяин обычно сидел за обеденно-письменным столом.

Генделев закончил медицинский институт в Ленинграде и писал стихи. Он приехал в Израиль в 1977 с женой Еленой, и уже в Иерусалиме у них родилась дочь. Потом была война. На войну Мишу взяли врачом, и это было существенно. Дело в том, что он кончал какой-то не такой институт. А именно — санитарно-гигиенический. С этого начались Мишины житейские трудности, перераставшие временами в экзистенциальное бедствие ввиду тотального безденежья.

Мишин диплом не признавался действительным для врача-лечебника, а санитарных врачей тогда отдельно не аттестовывали. То есть приехав в Израиль, Генделев перестал быть врачом не по собственному выбору, а по решению вышестоящих организаций. Организации предложили сдать экзамен на звание врача, но Михаил высокомерно отказался, поскольку уже имел законный диплом. Впоследствии ему иногда удавалось ненадолго устроиться врачом, пусть только спортивным, но это всегда кончалось увольнением, так как необходимая для продолжения работы официальная бумага отсутствовала. Иначе говоря, в Израиле бывший врач стал человеком без профессии. Зато в армию его призвали врачом со всеми полномочиями. И хотя Генделев часто повторял, что медицину не любит, о военной медицинской службе он всегда говорил, захлебываясь от восторга. Вместе с тем, энтузиазм его военных воспоминаний зачастую связан именно с исполнением роли врача, которую у него на гражданке похитили, а вовсе не с экстазом милитаристского толка.

Отслужив врачом в Ливанскую кампанию, Генделев вернулся в безработицу и безденежье. С женой он к тому времени разошелся и поселился в Яффо в доме с бильярдом. Судя по тому, что он говорил тогда и потом, Генделева бушевали в тот период самые разные чувства, но «Бильярд в Яффо» — это стихи о чем угодно, кроме любви.

III. «Àèëÿüäâ â Вóôî»

Начинается стихотворение по-воински сурово: «бинт горизонт на коем сукровица полоса», а день над пустым портом, с точки зрения автора, — «покойник с видом на небеса». Все это можно было бы посчитать пейзажным описанием дождливого утра в «месяц макабр», ненастный израильский февраль, что сразу отсылает как к пастернаковскому «достать чернил и плакать», так и к октябрю, октябринам и стихам, в которых слезоточит российская природа, если бы... если бы во все это не была вплетена фраза о «бессмертии того же сорта что и уловы сетей». А поскольку сети пусты, бессмертье, судя по всему, отменяется, и стихи все же не являются пейзажной зарисовкой.

Так оно и есть, ибо дальше следует признание в том, что «земную лужу взახлеб пройдя баттерфляем до половинь» автор ощутил себя в середине штiglia, ставящего гамлетовский вопрос, правда, в прошедшем времени: «был ли»? Имеется в виду, очевидно, сам автор, переживавший тогда трудные дни, лишённые смысла и жизненной силы настолько, что он «поздно вставал а ежели моросило вообще не вставал». Иначе говоря, нет сомнения в том, что перед нами картина не любовного приключения, а тяжелой хандры или, как сказали бы медики, депрессии.

Указаний на природу хандры достаточно: «бросил <думать> о смерти но и она обо мне». Смерть думает о человеке, когда пытается забрать его себе. Человек думает о ней особенно интенсивно, когда такая ситуация кажется практически возможной. Только что именно это и приключилось с автором, вернувшимся с войны, на которой он пережил то, о чем написано бесчисленное количество военных воспоминаний: собственную незначимость, нулификацию личности, воспринимаемой отныне как «мокрой природы часть». Нулификацию столь полную, что, бреясь, автор не узнает себя в зеркале («полуседую скребя щетину я смотрелся в чужой портрет»). Более того, двойник, загляни он из сада в дом, где автор играет с «одной Марией» в бильярд, не обнаружил бы никого.

Тут требуется комментарий. Нет никаких сомнений в том, что «одна Мария» и хозяйка дома с бильярдом — одно лицо, что это сама И.Р., которой стихотворение посвящено. Другого дома с бильярдом, где бы поэт жил какое-то время, в биографии Генделева не было. По правде сказать, во всем «русском» пространстве тогдашнего Израиля не было еще одного дома с бильярдом, поскольку и дом, и бильярд считались недостижимой роскошью. Но почему очевидец, заглянувший в дом, не обнаружил бы там если не обоих его обитателей, то хотя бы «Марию»? Скорее всего потому, что ее тоже нет, она тоже растворилась в небытии, нулифицировалась, дошла до точки, исчезла или самоустранилась из толкучки бытия.

Мы уже знаем, что так оно и было тогда с Ирой, вернее, так ею и окружающими ощущалось. Недаром в последней строке «Мария» зовет поэта «смотреть как смывает сад», то есть как приходит в негодность, уничтожается, исчезает окружающий мир. А говоря нынешним жаргонно-образным языком, «Мария» приглашает своего постояльца посмотреть, как «улетает крыша».

Я могу показать, пользуясь генделевскими стихами, как развивается у него тема страха и апокалиптического видения мира. Могу объяснить, почему считаю, что Генделев не поэт воинской доблести, а певец экзистенциального ужаса, доходящего до провидческого маразма и останавливающегося на самой его грани. Но статья ограничена пределом двух стихотворений, в этих пределах мы и останемся.

IV. «Козлиная песнь»

Прочитав «Бильярд в Яффо» так, как я его прочитала, и наблюдая действующих лиц в достаточно тесном приближении, я была уверена, что в доме у Никаноровых ворот не происходило того, что принято называть любовью. Два экзистенциальных страха и два одиночества сошлись и разошлись, не желая потом даже вспоминать о том, что их какое-то время объединяло. Во всяком случае, я была уверена в этой трактовке относительно Генделева. С тем большим удивлением я вчитывалась в «Козлиную песнь», потому что передо мной лежали пронзительные стихи о любви столь романтической и сентиментально напряженной, что трудно было приписать ее насмешливому и вроде бы весьма легкомысленному в любовных делах поэту.

Даже не будь посвящения И.Р., нет сомнения в том, кому посвящены стихи, поскольку адрес указан точно: «у Никаноровых ворот». Указано и то, что стихи написаны в память о «чужой жене», которая «как обещанье отдала лбом у ограды умерла». А название стихотворения отсылает к известному произведению Константина Вагинова и соответственно к мыслям о неправильно прожитых молодых годах, но также и к Пану, панике и дикой «козлиной страсти», иначе говоря, похоти.

Ирина Раухвергер

Страсть обсуждается в третьей строфе, где поэт падает дугой «в клубок чудовища тугой ног осьминог балета». И поскольку строфой раньше он описывает себя Одиссеем у Цирцеи, пленником, содержанкой и рабом, жаждущим побега, следующая дальше строчка «нас запекал такой огонь что лопались браслеты», звучит вполне одиссейно, то есть как описание животной страсти. Если только не принимать во внимание другие, гораздо более откровенные, зачастую на грани барковщины, эротические сцены генделевских стихов, на фоне которых третья строфа «Козлиной песни» звучит, пожалуй, целомудренно.

А дальше начинается вовсе невероятное. Вдруг мы узнаем, что свобода (от Цирцеи, само собой) нужна была поэту «как сраная Итака», что «иногое не было и нет», что «как будто ртуть набрав в подол а дальше что не знает столбом ждет жизнь моя потом» и, наконец, что когда состоится встреча за пределами брэнного мира, то две тени — поэта и его погибшей возлюбленной — побегут вместе, как строфа, точнее, строка, к темной воде замогильного прибоа. Кончается стихотворение совсем странно: «еще чуть-чуть немного вот ведь правда мой хороший покуда Старый Идиот не хлопает в ладоши». Но если хлопающий в ладоши «Старый Идиот» (с уважительной все же большой буквы) — это тот, кто дает жизнь и отнимает ее, то есть Всевышний, с которым Генделев находится в долгосрочной ссоре, к кому же обращается поэт с торопливой, детской или, что в принципе одно и то же, любовной мольбой погодить, не уходить, остаться рядом? Ведь никого другого, кроме переселившейся в подземное жилище Цирцеи-Беатриче, в пространстве этого стиха нет.

Такая вот неожиданность.

Надо сказать, что Генделев был вполне откровенен относительно своих влюбленностей и говорил о них свободно. Имя И.Р. в этих разговорах никогда не всплывало. Зато не было нового стихотворения, которое он не попытался бы прочесть близким друзьям. А хоть и среди ночи по телефону. Уже живя в Москве, Миша начинал каждый приезд в Иерусалим с заранее известного маршрута по определенным адресам, а войдя в дом, почти незамедлительно вытаскивал из кармана листки: «Я сейчас стихов не пишу, но вот кое-что получилось...». «Козлиной песни» он нам ни разу не показывал, хотя в 2005-2006 годах виделись мы не раз. Возможно, стихотворение оказалось сюрпризом для него самого, делиться которым было сложно. Дела это, впрочем, не меняет. Как и прямое указание на характер описываемого в стихотворении состояния. «Козлиная песнь», песнь Пана, это ведь еще и древнегреческое название трагедии.

то же море» и жестко документальная автобиографическая «Повесть о любви и тьме» принадлежат одному и тому же автору.

Я написал более двадцати книг, и в течение всей своей творческой жизни стремился к тому, чтобы не писать дважды одну и ту же книгу. Не повторяться, не делать одно и то же. Конечно же, есть общий «корень» у всех книг, которые я пишу. Скажем так — если бы к моему виску приставили пистолет и потребовали: «Ответь, Амос, одним словом — о чем ты повествуешь в своих книгах?», мой ответ был бы таким: «Семья». Если мне позволят сказать не одно, а два слова, то этими словами будут: «Несчастливая семья». Если же меня попросят определить, о чем я пишу, в трех словах, то я просто отошлю спрашивающих к моим книгам... А если бы некто особенно настойчивый выделил мне десять слов, я все равно не смог бы ими пересказать написанное мною. Потому что это другие слова, а я могу передать свое повествование только его словами, ибо каждая история приносит с собой и свои слова. Было бы ошибкой думать, что я выбираю тему или своих персонажей. Тема выбирает меня, и персонажи выбирают меня.

Стремись ли ты повлиять на своих читателей? И если да, то в каком направлении? Читающая публика едва ли не во всем мире знает твои лево-либеральные политические взгляды, которые ты неизменно позиционируешь в своей публицистике, публикуемой в периодике разных стран. Понятно, что сам жанр публицистики предполагает воздействие на читателя. Что же касается твоих романов, то в них почти никогда не проявляются твои политические воззрения. Хотя и здесь бывают неожиданности. Не так давно мне довелось встретиться с группой московских журналистов из религиозных «правых» кругов. И вот от них я с удивлением услышал, что твой роман «Черный ящик» — это произведение, убедительно, даже блистательно раскрывающее суть именно их идейных воззрений.

Я счастлив услышать такую оценку из уст профессионалов... Но когда я пишу роман, я говорю голосами своих героев, стараюсь «влезть в их шкуру». И потому в этом случае у меня нет своих мыслей и воззрений — существуют только мысли и воззрения моих персонажей. Никогда за долгие годы своей жизни не написал я ни одного художественного произведения с целью убедить читателя, чтобы он изменил свое мнение и поддержал мое. Это я делаю в своих статьях и выступлениях на общественно-политические темы. Возможно, моих читателей позабавит тот факт, что пишу я по старинке — ручкой, и на столе моем две ручки: одна с синими чернилами, другая — с черными. Одна — для того, чтобы делиться с читателями придуманными мною историями, а другую я беру в руки тогда, когда хочу сказать «властям предержавшим»: «Убирайтесь ко всем чертям!» И не было случая, чтобы я перепутал ручки. Потребность поведать ближним и дальним истории, рождающиеся в нашем воображении, сродни потребности мечтать. Она таится где-то в глубине нашей души и начисто лишена политических наслоений и амбиций. Я никогда не рассматривал свои романы как политический инструмент, равно как и мои статьи никогда не являлись заменителем моей художественной прозы. На палитре моих способов самовыражения романы и публицистика — на противоположных концах.

Какова роль твоих произведений? Или скажем иначе: какова цель твоего творчества, если она вообще существует?

Я уже говорил о потребности рассказать, поведать, повествовать. С другой стороны, подавляющему большинству людей свойственна потребность воспринимать рассказанное другими. Это начинает проявляться уже тогда, когда малыш просит родителей рассказать ему сказку. Это так же естественно, как наше желание любви, близости, общения. Это фундаментальные основы человеческого бытия. У самого рассказывания нет никакой иной цели, кроме как рассказать!..

Каково это — быть знаменитым писателем? В твоих книгах, даже в тех, что носят откровенно автобиографический характер, нет даже намека на это.

Я не живу жизнью знаменитого писателя. Мой дом в Араде, маленьком городке. Я живу среди людей, которые меня знают, но не в качестве знаменитого писателя, а как доброго соседа, приятеля, человека, с которым время от времени встречаются на почте или в поликлинике. Я не живу там, где меня, возможно, воспринимали бы как «знаменитого писателя», я живу среди тех, кто просто знаком со мной, человеком, которого зовут Амос. Поэтому мне нечего ответить на этот вопрос: в моем быту нет ни одного элемента, присущего жизни знаменитости. Иногда я вижу в кино, как живут успешные писатели, художники, артисты. Но это так далеко от меня... Правда, иногда я попадаю в не совсем обычные ситуации. Так, недавно я летел из Европы в Израиль на самолете израильской авиакомпании. Командир авиалайнера, любитель литературы, который читал мои книги, узнал меня и пригласил в кабину пилотов. Признаюсь, я очень обрадовался, но там, в кабине, среди пилотов и штурманов, мы говорили не обо мне и моих книгах, а о том, что связано с авиацией...

Один из вопросов, которые задают герою твоего романа «Рифмы жизни и смерти», звучит так: «Влияет ли это на жизнь твоей семьи?» Имеется в виду пришедшая к писателю слава. А что бы ответил на этот вопрос ты? У тебя жена, трое детей, внуки — влияет ли твоя слава на их жизнь?

У меня нет ни малейшего права говорить от имени моей семьи. Моя семейная жизнь — это та тема, на которую я не говорю со своими интервьюерами. Но, как и любой отец, я с удовольствием скажу несколько слов о своих детях. Моя старшая дочь, Фаня, — историк, профессор Хайфского университета. В настоящее время она занимается научной работой в Принстонском университете. Вторая дочь, Галия, — автор нескольких детских книг, очень хорошо принятых юными читателями и критикой. Кроме того, она занимается режиссурой: ею сняты несколько документальных фильмов, которые шли в кинотеатрах Израиля и были показаны по нашему телевидению. Сын, младший из детей, — поэт и музыкант. То, что на торжестве в честь моего семидесятилетия исполнялись его сочинения, было для меня замечательным подарком.

Раз уж заговорили о твоём сыне, хочу задать тебе вопрос, который для многих в Израиле является животрепещущим. Известно, что ты участвовал в нескольких войнах, которые пришлось вести Израилю. Сын твой тоже служил в Армии обороны Израиля. Если бы ему пришлось выселять людей из еврейских поселений в Гуш-Катифе на юге сектора Газа, как это случилось в 2005 году, когда осуществлялась программа Шарона по одностороннему размежеванию, и перед началом операции Даниэль обратился бы к тебе за советом, что бы ты ему посоветовал?

Я бы сказал ему, чтобы он, прежде всего, вел себя в соответствии со своей совестью, а затем — в соответствии с законами Государства Израиль.

Хотим мы того или нет, читатели всегда интересуются женами знаменитых людей. Твоего романного героя спрашивают: «Как относятся твоя бывшая жена к женским образам в твоих произведениях?» Уточним сразу, что слово «бывшая» в твоём случае неуместно: вы вместе с юных лет и по сей день. И мне кажется важнее, не вдаваясь в подробности, все-таки сказать не о её отношении к твоим персонажам, а о том, как ты относишься к ней и как она к тебе?

Моя жена Нили — мой самый лучший друг. Она музыкант, замечательно играет на духовых инструментах — флейте, свирели и флейте Пана. У наших друзей, посещающих её концерты, в ходу такая острота: «У нас есть возможность воочию увидеть, под чью дудку ты пляшешь всю свою жизнь». Я не спорю. Все верно. Пляшу. И делаю это с радостью всю свою жизнь.

Хорошо. Думается, сейчас самое время обратиться к самой Нили. Скажи, Нили, каково это — быть женой знаменитого писателя?

Нили: Мой ответ предельно прост. Я знакома с Амосом с юности, с четырнадцати лет. Мы поженились, когда мне было двадцать. А недавно мы отпраздновали нашу золотую свадьбу — пятьдесят лет вместе. Когда находишься рядом так долго, то жизнь твоя проходит не со «знаменитым писателем». А с человеком, который остается самим собой и тогда, когда до него уже достучалась мировая слава. И если выпало тебе провести жизнь рядом с таким человеком, как Амос, то твоя жизнь глубже, интереснее, богаче. Я бы даже сказала, что с каждым годом наша совместная жизнь улучшается — как это бывает с благородными сортами вин. Мы все лучше понимаем друг друга и во всем друг другу помогаем. И то, что, познакомившись в ранней юности, мы весь свой путь прошли рядом, придало нашим отношениям особый оттенок: они неизменно пронизаны любовью, дружбой, взаимопониманием.

Амос: Я бы, со своей стороны, еще добавил, что моя жена — моя первая и самая взыскательная читательница. Все, что я пишу, попадает прежде всего в её руки, если ей нравится, то я знаю: первый рубеж критики преодолён. Но если Нили замечает: «Об этом ты уже писал, ты повторяешься, лучше это убрать...» — я сразу понимаю: этот кусок текста надо исключить. Если Нили смеется — я знаю, что это смешно. Если вижу, что она готова заплакать, верю, что этот эпизод способен растрогать не только её...

Амос, судя по всему, твоя жизнь — и личная, и профессиональная, и общественная — удалась. Однако, как и героя твоего романа «Рифмы жизни и смерти», читатели вправе спросить тебя: почему в своих произведениях ты так часто описываешь отрицательные стороны бытия?

Наше существование не есть сложение положительного и отрицательного. Оно просто очень сложно. Оно исполнено инстинктов, страстей, побуждений, порывов, импульсов. И в нём, увы, нередки неудачи, поражения, провалы. Я пишу чаще о темных сторонах нашего бытия, нежели о вещах веселых и радостных, потому что вещи радостные воспринимаются как нечто само собой разумеющееся. Вот, скажем, стоит мост, по которому ежедневно в обе стороны проходят десятки тысяч транспортных средств и пешеходов. Пусть все пребудут в добром здравии, но о чем тут можно рассказать? Повода для рассказа просто нет. Но если, не приведи Г-сподь, мост рухнет — тут-то уже есть сюжет. Пусть каждый из моих читателей вспомнит, сколько песен написано о счастливой любви и сколько — о любви несчастной...

Следует ли из твоих слов, что ты скорее пессимист, чем оптимист?

Я бы сказал так: я пессимист, умеющий радоваться. Объясню: пессимиста ждут только приятные сюрпризы. Он встает поутру и знает, что комнатных туфель у кровати не окажется. Но если вдруг туфли оказались на месте — он радуется! Он бреется, твердо зная, что обязательно порежется. Но если этого не случится — он радуется! Затем он оправляется на кухню готовить себе кофе и вспоминает, что кофе вроде бы закончился. Но обнаруживается, что на одну чашку ему еще хватит. И пессимист снова радуется! Поэтому пессимист постоянно улыбается... Оптимисту же все сюрпризы приносят огорчения. Встав утром, он уверен, что тапочки ждут его у кровати, но их там нет — и он раздражается. Бреясь, он порезался — ну как тут не рассердиться! Идет в кухню готовить кофе, а кофе, оказывается, кончился — и весь день разбит... Так что у пессимиста гораздо больше поводов радоваться.

Амос, где ты черпаешь материал для своих книг? Из своего воображения или из окружающей действительности?

Когда я иду, скажем, на почту или в поликлинику, то неизменно ухожу оттуда с какой-либо историей, услышанной в очереди. А сколько сюжетов дарит мне поездка в автобусе из Арада в какой-либо другой город. А Безр-Шевский университет, профессором которого я являюсь, — среди моих студентов есть и коренные израильтяне, и репатрианты из разных стран мира, и бедуины из Негева — представляешь, какой это источник ненаписанных рассказов! Мир полон сюжетов. Все, что со мной случается, все, что я слышу, все, что попадает в орбиту моей жизни, — все это влияет на меня и, преображенное моим воображением, становится страницами моих книг.

Можно ли сказать, что твои книги носят автобиографический или даже исповедальный характер?

Видишь ли, если бы мне вздумалось написать рассказ о любви китайского императора к Мерилин Монро, то и тогда мое повествование имело бы налет автобиографичности. Оно носило бы автобиографический, но отнюдь не исповедальный характер. Исповедально я писал только о том, в чем хотел исповедаться. О том, в чем мне не хотелось исповедаться, я никогда не говорил. Все, что я хотел рассказать о своей жизни, — рассказал. А о чем хотел умолчать — умолчал.

Амос, есть ли у тебя постоянные часы работы?

Да. Я встаю каждое утро в пять часов, выпиваю чашку кофе и отправляюсь в пустыню, которая расстилается всего в нескольких сотнях метров от моего дома. Эта прогулка помогает мне видеть мир в его реальных пропорциях. Возвращаюсь домой, сажусь за письменный стол. Половина шестого — еще раннее утро, и это самые лучшие часы моей работы.

Ты сказал, что у тебя на столе две ручки — с черными и синими чернилами. Разве ты не пишешь на компьютере?

Нет, я пишу ручкой. Мне необходима эта чувственная связь между моими пальцами, держащими ручку, прикосновением к бумаге, чернилами, что, оставляя свой след на листе, покрывают строка за строкой белое поле... Компьютер воспринимается мною как создание механическое и потому чуждое. Когда я заканчиваю писать, выбравшись наконец из множества черновиков, вариантов, переделок, набросков, когда после всех усилий, наконец, выкристаллизовывается текст, я сажусь за компьютер и двумя пальцами отстукиваю то, что написал.

Что ты думаешь о других писателях, кто из них оказал на тебя влияние и кого ты совершенно не приемлешь?

Я скажу только о тех писателях, которые близки мне. Не вижу смысла говорить о тех, кого по тем или иным причинам не приемлю. Ивритская литература оказала на меня огромное влияние. Наши писатели и поэты, творившие в начале XX века, — Хаим-Нахман Бялик, Йосеф-Хаим Бреннер, Шмуэль-Йосеф Агнон, Миха-Йосеф Бердичевский, Натан Альтерман, Самех Изхар — их я считаю своими учителями, их влияние постоянно ощущаю. В родительском доме я с детства пребывал в атмосфере великой русской литературы, которую они читали в подлинниках, а я, увы, только в переводах. И Николай Гоголь, и Лев Толстой, и Федор Достоевский, и Антон Чехов стали моими любимыми писателями. Некоторые из классиков англоязычной литературы тоже оказали на меня заметное влияние. Прежде всего Джеймс Джойс и Уильям Фолкнер. Но на формирование писателя влияет множество факторов, и потому вряд ли возможно измерить точной мерой, что привнес в нашу жизнь и в наше творчество тот или иной литератор. Я, например, не могу забыть то впечатление, которое производили на меня когда-то в детстве истории и сказки, придуманные для меня моей матерью, родившейся и выросшей в городе Ровно на Украине и получившей европейское образование. Думаю, что именно они разбудили мою фантазию и в конечном счете определили мое желание стать писателем. Кстати, тут, возможно, стоит сделать небольшое отступление. На Украине родились мои родители, мои бабушки и дедушки. Я никогда там не был, но, как уже сказал, знаю ее по рассказам моей матери, которые запомнил на всю жизнь. Но та Украина, где родились мои предки, уже не существует: множество евреев погибло в пламени Катастрофы, а из тех, кто уцелел, немало уехало в другие края, в частности сюда, в Израиль. Они, должно быть, видят Украину в своих снах. И я тоже вижу в своих снах те пейзажи, которые не могли забыть мои мама, бабушки и дедушки и которые благодаря им стали пейзажами моего детства: зеленые луга, могучие леса, бескрайние поля... Все то, чего нет в наших пейзажах... И возможно, поэтому среди писателей, оказавших на меня наибольшее влияние, одним из первых я назвал Николая Гоголя.

Амос, понимаю, насколько наивно спрашивать писателя, что он хотел сказать в своей книге. Еще Оскар Уайльд говорил: искусство – это зеркало, в котором отражается не художник, а тот, кто в него смотрит. Но один из вопросов, на которые готовится отвечать герой романа «Рифмы жизни и смерти», звучит именно так: «Не будешь ли ты так любезен, чтобы коротко, простыми словами раскрыть нам, что именно хотел ты сказать в своей последней книге?» Я спрошу несколько иначе. Твоя последняя книга — «Картины сельской жизни». Почему ты вдруг обратился к сельской жизни? Скажем, в России жизнь деревни резко отличается от жизни города. Но в Израиле все обстоит по-другому...

Ты прав: я не могу принять такую постановку вопроса — что, мол, ты хотел сказать в своей книге. Ибо в книге я не хочу сказать. Я хочу рассказать. Подобно тому как музыкант хочет сыграть. Никому ведь не приходит в голову спросить музыканта, что же он хочет сказать своим исполнением. Что же касается книги «Картины сельской жизни», то она родилась из сна. Как-то мне привиделся сон: я оказался в одной из израильских деревень, существующей уже более сотни лет. Есть в Эрец-Исраэль такие селения, которые были созданы значительно раньше, чем Государство Израиль, некоторые из них более чем вдвое старше самого государства. И снилось мне, как я хожу по пустынным улицам и не встречаю ни одной живой души. Я ищу людей, но никого не нахожу. Окна домов забраны жалюзи, дворы в полнейшем запустении... А потом сон вдруг меняется: теперь уже не я ищу, а ищут меня, и я пытаюсь выбраться... Вот из этого сна родилась книга, герои которой живут в некой вымышленной деревне, созданной первопроходцами-землепашцами более сотни лет тому назад. Некоторые из главных героев одного рассказа появляются как второстепенные персонажи в других новеллах. Это повествование о людях, о жизни, о человеческих характерах...

Амос, ты живешь в Араде, небольшом современном израильском городке, расположенном на горном перевале в Иудейской пустыне. Вокруг — волшебные ландшафты, полные величавого покоя. И Иерусалим, где ты родился, и Тель-Авив, где бурлит культурная жизнь Израиля, довольно далеко отсюда. Я знаю, что много лет назад выбор Арада был обусловлен его целебным климатом, в котором нуждался тогда твой сын-подросток Даниэль. Но вот уже и Даниэль вырос и покинул Арад, а ты отсюда так и не уехал. Что это — стремление к уединению? Или то завораживающее чувство, которое вызывает пустыня, открывающаяся прямо за твоим окном?

Я действительно люблю эти пустынные просторы. Пустыня все расставляет на свои места, возвращая миру его подлинные пропорции. Когда я утром выхожу в пустыню и вслушиваюсь в ее бездонное молчание, вижу первый свет зарождающегося дня, а потом возвращаюсь домой, включаю радио и слышу, как разные политические деятели бросают в эфир слова «навечно», «во веки веков», я знаю, что камни и скалы там, за моим окном, смеются над ними. Повторюсь: пустыня дает мне чувство пропорции, и я глубоко люблю ее за это. Поэтому — Арад.

Слушая твои ответы, я понимаю, что ты вел себя вовсе не так, как утверждал твой герой-писатель из романа «Рифмы жизни и смерти»: «отвечая на вопросы, или умничаешь или уклоняешься». Но не могу не согласиться с другим его утверждением: «Прямых и простых ответов просто не бывает».

Я старался честно, без уверток и умничанья ответить на предложенные мне вопросы. На некоторые из них просто нет достаточно определенных и ясных ответов, или, может быть, они есть, но я их еще не знаю...

Приходит тётя Фейга, на голове шерстяной платок, в руке — кошёлка. Она заметила только что распакованный товар и зашла купить его для шалахмонеса. И вот тут начинается бессмертие апельсина!

Бедна и бесцветна литвацкая жизнь. И ту малость, что порой выпадает литвакам от щедрот природы, они используют помаленьку, разумно, не забывая ни об одном из пяти чувств. Ни капли прекрасного фрукта-чужестранца не пропадёт. Даже если бы апельсин был реинкарнацией (2) грешной души, в доме у тети Фейги она бы завершила колесо перерождений, получив полное искупление грехов.

2

— Что, и за восемь копеек тоже не хотите? Всего наилучшего!

Но бакалейщица прекрасно знает, что тёте Фейге некуда больше пойти за такой покупкой, поэтому она тянет покупательницу за платок:

— Чтоб у всех был такой хороший Пурим, какой золотой товар я вам предлагаю... Только ради почина!

— Только ради почина! — приговаривает Эле-бакалейщик, опытный распаковщик ящиков с апельсинами.

Монетой больше, монетой меньше... Тётя Фейга выбирает лучший, самый тяжелый апельсин, заворачивает его и опускает в кошёлку, рядом с яйцами, луком, пуримскими вкусоностями и всякой всячиной. Приходит тётя Фейга домой, набрасывается на неё детвора, от одиннадцатилетнего мальчика, который уже учит Гемору, до младшенького, который учит Пятникниже, — их накануне праздника освободили от занятий в хедере, — и сразу же начинается ревизия маминной кошелки:

— Мама, что ты принесла? Что ты принесла?..

Унимает их тётя Фейга: одному даст шлепка в честь праздника, другому — затрещину, третьего дёрнет за ухо:

— Вот ведь напасть, набросились как саранча!

А потом всё-таки показывает, что накупила:

— Натe, глядите, бесенята, голодранцы!

Среди местечковых литвацких вкусоностей сияет, как предвестие богатства и счастья, апельсин. Дети потрясены. С прошлого Пурима у них в памяти ещё остался след, тень запаха этого плода. И вот он снова воскрес, с тем же запахом, такой же круглый, вот он! Потом они снова не увидят его целый год.

Его хватают тонкими ручками, нюхают, удивляются.

— Ой, ну и вкуснятина! — говорит младшенький. — Ой, как пахнет!

— Это растёт в Стране Израиля, — говорит мальчик, который уже учит Гемору, и становится вдруг гордым и серьёзным.

Тётя Фейга запирает апельсин в комод. Но круглый, ароматный, пылающий плод уже живёт в детском воображении как сладостная мечта. Он, как невиданная драгоценность, сияет среди твёрдых зелёных яблок и солёных огурцов, которые только и видели дети всю зиму.

Наконец наступает в добрый час канун пуримской трапезы, и апельсин над грудой пирожных, мармеладок, смокв и конфет сияет, словно огромный коралл, на многоцветной мозаике.

Тётя Фейга накрывает шалахмонес салфеткой и отдаёт посыльному. Апельсин высовывает макушку из-под салфетки, как будто говорит: «Я тут, весь целиком, с праздником, дети!» Дети провожают его в путешествие тоскующими взглядами. Они знают, что ему, бедному, предстоит выдержать много перевоплощений, прежде чем он вместе с посыльным вернётся обратно.

Так и происходит. Другая тётя посылает тёте Фейге лимон, а апельсин — другой родственнице. Теперь у тети Фейги уже есть лимон. Посылает тётя Фейга этот лимон той родственнице, там он снова встречается с апельсином и меняется с ним местами. Тётя Фейга получает назад свой ненаглядный апельсин...

Накрывают стол, сидит он, гулёна, на прежнем месте, как царь во главе воинства пряников, конфет и изюма. На нем росой лежит холод пуримской ночи. Кажется, что апельсин улыбается: он немного устал и немного озяб от долгого пути сквозь эту заснеженную и чужую для него ночь:

— Ну, дети, вот я и вернулся к вам, что ж вы боялись?

3.

Пурим проходит, а апельсин лежит в комодe в полной сохранности, и это ему по душе. Подносят родственникам субботние лакомства, возлежит апельсин, как царский сын, среди плебейских яблок и гречских орехов. Его разглядывают, спрашивают, сколько он стоит, делятся мнениями, словно богатеи, привычные к таким плодам, и кладут его обратно на место. Яблоки и орехи исчезают на глазах, а апельсин всякий раз выскальзывает из рук гостей и остаётся цел. Шкловские родственники совсем не обжоры, не приведи Г-споди, и знают, как себя вести.

Мишенихнес одор марбим бесимхе... (3) Дней через десять после Пурима в доме тётки Фейги подписывают *тноим* (4). Тётка Фейга сговаривает свою старшую дочь за сына приличных родителей, и апельсин снова лежит на почётном месте, под самой висячей лампой, точно из-за него всё торжество. Правда, одна щека у него уже немного сморщилась, как у старого генерала, но, несмотря на это, вид у апельсина ещё вполне царский. Он по-прежнему украшает собой стол как роскошная, экзотическая диковинка. Детвора, от младшенького, который учит Пятикнижие, до одиннадцатилетнего, который уже учит [Гемору](#), не раз напоминала папе и намекала маме, что пора бы попробовать... сказать «Шеэхеёну» (5), они только хотят сказать «Шеэхеёну»... Тётка Фейга хорошенько на них накричала: бездельники, обжоры! Когда придёт время сказать «Шеэхеёну», вас известит шамес (6) из Брод (7). Не бойтесь, папа с мамой без вас не съедят.

Во время *тноим* детвора трепещет: а вдруг жениху захочется сказать «Шеэхеёну». Кто знает, что может захотеться жениху во время *тноим*! Ведь мама всегда даёт ему лучший кусок.

Но жених-то ведь из Шклова, порядочный жених. Он знает, что апельсин был сотворён не ради того, чтобы женихи ели его на *тноим*, а для украшения стола. Только на мгновение апельсин оказывается в руке жениха: кадык поднимается к подбородку и снова опускается, и личность апельсина снова остаётся неприкосновенной.

Но наступает наконец канун счастливой субботы. Апельсин уже не такой круглый, как раньше, и не такой ароматный. Его юность прошла. Но это неважно. Апельсин есть апельсин! После субботнего ужина настроение приподнятое. О шамесе из Брод речи больше нет, но детвора чувствует, что на этот раз уж точно скажут «Шеэхеёну», и притворяется равнодушной. Можно подумать, что никакого апельсина на свете нет.

Тётка Фейга зовет дядю Ури:

— Ури, давай, раздели детям апельсин. Зачем откладывать?

Бородатый и косоглазый дядя Ури — опытный едок апельсинов, за свою жизнь отведавший их уж точно не меньше полудюжины, если не больше, — садится во главе стола, открывает большое лезвие своего «паревного» (8) ножика — старенького «Завьялова» (9) — и приступает к операции. Дети стоят вокруг стола и смотрят на папу с восхищением, как на заезжего фокусника, им уже не терпится узнать, что там внутри, да и попробовать наконец. Что поделать, человек есть человек, не терпится... Но дяде Ури некуда спешить. Осторожно и спокойно он прорезает на апельсине ровные дуги от одного «полюса» к другому: сперва четыре, потом восемь, одну к одной (поговаривают, что ему нет в этом равных!), и принимается очищать кожуру...

Все прислушиваются к тому, как лопается мясистая эластичная кожура. Медленно отделяются геометрически правильные алые кожурки. Местами, правда, апельсин слегка перележал, и вместе с кожурой отрываются сочные кусочки «мяса». В этом случае дядя Ури издает звук «фф-т!», точно это причиняет ему боль. Он запускает лезвие ножа внутрь апельсина и оперирует опасное место. Выкатывается апельсин из своих бело-желтых душистых пелён, и дядя Ури ловко делит его на одинаковые «полумесяцы», долька к дольке. — Дети, — призывает помолвленная дочь, ставя на стол большую стопку, — не забывайте про зёрнышки, бросайте их сюда. Мы их вымочим и посадим...

Обращается-то она к братикам, но имеет в виду и отца.

Детвора готова помочь будущей хозяйке в её многообещающем предприятии. И их глазки обращаются к нежным розовым полумесяцам на тарелочке.

Первое благословение произносит сам дядя Ури. Он прожёвывает одну дольку и благоговейно проглатывает её. Закрывает один косой глаз, а второй поднимает к потолку и вертит головой: — Апельсин что надо! Подходите-ка, дети...

Прежде всего подходит младшенький. Это его привилегия: где какая-нибудь вкусность, там он первый после папы. Во весь голос, пискливо, он произносит благословение, хватая свой «полумесяц» и захлёбывается им.

- Не хватай!.. — говорит ему дядя Ури очень спокойно. — Никто у тебя не отнимет.
— А где зёрнышки? — спрашивает невеста и подставляет стакан.
— Да-да, где зёрнышки? — помогает дядя Ури.
— Проглотил... — пугается младшенький и краснеет до корней волос.
— Проглотил?!
— Да-а-а...

И на глазах у малыша выступают слёзы. Он быстро оглядывается на старших братьев... Те молчат.

Пропало дело... Он знает... Теперь ему никакой папа не поможет. Уж ему влезут в печёнки. С этого дня у него новое прозвище — Зёрнышко...

Затем раздаются остальные дольки апельсина, по порядку, снизу вверх, пока очередь не доходит до мальчика, который уже учит Гемору. Он берёт свою дольку, поигрывает ею, потом кусает, чувствуя при этом и чудесный вкус, и привет Страны Израиля, о которой он столько раз мечтал в хедере. Апельсины же растут только в Стране Израиля...

- А благословение? — подлавливает мальчика дядя Ури, не сводя с него взгляда своих косых глаз.
— Борух ато адой... (10) — пристыжено лепечет мальчик, который уже учит Гемору. И кусочек апельсина застрекает у него в горле. Ой, омрачённый, омрачённый привет Страны Израиля!..

Однако дядя Ури отнюдь не удовлетворён. Нет! Он стыдит мальчика, который уже учит Гемору, говоря, что тот мог бы поучиться, как надо произносить благословение, у младшенького, да, мог бы поучиться. Дядя Ури уверяет сына, что тот ещё будет у младшенького в дворниках. И... Но на полуслове спохватывается:
— Фейга, почему ты не попробовала?

Это чудо, что дядя Ури спохватился. А то Б-г знает, когда бы он закончил свои правоучения.
— Эка невидаль, — отзывается тётя Фейга, однако подходит, произносит «Шеэхеёну» и наслаждается: ай, ай, что за чудесные вещи бывают на свете! И начинается продолжительный разговор об апельсинах.

Тётя Фейга говорит, что если бы она была богата, то каждый день съедала бы... пол-апельсина. На целый у неё не хватает воображения. Потому что как это можно взять и среди бела дня съесть целый апельсин за восемь с половиной копеек? У дяди Ури, однако, замах повыше. Он ведь бывал на ярмарке в Нижнем. Дядя Ури улыбается своими косыми глазами. Нет, если бы он был богачом, то велел бы выдавить в стакан сок сразу из... трёх апельсинов и выпил бы одним махом. Во как!

Жена и дети потрясены таким богатством фантазии и представляют себе полный стакан розовой, слизистой апельсиновой гущи: белая пена сверху, а в пене плавают зёрнышки...

Минуту все сидят за столом молча и мечтательно созерцают жёлтые влажные зёрнышки, собранные невестой у всех участников делёжки апельсина. Она заливает зёрнышки водой и пересчитывает их через стекло. Раз, два, три, четыре... Целых девять зёрнышек набралось у неё. Да! Через неделю она посадит их в цветочные горшки, а после свадьбы заберёт к себе на квартиру. Она расставит горшки на окне, чтобы зёрнышки прорастали под перевёрнутыми стаканами.

Вы думаете, это конец? Вы забыли, что у апельсина есть ещё кожура...

4.

Один из детей сделал открытие: если сдавить кусочек апельсиновой кожуры перед зажжённой лампой, то видно, как кожура выпускает целый фонтан прозрачных малюсеньких пахучих капелек, и если брызнуть ими в глаз братишке, тот начинает моргать... Однако, не успев усовершенствовать своё изобретение, первооткрыватель как следует получил по рукам, и все кусочки кожуры исчезли в фартуке тёти Фейги.

— Ничего им не жалко, негодникам. Это вам что, картофельные очистки... Нет, если бы ещё чуточку, можно было бы сварить из этого варенье... Да, варенье...

Но стоит ли об этом говорить? Столько апельсиновой кожуры, чтобы хватило на варенье, можно собирать до пришествия Мессии.

Чтобы высушить кожуру, её кладут на ночь в тёплую духовку. Золотисто-красные кожурки, которые ещё вчера выглядели такими свежими и сочными, стали сморщенными, бурыми, скрюченными и твёрдыми, как старые [мезузы](#). Берёт тётя Фейга острый кухонный нож и крошит кожурки в лапшу, а потом разрезает на маленькие длинные «конфетки»... Отправляет кусочки в бутылку, заливает водкой, засыпает сахарным песком и убирает, чтоб настоялось. В водке бурые ссохшиеся кусочки оживают, набухают, распускаются, принимают свой прежний вид. Налейшь стаканчик, попробуешь — и почувствуешь настоящий вкус апельсиновой корочки.

Приходят родственники на угощение, произносят благословение над спиртным, пробуют, наслаждаются и соглашаются, что это очень полезно для желудка. А родственницы расспрашивают тётю Фейгу, как она додумалась до такого.

— Вот... — говорит дядя Зяма своей супруге Михле, — у тебя всё зря пропадает. Ты ведь тоже купила апельсин на Пурим! И где кожура? Нету, выброшена.

Перебивает его дядя Ури:

— Ну, Зяма, давай лучше ещё по капельке!

И улыбается косыми глазами своей хозяйке, тётю Фейге.

Горлышко бутылки опять оборачивают вверх пробки куском белой тряпочки, чтобы водка не выдохлась, и ставят обратно в шкаф получше настояться. Стоит там бутылка одна-единёшенька, как благочестивая еврейка, [агуна](#) в чепце...

Приходит Пейсах, продают евреи [хомец](#) Алексеюке, водовозу с грязными льняными волосами. Бутылка с померанцевкой тоже попадает в гойские руки. Целую неделю стоит она, проданная, запретная, и ждёт не дожждётся, когда её пустят обратно, чтобы мужчины с седыми бородами и женщины в благочестивых париках (11) произносили над ней благословение и рассуждали о чудесах тётю-Фейгиной тороватости.

Иногда такой бутылки хватает на год. Время от времени в неё добавляют свежей водки и отвеживают изредка до тех пор, пока кусочки апельсиновой кожуры на дне бутылки не потеряют своей силы, не размокнут и не выцветут. Тогда дядя Ури выколачивает их из бутылки на тарелку.

Это бывает обычно на исходе [субботы](#), после [авдолы](#), когда дополнительная душа покидает человека, и будничная тоска прокрадывается из углов. Ищет дядя Ури, чем бы себя порадовать, и вспоминает о размякших, пропитанных водкой сладких апельсиновых корочках.

Он, извините, переворачивает глубокоуважаемую бутылку над тарелкой и шлёпает её сильно, но мягко по вогнутому дну.

— Пум, пум, пу-ум... — гулко отзывается бутылка на весь дом, окутанный тенью исхода субботы.

В этом звуке слышится что-то вроде испуганного глубокого вздоха — гулкое эхо старого вычерпанного колодца. Кажется, она, эта бутылка, кричит о том, что из неё выколачивают душу, остаток жизненных сил... И при этом из её стеклянного горлышка падают клейкие золотисто-жёлтые аппетитные кусочки.

Потом становится тихо. Дядя Ури произносит благословение над этими остатками, пробует сам и даёт всем попробовать.

Дети согласны, что хоть от корочек и жжёт немного язык, но вкус бывшего пуримского апельсина, мир его праху, ещё чувствуется.

К тому времени, когда в доме дяди Ури исчезает последнее напоминание о знаменитом апельсине, его наследники — вымоченные, набухшие зёрнышки — давно уже проросли в цветочных горшках у выданной замуж дочери дяди Ури. Три-четыре острых клейких листочка пробились из каждого зёрнышка.

С них только недавно сняли перевернутые запотевшие стаканы. Они привыкают, не сглазить бы, к шкловскому климату и понемногу растут, покамест сдерживая зелёную улыбку, которую они привезли из тёплых стран и припрятали про себя.

Молодая жена ухаживает за ними, поливает через день. *И Б-г знает, что из них может однажды вырасти.*

Ī ðèì á:áí èá í áðááîä:èéîâ

- (1) Традиционное мужское платье, род длинного пальто.
- (2) В иудаизме существует представление о реинкарнации (перерождении души). Душа переселяется из тела в тело до тех пор, пока не искупит все свои прегрешения.
- (3) «Когда наступает адар, увеличивают радость» (ивр.) (Талмуд, трактат «Таанит», 29). Традиционное высказывание о месяце адар, на который приходится весёлый праздник Пурим.
- (4) Условия брачного контракта, подписываемые во время помолвки, и сам обряд помолвки.
- (5) «Который даровал нам жизнь» (ивр.). Благословение, произносимое при первом вкушении какого-либо плода в новом сезоне.
- (6) Синагогальный служка.
- (7) Броды — большой город в австрийской Галиции (в настоящее время в Львовской обл., Украина) на самой границе с Российской империей. Для российских евреев Броды были символом Европы, заграницы.
- (8) То есть для разрезания продуктов, которые не относятся ни к мясным, ни к молочным, например овощей и фруктов.
- (9) «Товарищество производства стальных изделий Л. и А. Завьяловых» в с. Ворсма (Нижегородская губ.) — крупнейшее в России производство ножей и ножинок. Завьяловские ножи славились высоким качеством.
- (10) «Благословен Ты, Г-споди...» (ивр.). Начало любого благословения.
- (11) Замужняя женщина должна скрывать волосы. С конца XIX века зажиточные ортодоксальные еврейки сменили традиционный чепец на парик.

Гертруда и НЛП

Маргарита Хемлин. Клоцвог

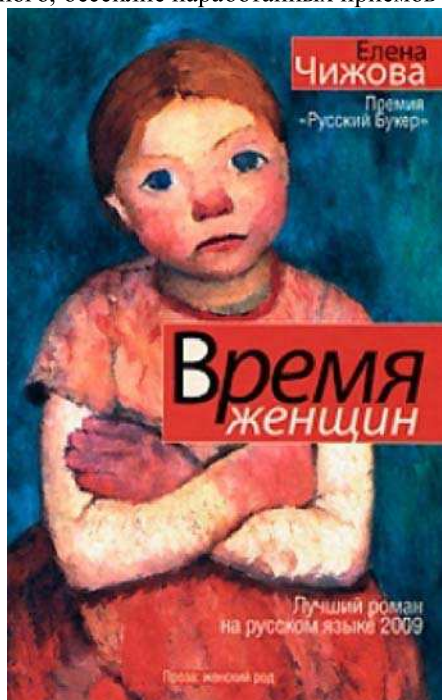
Всероссийская государственная библиотека иностранной литературы им. М. И. Рудомино, 2009.

Валерия Пустовая

Словно бы в утешение критикам, жаловавшимся, что не созрели еще писатели для актуального осмысления советского опыта, стали появляться такие книги: маленькие, равнодушные к эпопейным страстям, живущие заботами от кухни до двора — и притом очень точно вскрывающие самую суть советской травмы. Тут важно было нашарить ключ, проблему: травма — в чем она? Человек под государством, духовность на службе — все это обдуманно и как будто отпущено в прошлое. Но что-то еще остается с нами, взятое оттуда, рифмуется с нами через век, беспокоит неизбытой актуальностью.

Модернизация — вот основная сегодняшняя проблема, какую сферу ни возьми. И стоит она сегодня в тот же рост и с той же бесповоротной решимостью, что и в первые советские десятилетия. Вплоть до сегодня была надежда отделаться реформами, восстановлением. Но теперь ясно, что из разрушенного дома спасется только тот, кто не оглянется. Требуется сила шагать вперед, воля к неизвестному, легкая память. В полемике о литературе, театре, политике, быте, общении, наконец, вере на первый план выходят (и в дальнейшем, есть чувство, будут все заостряться) не вопросы повышения уровня, налаживания связей, освоения площадок — эти уютные толки нулевых, — а вопрос ребром о нашей готовности принять диковинную трансформацию известного, бессилие наработанных приемов отладки и оценки действительности.

Принять жизнь, в которой проще не знать, не помнить — как надо. Именно в таком времени выбора — остаться ветшать с дорогими развалинами или выжить на новом месте — оказались героини романов Хемлин и Чижовой. Совпадение в их устройстве поразительно только до тех пор, пока не уловишь родство на уровне самого глубокого, едва выведенного на художественную поверхность конфликта.

В послевоенное время одинокая женщина беременеет неожиданным ребенком. Вот точка отсчета, от которой героини Хемлин (еврейская красавица Майя Клоцвог) и Чижовой (молодая русская баба под кодовым именем «Мать») движутся симметрично. Тут место посравнивать менталитеты, характеры. Героиня Чижовой тащит на себе немую дочку и трех соседок-старух, волей случая записавшихся к ней и в бабушки, и в няньки. Героиня Хемлин ищет, кто бы потащил ее саму. Героиня Чижовой сохнет по, догадываемся, давно сосланному любовнику — даром что этот «интеллигент» бросил ее по идейным соображениям. Героиня Хемлин в

назидание жалливым бабам проходит мимо пьяного бывшего мужа, которого сама и выжила с жилплощади. У Чижовой героиня эмоциональна, сердечна, у Хемлин — не по годам рассудительна, деловита.

Однако подобные сравнения напрашиваются только ввиду необыкновенного совпадения сюжетов и к делу не относятся, потому что и муравьях, и стрекоза приходят к одному результату: главная ноша и отрада — ребенок — оставлен на попечение бабушек. Скажем больше: в бабушкином времени и мире.

Соревнование бабушкиного предания и практических доводов нового времени — вот исторический, глубинный конфликт романов. Поверх пущена психология, особенно сильно забивающая историю в книге Хемлин. Но душевные коллизии в романах, если вдуматься, прорастают в историю, ею подпитаны. Потому что эпоха коренной, до самых основ, модернизации — не такое время, когда воспитание ребенка может остаться личным делом.

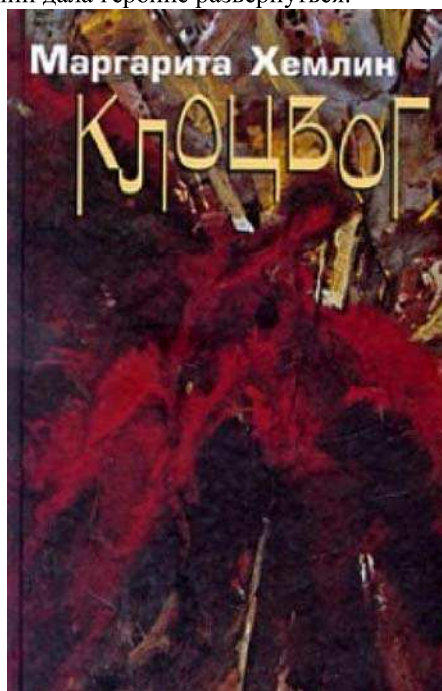
В романе Чижовой это выражено наглядней. Активистка из заводского месткома уговаривает главную героиню не прятать дочку от коллектива и дружных песенок, а та, скрывая немоту ребенка, упорно отправляет дочь вместо детской елки на балет. «Вот вырастет девка старорежимная», — пугает месткомовка. В эмоциональном мире Чижовой наш выбор predetermined: мы болеем за мать, спасающую дитя от чужих. Но если взглянуть на ситуацию холодной, поймем, что речь идет о затрудненной социализации ребенка, исключенного из реальности, в которой ему неминуемо предстоит жить, а значит, злая тетка дело говорит. Так же как героиня Хемлин, которая заявляет мужу: «По-еврейски мой ребенок говорить не будет никогда».

Коммуналка, в которой доживают одинокий век три чужие друг другу бабки (Чижова), и провинциальный городок Остёр (Хемлин) — островки сказки в мире победившей реальности, вывернутое, зазеркальное пространство по отношению к современности. Попадая в него, дети растут мировоззренческими беглецами. В романе Чижовой это прочитывается как миссия: девочке Софье вместе со сказками, молитвами, преданиями русской старины передается завет — хранить, помнить. Жить назад. В романе Хемлин миссия не обозначена, но итог тот же: воспитанный романтически и религиозно, сын Миша не интересуется прагматикой нового времени, так органично освоенной его матерью, и выбирает жизнь вдали, в неощутимости ни для матери, ни для современности, на флоте, в глубине — воды и внутренней эмиграции.

Этот выбор прошлого перед лицом настоящего имеет и психологическое значение, акцентированное в романе Хемлин. Бабушкин мир — это мир душевных связей, сердечных предпочтений (не случайно неродные тут выбираются как самые близкие — три старухи для Софьи, а для Миши — приемный дед и новая подруга приемного отца, заменившая мать). Это выбор привязанности — против социализации, мифа — против выживания, мечты — против рассудка, индивидуальности — против усреднения.

Язык романов под стать сюжету — бедный по виду, искусный в действии. И Чижова, и Хемлин сумели дать голос преданию — через язык, сдвинутый в прошлое: фольклорный лаконизм (Чижова) или своего рода «суржик» казенно-советского и еврейского русского из анекдотов (Хемлин).

Но пора оставить параллели и сосредоточиться на нашей главной героине — ведь «Клоцвог» гораздо актуальнее «Времени женщин». Чижова застряла в бабушкиной сказке, так что и линию выросшей дочери покомкала, и мать из дальнейшего сюжета жизни путем похорон убрала — таково было ее сердечное авторское предпочтение. А вот Хемлин дала героине развернуться.

Роман «Клоцвог», по выражению заглавного и много действующего лица, — о том, «как человек прошел путь». Звучит героически. Майя Клоцвог и есть сама себе героиня, прошедшая путь, который самостоятельно проложила. Жизнетворчество — это современно. В духе распротранившихся модных учений — а у нас, как при закатном эллинизме, умы людей отвлеклись от

богов и космогонии в пользу практической этики, толкователей которой не счесть, — Майя Клоцвог строит свой позитивный мир, разруливает конфликты, задает оптимистический тон, конструктивно трактует прошлое, добирается до цели. Ее рефренное «дело не в этом» — это присказка человека, который не заморачивается и идет только вперед. Оптимизм, конструктивность, действенность, целеустремленность, пластичность установок — все это навыки жизнотворчества, которые воспитывают в современном человеке СМИ и многообразные тренинги. «Надо жить» — эта констатация, ставшая лейтмотивом романа Хемлин, из драмы русского интеллигента обратилась в лозунг масс.

Поэтому и героиня Хемлин очень современная, никакая не историческая. И сам роман из-за нее — не исторический по духу. Тем более не стандартно национальный. Против ожиданий перед нами не гонимая еврейская мученица, а мастер по НЛП. Будете читать — проследите за своей реакцией. Я, например, вначале возмущалась беспардонной хваткостью героини, потом задумалась, всегда ли правы ее сердобольные, слезливые оппоненты (мать, бывшие мужья и другие, которые «переживают», «так переживают», а ничего не делают), и вот принялась хохотать — от восхищения.

Проверьте-проверьте: знаете ли вы, как упечь бывшего мужа в новую жизнь, искусно обойдя его память о прошлом? как предложить ребенку свободный выбор в выгодную для себя сторону? как в ссоре выяснить самую суть, закрыв глаза на болезненные подробности? Героиня недаром с первых страниц подчеркивает: она — педагог, а бывших педагогов не бывает. Она и подает как урок свою цепкость к жизни, свою рассудительность, называя это «терпением и пониманием», но вкладывая в эти слова явно личный, нетрадиционный смысл.

Нетрадиционна и ее биография, как будто predeterminedная еврейским происхождением. В самом начале героиня предвещает нас о своих «невзгодах», которые ей приходилось «преодолевать» с детства «и дальше». Но странное дело: ни одна из многих вроде бы намечаемых в книге трагических развязок не реализована. Хотя чего только не было — и угроза выселения, и гнев обманутого мужа, и тяжело больная свекровь, и несчастный случай с малышкой-дочкой. История, как и мыльная опера, обошла героиню стороной. И вместе с тем роман получил ошутимое, глубокое драматическое звучание. Но драма героини — в чем-то другом, неожиданном: не еврейском, не советском — вне времени.

Плохое поэтому название у романа, неподходящее. Имя «Клоцвог» замыкает нас в том самом «бабушкином» пространстве, из которого — сознательно и успешно — выселяется героиня. Имя не играет, не «выстреливает», потому что несколько не определяет ни судьбу, ни природу героини. Настоящая Клоцвог в романе — это мать Майи.

«Клоцвог» могло бы претендовать на имя нового социального или человеческого типа — но и тут от ворот поворот, потому что образ героини, хоть и актуализированный, по существу совпадает с уже известными в искусстве коллизиями и характерами. При чем коллизиями и характерами вневременными, внациональными: деспотичная мать, глава распавшегося семейства, заигравшаяся красавица, расчетливая авантюристка.

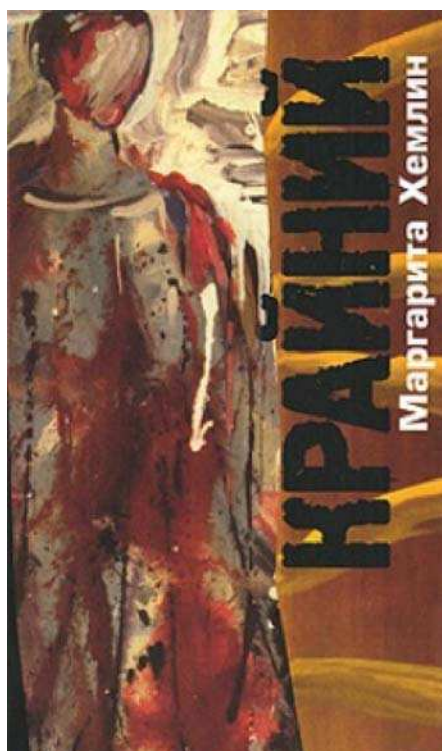
Героиня романа не еврейка в том же смысле, в каком Гертруда — совсем не датская королева. Ее драма не привязана к обстоятельствам и могла приключиться в любой момент истории — эта универсальность и делает роман Хемлин таким замечательным, внятным любому поколению читателей.

Героиня Хемлин переживает драму душевную. Попытки объяснить охлаждение, отчуждение ее детей тем, что она еврейка, не только обеднили бы, но и исказили понимание романа. Закрытость сына, бессердечное своеволие дочери — вполне «классическое», универсальное решение душевного сюжета романа, по образцу «Мне отмщение, и Аз воздам», над которым бьется каждое поколение читателей Толстого. Трагедия мести современному автору интересна еще меньше, чем Шекспиру. Жизнь воздаст, как это сказано у Хемлин, «силой вещей».

Гертруда думает, что Гамлет чудит от любви («Часто пропускал школу, ссылаясь на плохое самочувствие, потерял аппетит. Я решила, что ему пришла пора испытать первое светлое чувство влюбленности»), а он — задумывается. Тень отца — в романе Хемлин их даже несколько — явилась для него соперником этических установок матери. Сделав выбор в пользу отцовской системы координат, для матери он сам становится все равно что тенью. В главные лица трагедии выдвигается она, ей же и задаваться к концу романа вопросом, сродни знаменитому Гамлету: «Стоит ли мне жить?»

Хемлин актуальность угадала — и переплюнула. Конструктивный мир, построенный своей волей, постоянным психологическим усилием, рассыпается в прах от неконструктивных переживаний. Тотальный позитив неразлучим с печалью. На излете молодости героиня оказывается зависимой от той самой душевности, которой пренебрегала, жертвовала в пользу спокойствия.

В конце романа героиня Хемлин встречается с душой, подобно тому как актриса — героиня известного романа Моза «Театр» (тоже, кстати, отвергнутая мать) — встретила с реальностью. От противного доказав «встреченной» души — неистребимость и всевластие.

Почти одновременно с «Клоцвогом» вышел еще один роман Маргариты Хемлин — «Крайний». Но о нем следует говорить лишь потому, что его написала автор «Клоцвога». Он и по содержанию является романом как бы при «Клоцвоге» — его приквелом: молодой еврей Нисл не понаслышке, в отличие от мальчика Миши, а в бою познакомился с партизаном Гилей (для Миши из «Клоцвога» он — тот самый приемный дед, за которого вышла бабушка). Сам по себе этот «мужской» роман не идет ни в какое сравнение с романом «женским».

Опять о названии. «Клоцвог» название пустое, незначащее — «Крайний» значит даже слишком много. Название снова нас обманывает, только наоборот: роман с универсальным, вневременным именем отражает сугубо историческое явление. Аннотация обещает войну, но по ней мы вслед за автором пробегаем быстро, конспективно: Хемлин сильна в изображении гражданской, повседневной жизни, которая предполагает особые бои. В «Крайнем» о том и речь, что герои специфики гражданских «боев» не принимают, а продолжают партизанить в тылу послевоенной жизни.

Эта жизнь, нарисованная Хемлин убедительно, точно — чего стоит одна картина свадьбы, на которой баба, потерявшая в войну детей, срывает общее показное веселье, да и эпизодическая девочка-украинка, отрезавшая косу, чтобы пойти в артистки, запоминается живо, — этот изменчивый, яркий фон оттеняет бледность и неповоротливость главной интриги. Она, не в пример точно прорисованному психологизму «Клоцвога», скорее интеллектуальной природы, логической. Хемлин ставит героя в ситуации одна нелепее и безысходнее другой, произвольно используя повествовательные средства.

Все тут слишком по делу — и одновременно ни к чему. Нисл выучился в годы партизанства на парикмахера, чтобы отрезать косу украиночке, чтобы влюбиться, чтобы помочь ей найти предмет ее увлечения, чтобы убить его. Но убить не из ревности, а потому, что убитый — немец и подстрекатель. После этого об украиночке надо забыть — не по этическим соображениям, а по сюжетным, так как автору надо было через убийство сделать Нисла «крайним», отовсюду гонимым, чтобы пригнать его в места военного детства, в Остёр.

Автор показывает нам украиночку — чтобы завязать интригу с преследованиями, и тут же прячет ее. Показывает отца героя — чтобы завязать интригу с поисками сокровищ, и тут же от него избавляется. Показывает и тоже убирает из-под носа Остёр — чтобы завязать интригу с утопией, лесным еврейским братством, о котором мечтает бывший партизан Янкель. Для полноты картины добавим интригу шпионскую — для этого пригодится бывший русский партизан, после войны делающий карьеру в спецслужбе. Так ведь и этого предателя фронтовой дружбы, едва тот изготвится наподличать по-настоящему, авторское хитроумие ликвидирует...

Герои много рассуждают о вине и предательстве, раскрывают друг другу выдуманные заговоры, перехватывают оружие, просчитывают ходы, прячутся и преследуют — герои играют. Пусть не покажется это слово кощунственным по отношению к событиям, столь рискованно связанным с соблазном и смертью. Герои играют в художественном отношении — в романе все слишком страстно, перипетийно, как в кино. Янкель не хочет покончить с войной, Нисл, убивший пленного немца, — не может. Однако единственный настоящий подвиг в романе (героизм военного времени, повторюсь, тут не явлен, изложен в общих чертах) — подвиг гражданского человека. Нисл отважится предоставить свободный выбор женщине, которую любил. С

кинокадра — эффектной, на болоте, развязки любовной драмы — начинается его жизнь без заговоров. Обычная жизнь, которую Хемлин воплощает успешней, чем невероятные похождения.

Áááää Í áðééσ (á 1938) íéííááéü ííáíáðéíð, æóðíáééíð. Автор романов «Стать Лютовым», «Белый круг», сборников рассказов. Лауреат израильских и международных литературных премий.

Áéáááé Í íéóíáíá (á 1965) ééóáðáóóðíúé è õáííæáíðááííúé éðéóéé, печатается в журналах «Синий диван», «Теория моды».

Áí íí Íç (1939) éðáééüíééé íéííááéü лауреат многих литературных премий, в том числе Государственной премии Израиля по литературе. Почетный доктор ряда ведущих университетов мира. Преподает в Университете в Беэр-Шеве. Книги Амоса Оза изданы в 42 странах на 38 языках.

Áðüá Í éüü áí (á 1969) áááðáéíð, áéáéáéíð, íáðáíá-éé ááðáéíééð ééáííé-áíééð óáéíðíá Доктор философии, сотрудник педагогической ассоциации «Новая еврейская школа», Института Штейнзальца, Центра Чейза по преподаванию иудаики на русском языке.

Ááéáðéü Í áíóíááü ééóáðáóóðíúé éðéóéé, ííððáíí éé æóðíáéá «Í éóüáðü». Публиковалась в журналах «Новый мир», «Октябрь» и др. Лауреат «Новой Пушкинской премии» (2008).

Áééóíð Ðááóóééé (1937) íáðáíá-éé ñ éáðéóá íá óáííééé è óéðáéííééé üçúéé, доктор философии Еврейского университета в Иерусалиме. Преподает в колледже «Мидрешет Иерушалаим».

Áðüáí Ðáááçíá (á 1968) íéííááéü («Í áéíí-áíóáí-12»), óíóíáðáó («Í áí-ááéáíúé í éð», óíóíáéáí í áéá 2010), ááüóáéüü í áééááéçí áíá. Ááóíð éááé ææ-íííáíáíð áá ngendelev.

Áéáíá Ðéííí ééóáðáóóðíááü, íáðáíá-éé, доцент кафедры еврейского наследия в израильском университетском центре «Ариэль», редактор и комментатор («Ивритская литература в русских переводах: Антология» и др.).

Áéááéí éð Óáçáí (á 1952) óééíéíá íðíóáííð Ááðáéíéíá óíéááííéóáóá á Éáðüáééí á Автор книг и публикаций, посвященных различным аспектам русско-еврейских культурных связей.

Çáéí áí Óíáóð (1887-1959) ííüó, íðíçáéé. Его перу принадлежит ряд романов, наиболее известна историческая эпопея «Раввин и царь». В 1929 году вышла в свет книга рассказов «Шкловские евреи».

Ðé-áðá Óóáðí (á 1928) áí áðééáííééé íðíçáéé. Лауреат многих литературных премий. Наиболее известные из его книг: романы «Голк», «Ститч», «Отцовское напутствие»; сборник рассказов «О зубах, смерти и всем прочем».

Éáííéá Ðíéááðá (á 1945) éííóíðéé, áéáééíáðáó, éçááóáéüü Главный редактор и составитель альманаха «Иерусалимский библиофил».